

Сильвия Мерседес

КРОНА
КОШМАРОВ

ХРОНИКИ ВЕНАТРИКС КНИГА 7

vk.com/kurotranslations

Кто будет жить?

Кто умрет?

Кто будет изменен... навеки?

Айлет оказывается одна в жестоком Ведьмином лесу.

Или не совсем одна...

Узнав, что ее бабушка жива, Айлет вскоре понимает, что ужасы, когда-то приписанные к имени Жуткой Одиль, могут быть не правдой. Но какая правда? Может ли известная Ведьма-королева быть борцом за свободу, дарящим надежду тем, кого подавлял закон Святого Эвандера? Она — любящая семья, которую Айлет считала потерянной навеки? Или она — величайшая угроза миру?

Сражаясь, чтобы спасти любимых, Айлет, Террин и Герард должны разобраться с ложью, повлиявшей на их жизни с детства. Последний бой вот-вот состоится, и их решения определяют курс судьбы.

Перевод: Kuromiya Ren

ГЛОССАРИЙ

Тени: бестелесные духи, которые сбежали из адского измерения — Прибежища — и попали в мир смертных. Они не могут существовать в физической реальности без смертных сосудов, которых захватывают и наделяют неестественной силой. Если оставить без присмотра, они закрепляются в теле-носителе и прогоняют изначальную душу, захватывая сосуд полностью.

Известны следующие виды теней, описанные Орденом святого Эвандера:

АНАФЕМЫ

Способности связаны с кровью и проклятиями.

ПРИЗРАКИ

Способности связаны с контролем разума и манипуляциями.

АРКАНЫ

Таинственные существа, чьи способности до конца не поняты, но, похоже, связаны с энергиями типа жара, движения, света, магнетизма и электричества.

ЭЛЕМЕНТАЛИ

Способности, связанные с природными стихиями ветра, воды, огня и земли.

НЕВИДИМКИ

Способности связаны с исчезновением или мгновенным перемещением.

ДИКАРИ

Способности связаны с обостренными чувствами, силой и ловкостью.

ПРИМАНКИ

Способности связаны с чарующими голосами и зовом сирен.

ПРОРОКИ

Способности, связанные с видениями и предсказаниями. Могут смотреть в прошлое.

ОБОРОТНИ

Способности, связанные с временной трансформацией тел-носителей.

ПЕРЕВЕРТЫШИ

Способности связаны с трансформацией или манипуляцией материальными

веществами.

ПРОЛОГ

Серина стояла на бойнице самой высокой башни замка Дюнлок. Зимний ветер трепал тонкую ткань ее платья, щипал за кожу, ведь она забыла надеть плащ, когда поднялась по лестнице башни и продолжила наблюдать сверху. Но она едва ощущала холод.

Она смотрела на Ведьмин лес, темное пятно на восточном горизонте.

Она заняла это место несколько часов назад, пока солнце еще было высоко. Оно теперь садилось за ней. Вскоре ночь накроет землю. Но тьма на горизонте вдали не была связана с наступлением ночи. Она растянулась за день, даже когда солнце было в зените. Она лилась по Водехрану, сначала медленно, а потом потоком. В этой тьме Серина заметила синий блеск, словно фонарь маяка в шторм, предупреждающий о катастрофе впереди. Но ее душу почему-то тянуло к тому сиянию. Может, катастрофа была ее судьбой.

Судьбой всего Перриньона.

Она вдруг вздрогнула от холодного прикосновения к ладони и посмотрела на милое круглое лицо Нилли ду Бушерон. Ребенок тихо поднялся по лестнице и крепко сжал ладонь Серины. Станный свет сиял в глазах девочки, единственный признак духа, живущего в ней с рождения.

Горло Серины сжалось, но она нежно обхватила пальцами ладошку Нилли.

— Скажи, — заговорила Серина, — ты видишь конец? Видишь, что принесет эта ночь?

Она не задала маленькому Пророку тот вопрос, который пылал на ее языке, в ее сердце. Если бы она произнесла вслух, предалась бы страху, а она не могла это позволить. Не сейчас. Она еще дышала.

Нилли отвернулась от Серины, посмотрела на замерзшее озеро, на леса и поля Водехрана, но видела куда дальше. Ее теновое зрение точно несло ее дальше, чем могла видеть Серина. Но она молчала. Она не озвучила пророчество или видение.

Она прильнула к Серине, уткнулась личиком в складки ее юбки.

Серина подавила всхлип и обвила девочку руками, радуясь, что рядом было ее маленькое дрожащее тело. Нилли обладала невообразимыми силами. Но сейчас она нуждалась в силе Серины. А Серина могла быть сильной ради других, если нужно было. Даже когда она не могла быть сильной для себя.

Ее левая ладонь сжалась в кулак, сминая пергамент. Не открытое письмо. Письмо Герарда. Ее губы двигались в словах молитвы, шептали их зимнему ветру:

— Голова богини, сжался. Сердце богини, сжался. Душа богини, сжался.

Солнце село. Тень упала на землю, звезды и луна не прогоняли ее. Только далекое голубое сияние виднелось на горизонте на востоке.

ГЛАВА 1

Айлет бросилась на стену с такой силой, что дыхание вылетело из легких. Воздух вырвался изо рта порывом, и обливис отлетел от лица. Темные частички мерцали, как искры.

Камни были острыми у лопаток, впивались, как грани драгоценного камня. Улица, в которой она скрылась, была ужасно темной, и если бы она видела только своими глазами, она осталась бы слепой.

Но это был не реальный мир. Правила реальности тут не работали.

Края ее тела были туманными, пытались рассеяться. Это было только изображение в голове, проекция ее разума, чтобы придать себе облик в этом сне. Она знала, что все это не

было настоящим, но от этого окрестности не становились менее яркими и убедительными.

Она призвала смелость, выглянула из переулка на дорогу, по которой только что пробежала. Обливис заполнил воздух, был особенно густым у земли, словно поднимался от брусчатки. Густой туман скрывал детали высоких зданий по бокам дороги, но не мог спрятать ощущение нависающей громадности. Айлет еще ни разу не ходила по настоящему городу. Она поехала.

Она потянулась чувствами, искала духовную связь, соединяющую ее с ее тенью, впиваясь в это присутствие и те силы, которые она привыкла ощущать доступными. Но где-то далеко в мире реальности ее тело лежало без сознания, ладони были скованы железом. Влияние железа проникало под кожу, в кровь и дух, подавляло ее тень. Ларанта не могла дотянуться до нее ни в том мире, ни в этом сне. Духовная связь была целой, но такой тонкой, что Айлет едва ощущала ее.

Она была одна.

Обливис лениво летал медленными потоками, и воздух вдруг замерцал и задрожал энергией, которая усиливалась с каждым мигом. Айлет затаила дыхание, и каменный кулак сжал ее колотящееся сердце. Ей нужно было уйти в переулок, спрятаться, но она не могла оторвать взгляда.

Силуэт приближался по центру дороги, фигура без четкой формы. Обливис в воздухе вокруг нее вспыхивал ярче тeneвым светом, создавая пульсирующую ауру и очертания. Она приближалась, негативное пространство в центре будто стало тверже, и Айлет узнала силуэт высокой худой женщины. Глаза не сияли там, где должна быть голова. Но Айлет ощущала, как взгляд искал ее.

В последний миг она юркнула за стену, застыла от страха. Это была безнадежная игра в кошки-мышки. Весь этот мир — высокие здания, брусчатка под ногами, даже переулок, в котором она пряталась, — был иллюзией. Только обливис был настоящим.

Айлет скрипнула зубами и посмотрела на переулок. Пространство меж двух высоких зданий было узким, заполненным обливисом... и с тупиком. Она была глупой, позволила страху завести ее в укрытие, когда нужно было уходить подальше от преследователя! Поздно. Теперь она попала в ловушку как...

Нет. Она моргнула, покачала головой и посмотрела снова. Нет, в конце переулка все-таки была дверь.

Айлет выдохнула с облегчением, отодвинулась от стены и побежала, шатаясь, к концу переулка. Дверь была низкой, она не узнала материал. Она была приоткрыта. Только тьму было видно за ней. Айлет коснулась двери... но замерла. Это было слишком просто, слишком удобный побег в удобный момент. Как она могла знать, что это была не очередная ловушка? Она не управляла этим сном.

С горечью ругаясь, она разглядывала стены по бокам. Словно по волшебству, грани камней стали гладкими, как стекло. Не удалось бы зацепиться пальцами и носками. Она не могла забраться. И не могла вернуться.

Айлет оглянулась на переулок, который, казалось, тянулся и сжимался. В любой миг тот силуэт из тени мог появиться в начале переулка, и горящие глаза увидели бы ее. Ей нужно было действовать. Нужно было сбежать.

Айлет толкнула дверь шире и юркнула внутрь. Она стояла у узкой лестницы, других вариантов не было, и она закрыла дверь за собой и стала подниматься. Ее босые ноги не шумели на холодных ступенях, она перешагивала по две-три за раз. Сначала лестница вела

прямо вверх, а потом стала закручиваться, сужаясь. Ступени стали узкими, и Айлет приходилось помогать себе руками, поднимаясь.

Вдруг — свет. Голубой пульсирующий свет сиял на стене над ней от источника, который не было видно.

— Проклятие! — выдохнула она и замерла. Она не могла туда идти. Не могла! Она знала, куда вела лестница.

Она огляделась. Лестница была узкой и без окон. Никаких площадок и дверей. Она оглянулась, но там был только обливис. Она не могла заставить себя поверить, что лестница, по которой она уже прошла, оставалась под ней.

Воздух стал гудеть новой энергией. Камни дрожали, и эта дрожь поднималась снизу. Была все ближе.

«Ларанта!» — тихий крик вырвался из ее души, побежал по духовной связи. Но ее тень не могла ответить.

Айлет безнадежно посмотрела вверх, стала немного верить тому, что видела. Площадка появилась, будто чудо, там, где миг назад была стена. Пространство в восемь футов была между ней и краем площадки, внизу была непроницаемая тьма. Она не мешкала. Ее мышцы напряглись, как у кота, и она прыгнула, размахивая руками, несясь по воздуху. Ее живот ударился об край площадки, руки вытянулись, ноги отталкивались от пустоты.

Она могла поднять колено, выбралась из пропасти. Айлет проползла к двери в стене, схватилась за ручку. Она поддалась, дверь открылась так быстро, что она провалилась. Айлет стала подниматься на ноги, но застыла на корточках.

Ее лицо вытянулось от шока.

Она была в темной комнате с куполом. Она не видела вершину купола, так высоко та тянулась в тенях сверху. Прямо под невидимым центром стоял стул — большой, из старого дерева с пятнами крови и других субстанций. Айлет моргнула, часть пустоты на краю комнаты стала фигурами в капюшонах. Только одна стала четкой, и Айлет увидела ее лицо.

Она была девушкой, наверное, возраста Айлет или немного младше. Ее волосы были длинными, ниспадали темными волнами на спину белой рубашки. Она была в штанах венатрикс, но не замотанных, а свободных вокруг лодыжек. Босые ноги шлепали по холодному камню пола. Две безликие фигуры провели ее к стулу, и она села сама. Кожаные ремешки приковали ноги девушки, и Айлет ощутила запах железа в этих оковах. Еще ремешок обвил ее шею, еще один — лоб, прижимая ее голову к высокой спинке стула. Только ее руки остались свободными. Она сжимала костяной вокос на коленях, костяшки побелели от напряжения. В ее больших глазах сиял невысказанный страх, но она старалась изображать смелость.

Выражение выглядело... нет, ощущалось знакомо. Айлет сама часто изображала его.

Темные фигуры отступили. Движение на балконе сверху привлекло внимание Айлет. Появилось больше теней, они обступили нижнюю часть купола. Они стояли, подняв руки, целясь скорпионами в девушку на стуле. Айлет почти ощущала горечь Нежной смерти в воздухе.

— Одиль ди Мовалис, — серьезный голос зазвучал от первой фигуры перед стулом, — время пришло. Все зависит от тебя.

— Я... — паника звучала в слове, но девушка сглотнула, моргнула и стиснула зубы. — Я готова служить Святому, согласно воле Богини.

Ощувив еще движение краем глаза, Айлет повернулась, увидела, что подошли еще две

темные фигуры, несли клетку. В клетке был кролик. Но не робкий маленький кролик. Это существо прыгало, отбивалось, терзало прутья, оставляя раны на себе. Айлет поняла, что он был захвачен тенью.

Первая из темных фигур подошла к клетке и вытащила нож.

— Одиль ди Мовалис, — сказала она, — произнеся клятвы перед алтарем нашей Богини, ты вызвана принять в свое смертное тело эту адскую силу. С этого дня чистота твоей души и тела осквернена, и если не будет вмешательства, ты будешь обречена. Эту судьбу ты принимаешь по жертвенному прецеденту, установленному нашим святым праотцом, Эвандером из Ройма. Пусть Богиня не сводит взгляда с тебя в твоём жутком состоянии; пусть Она видит поступки, которые ты совершаешь в Ее имя и засчитывает их тебе на пользу для дня Последнего суда. Пусть Она протянет руку и защитит тебя, посвятившую свою жизнь службе Ей и защите Ее творения.

— Так тому и быть, — сказала множество голосов из теней вне света факела.

Девушка на стуле не говорила. Ее клятвы были произнесены, она использовала слова. Выражение ее лица, казалось, отражало лицо Айлет, пока она смотрела, как темная фигура открывает клетку и хватается кролика за шею.

Это произошло быстро. Один миг кролик пронзительно кричал, буйствуя. А потом вспышка крови, брызги оскверненной тенью крови.

В комнате взорвалась магия высвобожденной тени. Тень была такой силы, какую Айлет раньше не встречала. Она с криком вырвалась из смертного тела, ее голос терзал дух Айлет как ножи. Она зажала руками уши, но без толку. Тень дико взлетела под купол, кружила невидимой бурей магии и злости. Фигуры на балконе пошатнулись, но устояли, не перестали целиться в девушку, пристегнутую к стулу.

Айлет ощутила, как тень ударила по чарам и барьерам, удерживающим ее в той комнате. Она ощущала, как те чаропесни дрожали от удара, но устояли. Тень была заперта. Она должна была скорее найти носитель, иначе... Воздух уже мерцал, Прибежище открывалось, чтобы забрать потерянный дух. Реальность треснула.

Ощувив близость Прибежища, тень перестала дико кричать. Она будто оценивала души в комнате, искала тело, чтобы выжить. Только одно из всей толпы было не захваченным. Еще и прикованным к стулу, как ягненок на алтаре.

Прибежище раскрылось. Тень сделала выбор. Она собралась темными кольцами, потекла к большим темным глазам. Одиль ди Мовалис закричала от боли. Айлет повторила ее крик.

Но в крике Айлет слышала другой голос в ней, шепчущий с пылом:

«Боялась ли я, когда они сказали, что мое время пришло? Конечно, нет. Я была особенной. Я пережила бы Одержимость, и я овладела бы Элементалем, которого они бы мне дали. Я овладела бы обливисом».

Айлет повернулась. Кто стоял во тьме рядом с ней? Одна из многих темных фигур в этом видении, призраки давнего воспоминания? Или...

Она не ждала, чтобы узнать. Она побежала сквозь картинки вокруг нее. Они таяли, как пар, и купол пропал. Звуки, чары, крики исчезли. Она десять шагов бежала во тьме.

А потом она оказалась на широкой дороге под темным тяжелым небом. Высокие здания Дулимуриана нависали вокруг нее, окна зияли как сотни глаз, из которых глядела только одна темная душа. Она пробивалась через туман обливиса, бежала быстрее, бежала, пока не перестала слышать голос в голове, эхо Одержимости в ушах.

Почему это происходило с ней? Почему тот голос преследовал ее, шептал те истории и помещал эти воспоминания в ее голову? Словно — Айлет скривилась, едва осмеливаясь признать мысль — Одиль пыталась заставить ее понять. Увидеть те моменты, пережить их.

Но этого не могло быть. Это точно была ловушка. Потому что Одиль должна была хотеть только убить Айлет, последнюю помеху между Ведьмой-королевой и бессмертием, которое предлагала Краван Друк.

Айлет зарычала, пока бежала по широкой дороге, которая вела через мост к небольшим улицам, где она могла временно спрятаться. Она не даст управлять ею, ее не заманить. Она не расслабится ни на миг.

И она не будет переживать из-за темноглазой девушки, пристегнутой к стулу. Та девушка была такой знакомой, и...

Айлет остановилась у дальнего конца моста, тяжело дыша.

— Проклятье! — выругалась она. Пейзаж снова изменился. Та часть города, где она хотела спрятаться, пропала, появился огромный монолит с ярусами ступеней, вырезанных в камне. И на вершине монолита символом победы и силы стоял огромный идол Одиль, ее ладонь была протянута над городом.

Голубой свет сиял высоко на той ладони — сияние эйтра, а под ним пульсировала аура силы.

Айлет раздраженно зарычала и резко повернулась. Стена поднималась перед ней, но не была высокой. Она прыгнула, забралась на вершину и замерла, чтобы перевести дыхание, посмотрела на мрак на дальней стороне. Обрыв в двенадцать футов до брусчатки.

Кривясь, она опустилась за край, повисла на кончиках пальцев, спрыгнула и прокатилась по каменистому склону, ладони пытались ухватиться за камни или кусты, моргала от резкого света дня. У основания она повернулась и замерла на миг, дождь стучал по ее лицу. Она лежала на узкой дорожке, ведущей по склону горы, окруженной другими каменистыми пиками.

Звуки боя наполнили воздух. Красные капюшоны сверкали перед ее глазами, крики звенели в прохладном горном воздухе. И магия. Магия дрожала в трещинах камней и ущельях, опасная, разные краски духов сверкали перед ее глазами.

Айлет поднялась на узкой тропе, ноги скользили по грязи. Она видела в хаосе круп лошади, видела, как всадник спрыгнул, лошадь упала. Айлет смахнула дождь с глаз, увидела знакомое лицо, глядящее на павшего коня — та же темноглазая девушка из комнаты с куполом. Только старше. Тверже. Яростнее. И полная тайного гнева, мерцающего в ее душе.

Айлет смотрела, а женщина вытащила вокос из чехла, прижала к губам и заиграла Песнь призыва. Сила кипела в ее духе, темная магия поднималась внутри. Нити песен подавления были на месте, но девушка безумно пыталась распутать их.

Фигура поднялась в воздухе перед ней — мужчина летел на потоках ветра, окруженный магией своей тени. Айлет смотрела сквозь пелену дождя, а он глядел на юную венатрикс, вытянув руку, и повернул запястье. Рука из воздуха вытянулась, обвила женщину и бросила ее в воздух. Она улетела в долину за лесом, пропала из виду.

«Я не просыпалась. Днями, неделями я лежала в ступоре, запертая в своем разуме», — шептал голос на ухо Айлет.

Картинки изменились. Гора пропала. Дождь растаял. Больше сцен появилось перед ее глазами, одна за другой. И в этот раз Айлет не бежала. Она даже не пыталась. Она не могла оторвать взгляда от поразительной истории перед ней. Истории девушки, которая была

похожа на Айлет. Ее растили с верой в одну цель. Она была верной Богине и закону святого Эвандера. Верная, сильная, амбициозная, решительная... но ее всегда считали недостаточно хорошей.

Тихий голос шептал на ухо Айлет, но Айлет едва замечала его. Она видела, слышала, ощущала запахи и вкус каждой сцены, пока стояла, тихая и незаметная, в тени.

Она видела, как яростная юная венатрикс зарычала на мужчину, пытающегося исцелить ее.

Эта же венатрикс лежала в руках того мужчины, они смотрели на лицо их дочери.

«Олена».

Она видела, как Красные капюшоны вернулись в горы, шли по лесу и склонам.

Юная венатрикс выползла из палатки, конечности все еще были отчасти парализованы ядом, пока она смотрела на поток дыма в небе. И Айлет видела, как эта молодая женщина, больная, худая и бледная, с впавшими глазами на осунувшемся лице, поднялась по горе, искала, искала, искала, пока не нашла следы погребального костра.

Агония пронзила душу Айлет, слезы лились по ее лицу. Она плакала с венатрикс. Она плакала с Одиль, та опустилась на колени посреди холодного пепла, уткнулась в него ладонями и лицом, крича, задыхаясь.

— Олена, — прошептала Айлет.

Она охнула. Что она делала? Стояла тут, как дура, даже не пытаясь бороться с голосом в голове.

Айлет вырвалась из той сцены, побежала в вихрь обливиса. Страх гнал ее, страх перемен, которые она ощущала в сердце. Она знала правду. Знала. Богиня, помощи! Одиль была чудовищем, ведьмой, мерзостью в глазах божественного. Она выпустила зло магии, захваченной тенями, в Перриньон, уничтожила храмы и разбила святые места. Она убивала смертных, превращала их в рабов. И ощущать сочувствие к такому чудовищу...

— Нет! — зарычала Айлет и погнала свой дух быстрее. Обливис пропускал ее, принимал в свои глубины, заполнял ее чувства, и она уже не слышала рыдания венатрикс за ней.

Но тот голос преследовал ее, будто смерть:

«Постой, дитя. Не беги от меня».

Айлет не осмеливалась остановиться и слушать. Она была на краю, и если она послушает тот голос, она упадет. И она мчалась вперед, позволяла духу повернуться в сторону, куда ее тянуло, как стрелку компаса к северу, хоть и пыталась все время бороться.

Она повернулась к идолу. К короне из эйтра, ждущей сверху.

Город снова появился вокруг нее, чистый, а не развалины. Воспоминание о том, каким когда-то был город, яркий, сияющий под солнцем, черные поверхности отражали свет гранями. Идол возвышался над городом. Не идол Одиль. Нет, красивое вырезанное лицо сверху было похоже на Ведьму-королеву, но не совсем.

Айлет опустила голову, не давала себе смотреть, ускорила шаги. Она боялась того идола, боялась того, что ждало ее сверху. Но она боялась и преследователя. Она побежала по черным ступеням большого монолита из чистого облитита, который поддерживал идола, а потом добралась до правой ноги идола, где она нашла дверь в лодыжке, едва заметную. Она протянула руку, но дверь открылась до того, как Айлет ее коснулась.

Лестница поднималась спиралью перед ней. Айлет устремилась вперед, миновала по три ступени за шаг. Реальность искажалась вокруг нее, она знала, что сила ждала ее наверху,

и это позволяло ей взбираться быстрее, чем она могла в физическом мире. Она добралась до двери, которая вела к мосту над простором воздуха почти в миле над миром внизу. Айлет давилась своим дыханием, голова кружилась, но при этом она узнала в мосте правую руку идола. На конце была раскрытая ладонь. И корона.

Решимость подвела Айлет. Голубой свет сиял в далекой ладони, манил ее поспешить, но она не могла заставить ноги слушаться, не могла заставить их ступить на тот мост.

А потом воздух вокруг ее ушей задрожал силой, и она услышала шепот Одиль: «Тебе нужно знать больше, мне нужно многое тебе рассказать».

С тихим всхлипом Айлет бросилась прочь от лестницы к открытому воздуху. Ветер дул в ее лицо, обливис жалил кожу и глаза как песчинки. Она замечала внизу город, здания стояли кругами, королевские дороги были как пятиконечная звезда, лучи вели в центр. Но она не осмеливалась смотреть долго, иначе ее смелость увяла бы. Над ней сзади она ощущала огромное лицо идола, глядящее на нее немного любопытными пустыми глазами. Но она отказывалась оглядываться, видеть те черты — свои черты — усиленные до ужасающей степени. Она бежала на полной скорости по руке, прыгнула в пространство между колонн пальцев.

Корона ждала в центре ладони. Она была больше, чем Айлет ожидала. Намного больше. Она видела ее лишь раз месяцы назад, в другом сне. Тогда она была на голове Одиль, и хоть корона была большой, возвышалась на фут, она была не слишком большой для головы королевы.

Эта корона... она могла легко налезть на гиганта вдвое больше Одиль. Ее зубцы были созданы с жестоким изяществом, будто листья лилии, но острые, как клинки. Станный эйтр, из которого она была создана, сиял внутренней жизнью. Священное писание говорило, что эйтр был субстанцией, из которой Богиня создала все живое. Молот и наковальня никак не изменили бушующую жизнь внутри.

Но, как и все живое, его мог захватить дух-паразит.

Айлет смотрела на корону, на голубой пульс, который, казалось, тек по венам под затвердевшей поверхностью. Она ощущала, как на нее смотрели. Она шагнула к короне, протянула руку.

— Стой.

ГЛАВА 2

Холлис краем глаза видела венатора и венатрикс, обыскивающих тела мертвых захваченных тенью на шоссе, искали ядовитые дротики, чтобы пополнить запасы. Она не знала их имена. Она редко бывала в каструме Брекар за последние двадцать лет, и юные лица собратьев были ей незнакомы. Венатору на вид было под тридцать, у него была светлая борода в пятнах осквернённой тенью крови. Венатрикс была чуть старше Айлет.

Холлис услышала, как венатрикс охнула, когда перевернула тело одного из мертвых чудищ. Холлис не видела, что увидела девушка, и это было хорошо, ведь венатрикс стошнило, когда она повернулась, дрожа от ужаса. Никто не стал ее утешать или помогать ей. Она была венатрикс. И когда она перестала дрожать, она приступила к работе, вытаскивая дротики из шкуры монстра, разглядывая их в поисках яда на кончиках.

Холлис склонила голову. Она сидела на коленях на брусчатке из полированного облитита Королевской дороги, окруженная резней. За дорогой возвышался Ведьмин лес. Ядовитый Ведьмин лес, в чей разум она проникла, чей гнев разожгла. Он был тихим пока что... смертельно тихим. Было бы просто поверить, что он спал, но Холлис знала, что он не

спал. Он просто ждал.

Ее ладонь ощупала разные колчаны, считая дротики с ядом. Только три Нежные смерти остались у нее. Несколько других ядов, менее полезных, хотя она была рада, что они у нее были. И у нее были нож, железный шип и, конечно, ее тень. Этого должно хватить.

Она подняла голову, посмотрела поверх длинного клюва маски туда, где в паре шагов от нее стоял Фендрель. Его тело было прямым, он широко расставил ноги, отвернул голову от Холлис, глядел на тени Ведьминого леса. Глядел туда, куда утащили Айлет. Айлет... его оружие. Его последнюю надежду забрали из-под носа.

Холлис едва могла смотреть на него. Ее теневые чувства уловили опустошение в его душе. И это была ее вина — по ее вине Ведьмин лес забрал Айлет. Она погрузилась в его разум, раскрыла присутствие Айлет, молила ту потустороннюю силу о помощи. Ее идея сработала: Ведьмин лес восстал против захваченных тенями Жуткой Одиль, убил и прогнал монстров, которые точно уничтожили бы маленькую группу эвандерианцев.

Но потом лес забрал награду.

Голова Холлис болела, еще ощущала сотни щупалец, забирающиеся в ее ноздри, глаза, уши и горло. Она могла сосредоточиться и отогнать призрачное ощущение, но если расслабляла разум хоть на миг, все возвращалось.

Когда она уловила топот спешащих шагов, Холлис подняла голову и увидела, как Фендрель напрягся, вглядываясь в деревья. Она встала и прошла за него, скрываясь от его взгляда.

Фигура вышла из теней, вырвалась на брусчатку Королевской дороги. Венатор Кефан ду Там согнулся, уперев ладони в колени, пытаясь перевести дыхание сквозь маску.

— Что, ду Там? — осведомился Фендрель.

Кефан тряхнул головой и резко выпрямился.

— Доминус, — выдохнул он. — Я пошел по следу как можно дальше. Насколько я понял, Айлет еще жива. Я не нашел крови, не было запаха смерти или отделенной души. Но...

— Говори уже! — прорычал Фендрель.

Кефан скривился, качая головой.

— Я дошел до стены лоз. Я призвал больше силы своей тени, попытался пробить путь. Но стена была непроницаемой.

— А Айлет? — спросила Холлис. Фендрель поежился от ее голоса за ним, но не повернулся.

Кефан мрачно посмотрел на Холлис. Хищный свет сиял в его зрачках, тень в нем была почти не подавлена.

— Если меня не обманули теневые ощущения, она на другой стороне.

Фендрель резко прошел десять шагов по дороге, откуда они пришли, отвернувшись от остальных. Венатор и венатрикс подошли к Кефану, и Холлис уловила его тихие ответы на их вопросы. Она ощутила напряжение их духов. Во всех тени были раскрыты. Никто не усиливал чары подавления после недавнего боя. В лесу было полно духов людей и теней. Эмоции и магия мерцали бурей красок, звуков и энергии.

Холлис отошла от дерева, глядя на спину Фендреля. Она была квадратной и сильной, как и всегда. И его длинные волосы, убранные с лица тремя плотными косами, ниспадали на плечи, кончики завивались, мягкие, как нити золота. Серые пряди среди золота были почти незаметными, и со своего места Холлис могла почти поверить, что видела юного Фендреля,

каким он был двадцать пять лет назад. Сильную и пылкую душу, думающую только об одной цели. Как она его тогда любила!

Как она теперь его боялась...

Холлис подошла к нему сзади, стараясь ступать по брусчатке так, чтобы не спугнуть его. Она видела по едва заметному повороту его головы, что он слышал ее, узнал ее шаги. Она подняла ладонь и хотела опустить на его плечо. Но замерла, пальцы были в дюймах над его кожаной броней. Холлис осторожно вдохнула.

— Она не мертва, Фендрель, — сказала она.

Он не ответил. Мышцы его шеи напряглись.

— Надежда не потеряна. Корона... нуждается в ней. Живой. Она хочет ее тело и кровь. Она не убьет ее. Она жива. Где-то там. Я знаю это.

— Возможно, жива, — голос Фендреля был низким и грубым, как разбитый камень. — Но она заберет ее. Использует. Захватит, — он покачал головой, клюв двигался как копьё. — Было бы лучше для всех нас, если бы я убил ее, когда был шанс.

Холлис отдернула руку, лед пронзил ее грудь. Все нежные чувства, пытающиеся затуманить ее разум, пропали. Этот мужчина все еще был венатором-доминусом ду Глейвом. Не Фендрелем, юношей, которого она когда-то любила. Это был Черный капюшон. Легенда. Лжец.

Она отпрянула на шаг, сжала кулаки по бокам и скрывала эмоции в голосе, пока говорила:

— Даже если корона захватит Айлет, она будет не так сильна, как была Жуткая Одиль. Без двойной тени она будет слабее. Мы сможем победить ее. Одолеть корону, — слова вылетели из ее рта, и Холлис покачала головой и посмотрела на лес. — Но она не будет с Короной, Фендрель. Что бы она ни сделала с Айлет.

— Ты — дура, если веришь в это, — Фендрель повернулся к Холлис, глаза над маской пылали.

— Ты — дурак, Фендрель. Всегда им был, — Холлис прижала ладонь к груди, ощущала биение сердца под кожаной броней. — Я знаю Айлет. Я растила ее, знаю ее душу. Ты понятия не имеешь, кто она. Ты не знаешь глубины ее... упрямства. Ее решимости. Но ее сердце... — она вздохнула, мышцы челюсти напряглись. — Ее сердце есть и всегда было честным, — ее глаза вспыхнули. — Она не хочет власти, не хочет влияния, стать легендой. Не как ты. Не как я.

Фендрель смотрел на нее свысока из-под тяжелых бровей. Он разглядывал ее, и его внимание было как лезвие у ее кожи. Одно неверное движение, и он порежет ее, оставит полосу крови. Холлис не вздрогнула.

— Надежда еще есть, — после паузы она пожала плечами. — А даже если нет, разве у тебя есть выбор? Побежишь домой, в Дюнлок? Поднимешь барьеры? Или призовешь больше душ, готовых отдать жизни и вечность ради атакары?

Фендрель отвернулся. Было невозможно понять эмоции на его лице из-за маски, из-за волос, ниспадающих на щеку. Но Холлис не нужно было видеть его лицо. Ее тень коснулась края его разума.

Она быстро отпрянула. Пульс его отчаяния был слишком сильным.

Ощувив прикосновение ее тени, он поднял голову. В глазах был опасный свет.

— Что ты предлагаешь, венатрикс? — осведомился он. — За годы в тебе появилась жажда самоубийства?

Его слова вызвали давние воспоминания, которые она успела забыть. Она увидела себя девушкой, едва миновавшей церемонию Одержимости. Полной огня. Полной пыла. Полной страха. Она видела себя в оружейной каструма Ярканд, все тело дрожало от эмоций, которые она едва осмеливалась называть.

— Это самоубийство, Фендрель. — сказала она тогда ему. — Ты себя погубишь.

— Лучше умереть, выполняя волю Богини, чем жить трусливо. Как червь, — ответил он.

Фендрель никогда не сомневался в воле Богини. Он не сомневался в цели перед собой, не сомневался в каждом шаге. Но куда вели те шаги?

— Никто из нас не знает, что за смерти уготовила нам Богиня, — сказала Холлис. — Но мы — не ягнята на алтаре. Мы — живые жертвы... и мы позволим Ей определить конец.

Она расправила плечи и убрала импульсивно маску с лица, чтобы смотреть на Фендреля прямо, чтобы он видел ее четко.

— Я пойду в Дулимуриан, — сказала она. — Я сделаю все, чтобы помешать Одиль добраться до короны.

Фендрель глубоко вдохнул сквозь маску. Он тоже расстегнул ремешки за ушами и снял клюв, открывая лицо. Холлис видела, как потемнели его вены под бледной кожей, какой оскверненной стала его кровь. Дух в нем воевал с его душой, и все силы Фендреля уходили на то, чтобы удержать его в узде. Но он держался. С трудом, но держался.

Он сделал шаг, другой, пересек расстояние между ними и навис над Холлис, его широкие плечи закрыли для нее лес за ним. Фендрель впился в ее глаза взглядом. Было легко затеряться в тех глазах, в серых прудах, поддаться его воле.

Больше нет. Хоть воздух между ними стал жарким, полным силы их теней и пульса их сердец, Холлис не могла больше поддаваться Фендрелю.

— Ну? — спросила она, голос хрипел в горле. — Что будешь делать?

— Я пойду с тобой, Холлис, — Фендрель чуть не взял ее за руку. Она ощущала его пальцы близко, но он не коснулся ее. — Я умру с тобой.

— Тогда пусть Богиня сжалится над нашими душами.

ГЛАВА 3

Террин целился скорпионой в сердце девушки, стоящей в пяти ярдах напротив него. Тени от измученных деревьев Ведьминого леса не могли полностью скрыть ее милые черты, женственное тело, заметное сильнее из-за изорванного бального платья.

Он застыл. На миг он увидел там красивую леди, которая вызывала у него когда-то юную страсть, недостижимую фантазию. Он не мог отделить картинку перед ним от тех воспоминаний — ее соблазнительной улыбки, ее рук вокруг его шеи, мягком теле, прижатом к нему в приглашении. Мучения его тела, когда он пытался сдерживаться, как требовал Орден.

Он видел Лизель ди Матин. Но лишь миг.

Террин моргнул, теневое зрение силой открылось в нем, показывая тень, кипящую в том теле, опасное сияние странного света Невидимки. Он стиснул зубы, сжал спусковой механизм у ладони. Скорпиона дернулась и выстрелила. Дротик Нежной смерти пронесся по воздуху, рассекая пылинки обливиса, словно слою занавеса. Его глаза обманывали его, говорили, что дротик летел ужасно медленно, хотя он знал, что снаряд несся быстро.

Но недостаточно быстро. Фантомная ведьма пропала во вспышке тьмы, шагнула из этого мира в Прибежище, следуя своим невидимым путям. Нежная смерть рассекла пустоту на месте ее сердца. И мир порвался, она вышла за Террином.

Вспышка стали. Меч Герарда рассек воздух, Террин заметил это краем глаза. Террин отшатнулся вправо, отпрянул от атаки. Реакция принца была хорошей, он почти идеально угадал, где появится ведьма. Но его клинок рассек только обливис, почти задел Фантомную ведьму. В этот раз она не вернулась сразу же.

— Быстро! — рявкнул Террин и схватил Герарда за руку. Герард без возражений позволил оттащить его на несколько шагов в сторону, развернуть и прижать спиной к дереву, чтобы Фантомная ведьма не могла появиться за ним. Террин повернулся спиной к Герарду, закрывая его своим телом, как щитом. Он схватил еще дротик Нежной смерти из колчана. Оставалось несколько.

Белое сверкающее крыло мелькнуло перед его глазами. Нисирди, его тень, встал перед ним, выгнув длинную шею, раскрыв пасть, белый огонь собрался в его пасти. Он посмотрел по сторонам, словно искал след другой тени, но не мог уловить его.

Террин замер. Он не привык брать магию тени посреди боя, не привык управлять той огромной силой. Он должен был воззвать к ней сейчас? Собрать в ладони залп белого света и выпустить в Фантомную ведьму, как только она появится? Это могло сработать лучше яда, и...

Еще дыра тьмы открылась в мире, Фантомная ведьма выпрыгнула слева от Террина. Он повернулся, выстрелил, но она была слишком близко и слишком быстрой. Она отбила его руку, дротик улетел.

«Нисирди!» — взревел Террин в голове.

Его тень дрогнула в ответ, жар поднялся в Террине, побежал по рукам к ладоням. Фантомная ведьма поймала его за горло, Лизель улыбалась ему.

— Идем со мной, венатор, — прошипела она.

Террин не успел даже вдохнуть.

* * *

— НЕТ! — закричал Герард, бросился, сжимая ладонью кружащийся обливис. Была лишь пустота на месте Террина. В воздухе дрожал шок от разрыва миров, брешь тут же закрылась. Ощущение потрясло Герарда.

Он отшатнулся на пару шагов, врезался в ствол дерева. Грудь вздымалась. Яд обволакивал его легкие, слабость растекалась по ногам, собиралась в животе. Он не мог поверить в то, что увидел. Он мог только стоять, тяжело дыша, втягивая в себя больше яда.

А потом он стал двигаться. Сначала удалось сделать только несколько неровных шагов. Но решимость росла, силы возвращались, и он двигался все быстрее. Он вспомнил слова Террина, что Фантомная ведьма могла двигаться только в радиусе мили от оставленного якоря. У него не было времени, чтобы покинуть радиус. Но он мог попытаться.

Он моргнул, во тьме за веками увидел белую ладонь, сжимающую горло Террина. Он видел милое лицо Лизель, искаженное ненавистью Инрен. А Фейлин? Что с Фейлин? Был ли шанс, что она осталась в том теле? Сведенная с ума, но еще цепляющаяся за существование в этом мире?

Герард отогнал эти мысли. Он не мог сейчас думать. Эти мысли вели к отчаянию. А если он поддастся отчаянию, все будет потеряно. Ему нужно было двигаться. Нужно было добраться до видения, которое дала ему девочка, Пророк. Каменная платформа высоко над миром, пальцы-колонны вокруг него. Свет звезд на черном камне...

Он побежал. Тело дрожало от усталости. Он знал, что ядовитый воздух влиял на него. Воздух и его страх. Колени подогнулись. Он упал, но поднялся. Упал снова. Герард пополз,

тащил меч за собой. Клинок оставлял след в гнилой земле.

Герард склонил голову, волосы в засохшей грязи висели перед глазами, прилипли к щекам. Легкие болели от необходимости вдохнуть, но свежего воздуха не было милями. Конечности покалывало, его мутило. Он полз, ладонь за ладонью, колено за коленом. Его меч был грузом, и требовалась вся сила воли, чтобы тащить его.

А потом он остановился.

Он видел босую белую ступню. Изящную, почти сияющую среди грязи Ведьминого леса. Герард медленно поднялся взглядом к грациозной лодыжке, голени и голому колену. Он добрался до обрывков юбки вокруг бедер и узкой талии.

Он не смог заставить себя посмотреть выше, на лицо Лизель. Он не хотел видеть в тех глазах Инрен.

— Я так много о тебе слышала, Золотой принц, — сказала Фантомная ведьма, ее слова падали в его уши каплями кислоты. — Я видела твое лицо во снах больше раз, чем могу сосчитать. В ее снах, точнее. Похоже, мы хорошо знали друг друга.

Она склонилась и поймала его за волосы у лба, подняла его голову, чтобы он смотрел ей в глаза. Герард не мог дышать. Не мог думать. Мог лишь моргать. Но, отдаленно отметил он, словно и не думал об этом... он не боялся. Уже нет.

Ведьма жутко улыбалась, искажая украденное лицо Лизель, показывая окровавленные зубы. Она присела на корточки, свободной ладонью забрала меч у Герарда без боя. Она толкнула его на пятки, и он оказался на коленях перед ней в гнили. Его руки обмякли по бокам, плечи опустились. Но он держал голову высоко, даже когда ведьма отошла на пару шагов, даже когда она подняла меч.

— Твой отец отрубил голову моей богини, — прорычала Инрен. — Думаю, уместно, что твоя судьба повторит ее. Только Одиль будет королевой снова, а ты... — она покачала головой и жестоко рассмеялась. — Твоя голова так не познает корону при жизни.

Она завела меч назад. Было странно видеть хрупкую Лизель ди Матин с этим оружием. Лизель точно не хватило бы сил отрубить мужчине голову с плеч одним ударом. Но она могла даже так его убить. Она могла рубить, как топором, снова и снова, и добиться цели.

Герард сглотнул, но держал шею прямо, не сводил взгляда. И все еще не боялся. Может, яд влиял на голову, сводил с ума. Он посмотрел на Фантомную ведьму. И улыбнулся.

Она застыла. Меч висел в воздухе над ее плечом. Ее ноги были широко расставлены для взмаха, тело было повернуто. Но она не двигалась. Что-то мелькнуло в ее глазах.

А потом ее тело задрожало, словно ее тошнило. Она бросила меч, и он рухнул за ней, почти пропал в грязи. Ее тело содрогалось все сильнее, глаза расширились. Звук поднялся из нее, словно из глубин живота, из души. Она откинула голову и заревела запутавшимся ветвям над головой. Обливис в воздухе дико кружился, словно от бури. Герард сжался, поднял ладонь в жалкой попытке защититься.

Фантомная ведьма опустила голову к груди, стояла перед ним, как набитая кукла на палке, безжизненная, но не падающая. Она медленно подняла голову, посмотрела на него голубыми глазами Лизель.

— Любимый? — сказала она.

Он знал этот голос.

Герард охнул. Он с трудом поднялся на ноги, пошатнулся, словно только родившийся жеребенок. Она не двигалась, только смотрела на него. Эхо ее голоса было в его ушах. Он сглотнул, ощущая обливис на языке. А потом смог прошептать:

— Фейлин?

Визг разорвал воздух. Лицо перед ним стало демонической маской гнева, голода и боли. Он не успел отреагировать, она бросилась на него, царапала пальцами, сжимала его тунику, волосы, лицо.

Миры раскрылись, и она утащила его во тьму.

ГЛАВА 4

Айлет застыла, словно стала каменной, протянув руку к короне. Она пульсировала голубым светом, ритм ускорялся, как биение сердца. Какая-то тьма внутри короны будто звала ее дух, просила ее действовать.

Но голос Жуткой Одиль прозвенел среди колонн ладони. Он остановил Айлет, и она даже думала, что ее заколдовали. Она не могла оторвать взгляда от короны, даже если бы хотела, но при этом будто вышла из головы, смотрела на сцену издалека. Она видела себя на ладони, ноги стояли между линий.

И она увидела Одиль на руке за ней, возле изящно вырезанных вен запястья. Пока Айлет смотрела, ее темный силуэт становился все плотнее, становился проекцией высокой женщины в длинном черном платье. Ее блестящие волосы развевались среди обливиса, будто вода.

— Стой, — снова сказала она, ее голос был почти нежным. И это манило больше, чем крик. — Не трогай ее, дитя. Ты не хочешь...

Айлет бросилась.

Вид издалека пропал, она снова была в своей голове, видела только своими глазами. У нее был миг для решения. Она знала, что ей рассказывали о короне из эйтра — только те, кто был из рода ду Мовалис, могли ее коснуться и выжить. Только Одиль с тенью-близнецом могла управлять ее силами.

Корона должна была считать Айлет легкой добычей. Что ее легко соблазнить дарами, что она не остановится и не задумается, реально ли предложение. Она хотела заманить ее и сделать бездумным носителем. Но...

Но эта корона не была настоящей. Эта корона была лишь сном. Весь этот мир был просто кусочками мыслей и воображения из разума Ведьминого леса.

Айлет сжала ладонями основание короны. Хотя миг назад она была велика для ее головы, слишком большая и тяжелая, чтобы даже поднять ее без силы Ларанты в теле, от ее прикосновения корона изменилась, стала правильного размера, формы и веса. Она повернулась лицом к Одиль, подняла корону и опустила на свою голову.

Холодный металл впился, пульсировал в ее черепе, острый край вонзился в кожу, в кость. Она поняла сразу же ошибку, но было слишком поздно. Сила полилась по ней, ворвалась в ее голову, и она закричала. Ладони пытались, но не могли ухватиться за корону, сорвать ее. Это было не так, как с силой Ларанты в ней. Это было больше, темнее. Мощнее.

Это кружило голову.

Сущность была там. Запертая в короне, лишённая смертного тела, через который она могла быть понятной смертным разума, она была почти непостижимой. Такое огромное и ужасное создание, что она могла различить только огромное запутанное сознание, сложное, как вся корневая система Ведьминого леса. И все там, в ее разуме.

На миг... все было ее.

Она выдохнула. Обливис вылетел из ее ноздрей черными клубами.

В этих двух струйках тьмы она увидела фигуру Одиль, опустившуюся на нее. Темная

богиня, хозяйка обливиса, протянула руки и вызвала стихию, превратила ее в кружащуюся сферу. Кольца опасной силы крутились вокруг одной оси все быстрее, искры магии слетали с них. Взмахом запястья Одиль бросила снаряд, и он устремился к Айлет, к короне на ее голове.

Айлет ответила. Ее инстинкты были слишком быстрыми. Такими быстрыми, что она знала, что двигалась не сама, другая воля захватила ее. Но это ощущалось как ее решение, как ее реакция, молниеносная и уверенная. Она подняла руки, скрестила в запястьях, и обливис в воздухе перед ее лицом затвердел в щит. Снаряд Одиль попал, срикошетил и ударился об один из пальцев, а оттуда взмыл в небо.

Одиль наступала. Другое оружие уже сияло в ее ладонях, копьё толщиной с пояс мужчины с опасным острием. Она отправила его в полет, и копьё пробilo щит Айлет. Айлет бросилась на землю. Копьё пробilo ладонь статуи, как гвоздь, пробивший плоть и кость.

Сон дрожал вокруг Айлет, готовый растаять. Но сила в ней хватала обливис, удерживала сон, заставляя его быть прочным, заставляя каменную ладонь оставаться на месте. Айлет скользила по камню, спохватилась и вскочила. Снова пульсировал не ее инстинкт. Она взмахнула рукой перед лицом агрессивной дугой. Воздух стал сотней маленьких ножей обидита, и они полетели к Одиль. Ножи рвали ее одежду, плоть, пролетали насквозь, с их острых концов капала черная от тени кровь.

Айлет смотрела на фигуру перед собой, на раны в ее высоком худом теле. Раны были маленькими, нанесенными быстро, еще даже не начали кровоточить.

Одиль посмотрела на свое истерзанное тело, моргая. А потом посмотрела в глаза Айлет.
— Маленькая дура, — сказала она. — Ты не понимаешь? У тебя нет тут власти. Это лишь сон.

Айлет не успела защититься в этот раз. Атака ударила раньше, чем она поняла, что ее ждало. Воздух перед ней вдруг затвердел, оттолкнул ее. Она отлетела и врезалась в один из пальцев-колонн. Она попыталась ухватиться за камень, но твердый воздух и дальше толкал ее, давил ее.

Колонна пропала.

Айлет падала, кувыркаясь в небе, головой вниз, потом ногами, снова головой, руки не могли ни за что ухватиться. Полоска эйтра на лбу рассыпалась, и Айлет ощутила, как сила вытекла из ее духа, оставив ее слабой и беспомощной...

Она рухнула. Но падение было мягким, она едва ощутила его. В один миг она падала, в другой — просто лежала среди пустоты. Ее картинка пропала. Был только дух, парил в тумане обливиса.

Она не знала, сколько оставалась в таком состоянии. Время для нее потеряло значение. Но пейзаж сна медленно обрел облик. Ее разум дал ей новое тело — она ощутила, как оно появилось, обнаженное, лежало, раскинув руки, на твердой земле. Она ощущала под спиной гладкий камень. Веки были тяжелыми, и она с трудом подняла их, оказалась на отполированном монолите под идолом Одиль. Сам идол рухнул на колени, левая рука была отломана, голова — отрублена, покатила по склону и разбила здания в городе внизу. Осталась только правая рука, отчаянно тянущаяся к небесам. Пульсирующий голубой свет сиял сверху, в ладони.

— Оромор заставит тебя поверить, что ты можешь управлять его силой.

У Айлет не было сил, чтобы сесть, повернуться, посмотреть. Она лежала под сломанным идолом, а Одиль появилась из-за обливиса, ее тяжелый шелковый подол шуршал,

волочась по камню за ней. Она остановилась возле Айлет, смотрела на нее пару мгновений, а потом опустилась рядом с ней в пруду темных юбок. Айлет не нужно было смотреть, чтобы знать, что мелкие раны зажили. Их тут и не существовало.

— Это все обман, — сказала Одиль. — Искушение. Он хочет, чтобы ты нашла ее, но не тут, а в реальном мире. Он хочет, чтобы ты забрала ее до меня. Он знает, что ты моей крови. Он знает, что твое смертное тело может вытерпеть его силу. Но Оромор знает, что может управлять тобой.

Айлет поежилась. Было слишком ужасно, слишком странно лежать тут и слушать Жуткую Одиль. Ведьму-королеву, Яд Перриньона. Слышать ее спокойный голос, словно терпеливая бабушка говорила с непоседливым ребенком.

— Только одно создание может управлять Оромор, — продолжила Одиль, соединив ладони на коленях. Ее лицо было как фарфоровая маска, обливис обвел ее глаза, как аккуратно нанесенная косметика. — Это ее близнец, Иримир. Моя тень. Но даже так разница в силе между двумя такая маленькая, что малейшее изменение все разрушит. Носить корону из эйтра — это идти по границе гибели.

Айлет не хотела смотреть в те глаза. Она сопротивлялась, сколько могла, но ощущала притяжение. И она сдалась, бросила взгляд на странно знакомое лицо. Они долго разглядывали друг друга, и рот Одиль чуть дрогнул в намеке на улыбку.

— Не иди за силой Оромор, — тихо сказала она, ее тон был с упреком. — Не желай ее лжи. Корона — мое бремя, а не твое. Моя великая и ужасная судьба.

Тело Айлет онемело. Хоть это была лишь проекция, разум говорил ей, что падение сломало все ее кости, и она не могла двигаться. Она хотя бы не ощущала боли. Или ощущала, но такую сильную, что смертное восприятие не могло это выразить. Как музыка флейты эвандерианцев не была слышна смертным ушам.

Призвав остатки сил, Айлет прошептала:

— Это того стоило?

Одиль склонила голову.

— Великая и ужасная судьба... стоила смерти моей матери? И моей?

Тишина мерцала в воздухе между ними, густая, как пылинки обливиса. Одиль не отводила взгляда от глаз Айлет, не двигалась, не дышала. Но ее облик во сне будто увядал. Перемены сначала были едва заметными — кожа провисла под глазами, у рта и на тонкой шее в шрамах. Черные волосы обвисли вокруг лица, в них появились седые пряди, как вены серебра в камне.

А потом тонкие губы стали двигаться, она заговорила:

— Когда они уложили меня для казни, когда сковали мои руки и открыли мою шею для клинка, когда песнь Краван Друк слетела с моих губ и активировала чары, я хотела только смерти. Я желала ее. Больше, чем ты можешь себе представить. Я видела силу своих родных перед глазами. Я видела своих дочерей, мертвую Олену и пропавшую Олесю. Ее ждала гибель. И я хотела присоединиться к ним.

Она опустила голову. Ее волосы стали почти серебряными, спина сторбилась, тонкие кости плеч выпирали из кожи, похожей на бумагу, как крылья.

— Но если бы я умерла... что стало бы с моим народом? С захваченными тенями, которые искали у меня защиты? Что стало бы с моим городом, убежищем, которое я создала своими руками? Многие пострадали бы. Одержимых назвали бы ведьмами, наполнили бы ядом. Рожденных с тенью привязали бы к кольям и сожгли для их спасения. Все те

страдающие души без надежды и помощи. Только я предложила им спасение. Только я с силами Иримир и Оромор могла защитить Дулимуриан и защитить их. Но если это тело умрет, что тогда? Даже если дух сбежит и найдет новый носитель, я не смогу носить корону из эйтра. Нет... нет, — она покачала головой, серебряные волосы тихо шелестели, как длинные ветви ивы на ветру. — Это тело нужно было спасти. Любой ценой. Эта жизнь значила так мало для меня, но все для моего народа.

Горечь появилась во рту Айлет. Она скривила губы, ноздри раздувались.

— Чтобы твое проклятие работало, тебе нужно было защитить себя. Ты не могла позволить моей матери жить. Или мне.

Одиль подняла голову, волосы сдвинулись, и она снова посмотрела на Айлет.

— Верно. Я послала своих Алых дьяволов убить вас обоих после твоего рождения. Только так я могла убедиться, что Краван Друк поддержит меня. Но Олеся... моя храбрая и красивая дочь сбежала с тобой на руках.

Она притихла на миг, губы дрожали. А потом слова сорвались с них, как искры костра в ночи:

— Когда они отрубили мою голову, когда сожгли меня и осквернили мое смертное тело, я думала о тебе и твоей матери. Когда они опустили меня на ту холодную плиту в черной гробнице, я снова и снова видела ваши лица. Мои дорогие. Мои любимые. Я надеялась, что вы обе выжили, что мои планы не сработали. Я надеялась, что ты вернешься и убьешь меня раз и навсегда.

Ее лицо выразило такую смертную боль, любовь и тоску, что душа Айлет с болью дрогнула в ответ. Она знала, что должна была ощущать только ужас при виде этого лица. Но... теперь в ее голове были знания. Картинки истории, которой с ней поделилась Одиль. Воспоминания о победах и поражениях. Она снова видела юную венатрикс на коленях посреди пепла, кричащую, рыдающую и зарывающуюся лицом и ладонями в холодный пепел, пока она вся не стала серой, как призрак.

Айлет покачала головой и зажмурилась.

— Немного поздно для сомнений, не думаешь?

Одиль не сразу ответила:

— Я видела ладонь Богини надо мной. Я была могущественной, но не божеством. Я не была вечной. Я видела, как Она подняла свое оружие, чтобы сбросить меня. Своего Избранного короля. Обещанного спасителя. И я спросила себя: «Я опущу голову на плаху? Я поддамся неизбежному?».

Хоть Айлет пыталась подавлять желание, она открыла глаза и поймала взгляд королевы. Ее манили эмоции души Одиль.

— Я нашла ответ. И я поступила так, — сказала с горечью Одиль, а потом ее голос стал таким нежным, что растопил бы самое твердое сердце. — У меня было много лет, дитя, чтобы обдумать, сделала ли я правильный выбор. Много лет боли... и сожалений.

Айлет не могла говорить. Слова будто засохли в горле. Она могла лишь смотреть в черные, как ночь, глаза и ощущать связь между ними. Связь была сильнее любой духовной связи между смертным духом и тенью. Связь кровного родства, какую она еще не ощущала.

Нет... это не было правдой...

Разум показал ей картинку ее братьев-волков и сестер-волчиц. Ее мать в теле волчицы. Она снова ощутила сходство с ними, хоть ее смертное тело отличалось от их тел. Она не понимала разницы тогда, будучи ребенком. Даже сейчас, оглядываясь на вернувшиеся

воспоминания, она едва замечала это.

Это была семья. Там она ощущала свое место. Не так, как с Холлис, которая взяла ее, только чтобы управлять ею, врать ей. Не как с Орденом, который использовал ее и бросил, когда ее уже не могли использовать. Тут было ее место, как рожденной с тенью. Тут был зов крови.

Она принадлежала Одиль. А Одиль принадлежала ей.

Дух Айлет брыкался. Протест рос в сердце, давил все сильнее, пока не вырвался из ее рта визгом:

— Нет! — закричала она, а потом снова и снова. — Нет! Нет! Нет!

Ментальная проекция ее тела пропала, растаяла, и остался только дух. Ее не ограничивали плоть и кость, она устремилась в небо, полное обливиса, унеслась во тьму, в забвение. Только бы сбежать от той связи, которой она боялась больше всего в жизни. Больше, чем монстров, на которых охотилась. Больше, чем костра эвандерианцев. Больше, чем вечности в Прибежище. Она не могла быть привязана. Она должна была сбежать...

* * *

Вес смертности обрушился на нее, ее дух вернулся в тело. Она сидела миг в темноте в своей голове. А потом открыла глаза и посмотрела на высокие деревья Ведьминого леса вокруг нее.

Она проснулась.

ГЛАВА 5

Тьма ревела вокруг него. Но через миг он вдохнул прохладный чистый воздух.

Еще через миг он оказался во тьме снова, в хаосе таком шумном, таком тяжелом, таком жарком, что даже миг был адом. Но миг прошел, и он снова вдохнул, в этот раз — грязный воздух Ведьминого леса. Пять раз он менял миры, каждый раз это было слишком быстро, чтобы осознать, он словно просто моргал.

Путешествие закончилось резко, как и началось. Каждая клетка его тела была напряжена, словно сердце, кровь, конечности и душа были готовы разорваться на тысячу кусочков.

Герард рухнул в грязь Ведьминого леса, вытянув руки, согнув ноги, лицо было повернуто, чтобы он мог дышать, не глотая слизь и гниль. Он лежал, словно сломанный, ничего не видел, кроме пляшущих лучей света на пылающих глазах. Его уши не слышали ничего, кроме какофонии тишины и криков, которые не совпадали с его пониманием. Его ощущения были живыми, опаленными болью, он не мог осознавать мир вокруг него.

Он не знал, как долго оставался в таком состоянии, пока не начал хоть немного приходить в себя. Казалось, его разум собрал все, что пережил, и запер в глубоком темном месте, где он не мог это видеть и помнить. Он стал оживать. Сначала ощутил боль в теле, словно его снова и снова толкали в стену. Потом он ощутил вонь гнилой почвы под ним, достаточно сильную, чтобы его желудок сжался, а горло сдавило от желчи.

А потом его уши стали слышать. И он уловил голос:

— Нет! Нет, нет, нет, я не дам тебе навредить ему!

Он поднял голову. Земля шлепнула, когда его щека высвободилась, грязь осталась на лице и шее, стекала по груди, пока он поднимался на колени. Боль пронзила плечи и спину, но ничего не было сломано. Он осторожно повернулся к голосу, который стал стоном без слов.

В нескольких ярдах от него Фантомная ведьма сидела на коленях спиной к нему. Он

заметил ее через туман обливиса, ее золотые волосы выделялись во мраке, хоть они и были спутанными и грязными. Она сидела на коленях у дерева, сжимала ствол, ее ладони рвали кору и гнилое дерево. Смола текла из ран, катилась по ее пальцам и рукам.

Герард смотрел на те белые плечи — плечи Лизель, когда-то нежные и округлые, а теперь в красных линиях, словно она царапала их, пытаясь оторвать что-то невидимое от плеч. Она содрогалась от рыданий и дыхания. Казалось, она не замечала Герарда, а он встал на ноги и, шатаясь, подошел к ней сзади.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки с неуверенностью. У него не было оружия — его меч остался, когда ведьма утатила его в другое измерение. Но даже с оружием он не смог бы навредить ей. Он снова услышал тот голос от нее.

— Фейлин? — тихо сказал он.

Она напряглась. А потом медленно повернулась и посмотрела на него, ее лицо было оскалом, выражение было чудовищным. Он невольно отпрянул на шаг, его сердце билось в горле. Но в следующий миг ее лицо вытянулось, выражение растаяло, другой дух бился за власть. Она обмякла, голова опустилась, руки сжали дерево.

— Фейлин, — сказал Герард и опустился рядом с ней. Он протянул руку, замер и взял ее за руку.

Ее тело дернулось от его прикосновения. Но ее пальцы переплели его пальцы, и она повернулась к нему, в глазах были слезы.

— Герард! — закричала она и прижалась к его груди.

Он притянул ее к себе, пока она рыдала. Он старался не думать о том, как просто она могла утатить его в Прибежище, и как быстро он мог умереть, и как он не смог бы даже помешать этому. Он старался думать только о Фейлин... Он любил ее раньше. Веселую Фейлин со смехом, похожим на звон колокольчика. Она могла танцевать ночь напролет, как цветок, кружащийся с весенним ветром. Фейлин... была его невестой. Он держал в руках не тело Фейлин, но ощущал ее душу внутри. Он узнал бы ее всюду, каким бы ни был ее облик.

Она перестала плакать. Она просто сжималась, держась за его рубашку, прижимаясь головой к его сердцу, как ребенок, который нуждался в утешении. Он держал ее, прижимался щекой к ее макушке, нежно сжимая руками, словно, если бы он держал ее близко и достаточно крепко, он мог еще спасти ее.

Но спасение было невозможным. Они оба знали это. И они просто сидели, тихие и испуганные, держались за то, что осталось между ними. Его тело дрожало. Кошмар, который он только что пережил, и яд в легких сделали его слабее, таким он еще никогда не был. И под этой слабостью его сердце колотилось, просило шевелиться, спешить к судьбе. Пока не поздно. Но он подавил те желания. Не было судьбы, видения, пророчества. Не в этот миг. В этот короткий миг была только Фейлин. И он был в этом миге с Фейлин.

Наконец, она отодвинулась и посмотрела в его глаза. Черты Лизель исказились, душа Фейлин смотрела из слезящихся глаз.

— Серина? — тихо спросила она.

Его горло сжалось с болью. Он видел перед глазами то белое неподвижное лицо на подушке, где он оставил ее. Такую холодную, хрупкую... недавно сломленную проклятием, с которым она не могла бороться.

— Она жива, — сказал он. Была жива пару часов назад, когда Террин встретился с ней в Дюнлоке. Он не знал, что стало потом с ней и всем замком. Словно убеждая себя, он повторил. — Она жива.

— Хорошо, — Фейлин кивнула, опустила подбородок к груди. Кудри Лизель упали по бокам ее лица. — Я... не хочу убивать ее, Герард. Не хочу.

— Знаю, — Герард нежно коснулся ее щеки. Все ее тело дрожало под его пальцами, и его душу сдавила печаль. Он хотел спросить ее о Террине. Он хотел спросить, что Фантомная ведьма сделала с его братом. Но он боялся ответа, не смог заставить себя произнести слова.

— Я... не знаю, смогу ли держаться дольше, — прошептала она. — Я так... устала. Так мало сил. Они сильнее меня. И злее.

Герард медленно кивнул. Он не знал, что сказать, так что держал рот на замке. Когда Инрен захватит власть, она убьет его. Ему стоило встать, ударить по телу, пока он мог, и поспешить покинуть это место. Но каким был смысл? Даже если он поднимет руку на Фейлин, он не знал, где он был. Его окружал огромный Ведьмин лес. Сверху не было солнца, света, звезды, которая помогла бы направить его. Только мрак и яд, сколько было видно.

Фейлин склонила голову, светлые ресницы трепетали.

— Они всегда говорили мне, что ты — Золотой принц. Ожившее обещание Богини, — в словах не было насмешки. Может, там был даже восторг.

Но она словно ударила Герарда по животу.

— Да, — сказал он, выдыхая. — Мне тоже говорили это. Но это не правда.

— Я это поняла, — ответила Фейлин, качая головой. — Я видела Жуткую Одиль, Яд. Она жива. Ее удерживают нити магии, но она жива. И она заберет корону. Ничто ее не остановит, даже Ведьмин лес.

— Я ее остановлю, — он не звучал уверенно. Но когда он сказал эти слова, что-то случилось... что-то изменилось в нем. Может, это его безумие толкало его глубже. Не важно. Слова сорвались с его языка, его сердце билось в ровном ритме, и он стал дышать легче, несмотря на яд в легких.

Он посмотрел на Фейлин, и ее она разглядывала его лицо.

— Ты не можешь ее остановить.

— Остановлю, — ответил он. — Но сначала мне нужно в Дулимуриан.

Фейлин замотала головой.

— Это уже не город Новой Богини. Он теперь принадлежит короне. Не сомневайся, Герард! Я видела этими глазами. Я видела стену вокруг города, стену живых лоз. Даже Одиль не может пройти. Пока что. Она... заставила ведьму перенести ее. Перенестись за стену. Это чуть не уничтожило нас.

Эффект ее слов был не таким, как хотела Фейлин. Герард, слушая ее предупреждение, ощутил, как ожила надежда.

— Одиль не дошла до города? — прошептал он. — Одиль не добралась до города, — он встал, сила вернулась, вдохновение питало его душу. — Еще есть время!

Фейлин, сидя в грязи, смотрела на него, все быстрее мотая головой.

— Нет, нет, нет. Ты меня не слышал? Ты не можешь пройти! Никто не может. Даже Одиль.

— Но я пройду, — ответил Герард. — Я видел это, Фейлин. Так должно быть, — он протянул руку и, когда она осторожно взялась за его ладонь, он поднял ее на ноги. Она стояла близко к нему, холодная, дрожащая, отчаянная. Духи воевали за ее глазами. Но он смотрел в ее центр, смотрел только на Фейлин.

— Ты можешь отвести меня туда? — спросил он. — Можешь отнести к стене?

Она медленно кивнула.

— Это не далеко. Но там нет рядом якоря. Придется идти.

ГЛАВА 6

Террин стоял, моргая, в тенях, пойманный в бесформенный сон.

Но он не долго был бесформенным. Тьма стала силуэтами, которые он, казалось, узнавал. Они медленно затвердели, он стал четче видеть. Он видел знакомые здания, шел по узкой каменной дороге между ними, держался ближе к стене. После пары шагов он понял, что миновал зернохранилище, шел к конюшням замка Дюнлок. Свет луны озарял каменный двор перед ним, и было во всем этом что-то знакомое, даже в напряжении в воздухе.

Когда его уши уловили тихие шаги за ним, он юркнул в убежище у двери зернохранилища и выглянул из укрытия на приближающуюся фигуру. Она тоже держалась зданий, скрывалась в их тенях, но порой не могла ничего поделать и шагала под светом луны. Белое сияние открыло строгое лицо, темные брови, длинные волосы.

Его горло сжалось при виде нее, желудок стал комом. Инстинкт или воспоминание гнали его двигаться. Словно он делал так раньше. Когда она ступила на узкую тропу между зернохранилищем и другой каменной пристройкой, он схватил ее за руку, ощутил в ней трепет удивления. Он плавным движением развернул ее и прижал к двери.

Длинная красная юбка задела его ноги. Этого не было в его воспоминании, нет, воспоминания смешались. Но ему было все равно. Пока его ладонь сжимала ее руку, а другая закрывала ее рот, подавляя гневный крик. Ее дыхание было горячим под его ладонью, и ее глаза яростно смотрели на него, словно искры гнева летели во тьме.

Те искры распалили огонь в нем.

Он склонился ближе, и его ноздри наполнил ее запах — щелочное мыло, лошадь, хвоя и кожа. А еще пьянящий женский аромат. Когда он убрал ладонь с ее рта, она не стала говорить. Ее рот приоткрылся, она быстро дышала. Ее грудь вздымалась и опадала, словно она пробежала милью. Она была в прекрасном красном бальном платье, которое открывало ее плечи, подчеркивало ее декольте. Он видел шрам от длинного пореза, который сделал Фендрель, выпуская обливис из ее тела. Шрам тянулся между ее грудями, был красным на белой коже.

Его сердце болело от вида. Его ладонь лежала на ее голом плече, спустилась, пальцы нежно коснулись шрама, обвели его легонько. Она поежилась от его прикосновения, ее дыхание дрогнуло. Он отодвинулся и посмотрел в ее глаза. Ее глаза еще пылали, но она уже не сердилась, выражение лица было другим. Ее приоткрытые губы дрожали.

Жар кипел в венах Террина. Он знал закон святого Эвандера. Для захваченного тенью, как он, эти чувства, ощущения под кожей были непростительным грехом. Он знал, что смотреть на ее лицо, в ее темные глаза, на ее плечи, было как стоять на краю обрыва. Когда он упадет, его не смогут спасти. Он должен был отпустить ее. Он должен был отвернуться и убежать от искушения, как его учили.

Но он не мог. Он застыл, очарованный.

Его рот двигался. Он пытался произнести ее имя. Но язык не успел пошевелиться, она встала на носочки и прижалась к его губам своими. От этого молния шока пронзила его.

Он отпустил ее руку, схватил ее за волосы у макушки, удерживал ее голову на месте, пока целовал ее снова и снова, поворачивая рот то так, то иначе, стараясь найти идеальное сочетание с ней. Ее ладони лежали на его руки, поднялись к шее, пальцы нагревали его кожу. Он с рычанием отклонил ее голову, поцеловал ее щеку, челюсть, шею к шраму между

ключицами. Он ощущал нежный трепет ее пульса под губами. Ее тихое скуление пело в его ушах, сводило с ума.

Его руки вдруг оказались полными огня.

Террин открыл глаза и увидел, что она смотрела на него сквозь пляшущий огонь. Он отпрянул в ужасе, а ее кожа сгорала и облетала. Ее рот открылся в беззвучном крике агонии, огонь поглощал ее платье, делал кожу черной. Голубой огонь.

С криком ужаса Террин попытался схватить ее, вытащить из огня. Но она ускользала, он не мог дотянуться. Он ощущал жар лицом, кожей, но огонь не обжигал его, только ее. Он был беспомощным, а она сгорала на его глазах.

Вокруг него мир таял в хаосе тьмы. Пульс его ужаса давил его душу. Он развернулся в поисках способа сбежать, отыскать помощь. Но он был один, смотрел, как Айлет горела, ее беззвучный крик разбивал его дух болью.

Белая пелена вдруг появилась перед его глазами. Нет, не пелена, а крыло. Полупрозрачное, мерцающее магией и светом, оно закрыло его от тьмы, огня, очищая глаза.

«В твоей крови воздух Прибежища, — сказал на ухо певучий голос. — Он отравляет твое тело и дух».

Прибежище?

Террин пару раз моргнул, потянулся за волос. Он видел вспышки воспоминаний — реальность рвалась, Лизель ди Матин то появлялась в этом мире, то пропадала. Он вспомнил бой с Фантомной ведьмой, его дротики пролетали в пустом воздухе. Ладони сжали его горло. Ведьма утащила его в брешь в реальности. В тот миг он знал, что ему пришел конец. Она оставила бы его там, в Прибежище, обреченного на вечность страданий. И он никак не мог остановить ее.

Если только...

Еще вспышка воспоминания. Он вспомнил рев Нисирди. Он помнил когти его дракона света, рвущие душу Фантомной ведьмы, впившиеся в нее так, что она не могла вырваться. Ей пришлось перенестись в мир смертных, принеся Террина с собой. Но он успел вдохнуть обливис.

И то, что он видел — Айлет в его руках, огонь, пожирающий ее плоть — были только в его сознании. Только мучения из-за ядовитого воздуха, который он вдохнул.

Террин взял себя в руки, его дух приготовился к ужасу, который ждал его за крылом Нисирди.

— Что я могу сделать? — спросил он, голос дрожал. Он знал только один способ выпустить обливис из тела. Фендрель умел это делать с помощью магии Анафемы, он забирал проклятие в себя, а потом передавал другому существу. Террин видел, как он сделал это с Айлет, всего десять дней назад. Но Фендреля тут не было.

«Я могу помочь, — сказал Нисирди. — Могу выжечь его из твоей крови. Его не так и много... но будет больно».

Террин поежился. Он и его тень еще не научились, как балансировать поразительную силу Нисирди и хрупкость смертного тела Террина. Дракон легко мог сжечь его изнутри, стараясь убрать обливис. Но разве был другой вариант?

— Делай это, — сказал он.

Нисирди кивнул, отодвинул сияющие крылья. Террин снова посмотрел на тьму опасного мира, который, как он теперь знал, был только в его голове. Он видел Айлет перед ним в том красном бальном платье, ее темные волосы ниспадали на голые плечи, голова

была опущена. Она посмотрела на него.

Огонь наполнил ее глаза.

Террин протянул к ней руку. Но он не успел сделать шаг вперед, Нисирди поднялся за ним, открыл пасть и выстрелил залпом света в ее лицо. В этот раз Террин услышал ее крик.

Он хотел броситься к ней, защитить от залпа, от той боли. Но Нисирди удерживал его когтем за плечо. Террин опустился на колени под давлением того когтя, мог только смотреть в ужасе, как Айлет сгорала. Она кричала и кричала, рвала руками пустой воздух, словно могла высвободиться. Наконец, ее окружил дым, закрывая от его глаз.

Когда дым рассеялся, когда Нисирди проглотил горящий свет, картинка Айлет пропала. Террин сидел на коленях не во тьме, а на широкой поляне. Когда-то сухая земля в трещинах теперь была полна травы, которую покачивал ветер. Небо сверху все еще было пасмурным, но не таким тяжелым, как когда-то. Сияние Нисирди озаряло мир.

Но Террин не мог встать. Пот и слезы катились по его лицу. Он не мог оторвать взгляда от почерневшего места, где стояла Айлет. Он знал, знал, что это была только проекция его разума. Но это ощущалось... по-настоящему...

«Проснись, Террин. Ты еще в опасности».

Террин скривился от слов Нисирди. Но он ощущал, что реальность была близко, он чувствовал боль смертного тела. Он сглотнул, глядя туда, где стояла Айлет, в ушах звенело эхо ее криков. А потом, выругавшись, он открыл глаза...

...и увидел обрыв и черную медленную реку далеко внизу.

Террин резко вдохнул. Мир кружился перед глазами, и он не сразу понял, что движением были пылинки обливса, парящие в воздухе, как пепел.

Он был на склоне утеса, застрял между пнем и каменной стеной. Мутные воспоминания вернулись к нему — Фантомная ведьма вышла в мир смертных и бросила его с края, хотела покончить с его жизнью так, если не смогла бросить его в Прибежище.

Нисирди пошевелился в его голове. Террин скривился. Тень пока никак не могла помочь ему. Он не мог разобраться тут залпом.

Он посмотрел на свое тело, медленно проверил конечности, проверяя, что они не были сломаны. Он был побит, весь в синяках, левое плечо было с ожогом, его рука неловко обвивала пень. Его правая нога висела в воздухе, другая была прижата так, что кровь не поступала к ступне. Он подвинулся и ощутил неприятное покалывание бегущей крови. Было больно, и ему пришлось ждать, пока ощущение не пройдет.

Он повернул тело, осторожно посмотрел на склон. До края утеса было тридцать футов, и заметных выступов для рук и ног не было. Он посмотрел вниз, понял, что до дна было не больше пятнадцати футов. И утес чуть изгибался, склон был плавным, и он мог скатиться. Узкий берег тянулся вдоль реки, достаточно широкий, чтобы он мог пройти по нему, не задевая ногами черную склизкую воду.

Но куда вела река? И где он был?

— Миля, — прошептал он, кривясь. Фантомная ведьма могла переноситься в радиусе мили от якоря. Он был не больше, чем в миле от места, где они с Герардом бились с ведьмой...

Герард.

Террин содрогнулся. Что случилось с Герардом? Он оставил его без защиты. Он был еще жив? Инрен убила его? Она утщила его и бросила в Прибежище, как пыталась сделать с Террином? Герард не мог защититься или остановить ее.

— Нет, — прошептал Террин. Но в голове он кричал, был почти безумен от гнева и отчаяния. Нет, нет, нет, нет! У него была только одна работа, одна цель: защитить принца. Защитить брата. Защитить Герарда от всей злости этого мира и другого. Одна работа, одна роль, одна судьба. И он не справился. Он снова и снова не справлялся, этот раз был хуже всего.

Нисирди двигался в его голове, но Террин не мог ответить. Он попытался спуститься. Он сунул пальцы в трещины, игнорируя боль в теле. Но его ладонь соскользнула. Грубые камни рвали его кожаную броню, царапали лицо и ладони, пока он скользил. Он рухнул на берег реки, грудь вздымалась от тяжелого дыхания, плечи опустились в поражении.

Но он не мог так оставаться. Он поднялся на ноги и посмотрел на утес, голова гудела от быстрых подсчетов, пока он пытался выбрать лучший путь и время, которое он займет. Правда кричала в его голове, и чем дольше он стоял там, тем громче становился голос, и он уже не мог его игнорировать.

Герард не ждал его там. Если у него была голова на плечах, он убежал изо всех сил, пока Фантомная ведьма пропала с Террином. Если он бежал хорошо, он мог сбежать вне зоны радиуса ее якоря, пока она не нашла его.

Зная Герарда, он ничего такого не сделал. Он остался и пытался сразиться с ведьмой сам, пытался найти невозможный способ спасти Террина. И он умер из-за своей глупости.

Но... может, нет...

«Я видел, как умерла Ведьма-королева, — вспомнил Террин голос Герарда. Бледное лицо его брата смотрело из дымки обливиса, золотые глаза были решительными. — И я был там. Я видел, как это случится. Одиль не получит корону».

Могло ли такое быть? Были силы, кроме их стараний сделать это или умереть, влияющие на судьбу?

Террин расправил плечи и посмотрел на извивающуюся реку на дне ущелья. Он не знал, куда путь приведет его, но как-то понял, что ему суждено было идти по этому пути.

— Выбора нет, — он посмотрел на стену склона еще раз. Стена, по которой он не мог забраться. Если такой была воля Богини, она дала ему это понять грубым образом.

«Нисирди», — сказал он в голове.

«Я тут».

«Оставайся близко. Мы не знаем, что мы найдем».

«Я с тобой, Террин, — ответил его дракон. — До конца».

Свет согрел ладони Террина, сиял между сжатых пальцев. Он глубоко вдохнул и пошел по берегу реки, сначала спотыкался, а потом вернул силы и побежал.

Он не продвинулся далеко, когда услышал первые звуки боя впереди и уловил диссонанс магии в воздухе.

ГЛАВА 7

Айлет дернулась и глубоко вдохнула, тут же пожалела, когда облако обливиса полилось в ее уже пострадавшие горло и легкие. Она закашлялась, сплюнула, делала маленькие глотки воздуха, чтобы не подавиться. С каждым приступом кашля ребра болели.

Она ощупала бок, но не могла понять, были ребра сломаны, или они треснули. Но было больно. Все болело. Ребра, руки, шея, ноги. Ее штаны были разорваны по спирали от лодыжки до бедра. Под дырами кожа была красной. Наверное, это осталось от лоз. Ее рубашка тоже была изорвана на талии, кожа была в жутких синяках.

Она слабо вдохнула, озираясь. Она прислонялась к стволу дерева среди выпирающих

корней. Другие деревья окружали ее, стояли так близко, что их ветки сплетались сверху. В нескольких футах отсюда она видела обломки своей маски с клювом. Лепестки календулы, которые фильтровали воздух, спасая от обливиса, рассыпались желтым снегом по черной грязи Ведьминого леса.

Айлет покачала головой, пытаясь вспомнить, что случилось. Картинки боя вспыхивали в голове. Некоторые моменты медленно прояснились. Она вспомнила, как стояла на брусчатке из облитита на Королевской дороге, Фендрель и Холлис были с ней, другие эвандерианцы окружали ее с ними. Она помнила монстров, напавших на них, жуткие духи в ужасающих телах-носителях, отравленных злым воздухом Ведьминого леса.

— Холлис, — прошептала она. — Кефан, Фендрель... — хоть кто-то еще выжил?

Когда она села, оковы на запястьях звякнули. Она скривилась. Железо. Дело Фендреля, проклятье. Как долго она была без сознания? Она посмотрела на спутанные ветки, но не могла разглядеть солнце. Ничто вокруг нее не указывало на время. Она могла быть в том сне часами. Казалось, она прожила жизнь... жизнь чужими воспоминаниями...

Одиль. Айлет стиснула зубы. Где была Одиль?

Она посмотрела на лес вокруг. Высокие и тихие деревья медленно пускали смолу по раненым стволам, она как кровь текла в гнилой земле. Обливис лениво летал. Она не видела лоз, которые притащили ее сюда. Ей казалось, что она была одна.

Ее нога подкосилась, когда она попыталась встать, ребра ныли от любого движения. Она чуть не растянулась среди кривых корней, но смогла прислониться к дереву. Гадкая сукровица дерева пропитала ее одежду. Но она и без того воняла, так что хуже быть не могло.

Что-то подвинулось — что-то большое, как камень — где-то сбоку.

Айлет резко повернулась. Боль пронзила ребра. Она схватилась за бок, глядя во мрак, где точно что-то видела. Теперь движения не было. Только обливис парил в воздухе. Она и не видела, только чувствовала... Это были просто нервы?

Дрожь пробежала по ее спине, она посмотрела на землю, где стояла, в поисках следов. Когда лозы притащили ее сюда, она должна была оставить след. Грязь почти ничего не выдавала, но, если приглядеться, она должна была видеть царапины на стволах, сломанные ветки и кусты, что-нибудь, раскрывающее путь, чтобы она смогла вернуться к Королевской дороге и эвандерианцам...

Мысль утихла. Она стояла пару мгновений, ни о чем не думая, ничего не видя, лицо вытянулось. А потом она резко нахмурилась.

Зачем ей возвращаться? Зачем искать их, пытаться помочь им? Они не были ее друзьями, они не были ее товарищами. Они поймали ее. Они сковали ее железом.

Они собирались сжечь ее заживо.

Айлет вдохнула, уже не переживая из-за обливиса на языке и в горле. Она еще ни разу в жизни не была такой растерянной. Огромный Ведьмин лес окружал ее, но его тени и ужасы не пугали ее. Даже без силы Ларанты она знала, что могла справиться. Она была охотницей, она боролась. И если она умрет в сражении, так тому и быть.

Но если она сбежит из леса... если не умрет... как ей жить?

Земля дрожала. Что-то двигалось.

Айлет повернулась, в этот раз быстрее, несмотря на боль в боку, и едва успела увидеть темный ком, тяжело опустившийся в тумане обливиса в десяти ярдах от нее. Было сложно видеть четко, но ей показалось, что там были... гребни. Нет. Она покачала головой. То были

просто обломанные пни и ветки. Ей точно показало.

Ком снова пошевелился, двигался тихо, но шагал тяжело. Это был живой холм.

Он двигался вокруг нее.

Айлет инстинктивно потянулась к силе Ларанты. Но она нашла только стену яда железа в ней.

— Проклятье, — прошептала она и напряглась. Ее слабая правая нога пыталась подкоситься, и она убрала с нее вес, подняла ладони в оковах. Та штука точно была захвачена тенью. Только такие выживали в Ведьмином лесу. Так что железо ему не понравится так же, как и Ларанте. Она могла использовать это, превратить эту слабость в оружие.

Существо уже не скрывалось. Оно сделало несколько шагов, туман обливиса пропускал его. Огромное тело ударилось об деревья, они трещали, гнулись, даже ломались, слабые израненные стволы не могли сопротивляться. Существо повернуло огромную голову, и Айлет ощутила, когда оно заметило ее.

Это была огромная лягушка — приземистая, объемная, склизкая. Но склизкая кожа была из множества чешуек, которые выпирали, как гребни. Глаза были зелеными точками, из них капали слезы, которые сжигали обливис в воздухе. То была кислота.

Широкая пасть раскрылась, большой пухлый лиловый язык вывалился, потянулся по земле, собирая гниль и обломки. Чешуйки на спине и задние лапы поднялись, и больше яда бурлило на коже, вытекало комками.

Вдруг бесформенное существо сжалось в ком, и Айлет едва успела понять, что оно собиралось прыгнуть. Она юркнула за дерево, к которому прислонялась.

Монстр врезался в землю, где Айлет стояла. Огромный вес сотряс землю, дерево стонало, корни дрожали под землей. Айлет пошатнулась и упала головой вперед. Она извернулась, падая, игнорируя боль в ребрах, и оглянулась.

У монстра не было шеи, и он повернул все тело, чтобы посмотреть на нее. Его пасть открылась, опухший язык вылетел оттуда. Он попал по дереву, а не по Айлет, и прилип к стволу. Существо дернуло, язык вернулся в пасть, оторвав кору и кусок дерева. Ствол стонал, скрипел, упал, разломанный надвое.

Айлет уклонялась от падающих веток. Желание бежать на время подавило онемение в ноге, и она бросилась вперед. Не было времени переживать о направлении, дорогах. Важно было убраться подальше.

Что-то ударило ее по колену сзади. Нога подкосилась, и она рухнула лицом в грязь. Айлет едва успела поднять голову, и ее с болью потянули назад, она поехала по земле с огромной скоростью. У нее не было времени думать о происходящем, не было времени ощущать боль. Были лишь мгновения для реакции.

Повернувшись в талии, игнорируя боль в ребрах, она резко опустила ладони, вонзила цепочку между оковами в тот распухший язык. С почти нереальной четкостью она видела чешуйки на конце языка, которые прицепились к ткани ее штанов, к ее коже. А потом полилась черная кровь, воняя скверной.

Монстр закричал. Он затрясся всем телом, мотал языком. Айлет летала в стороны, шипы на языке вырвались, и она отлетела, чудом не разбила голову об дерево. Без силы Ларанты она не могла защититься. Она рухнула на землю, прокатилась и оказалась на спине, смотрела на ветки вдали и кружащийся обливис.

Земля дрожала под ней. Айлет крутилась, не зная, куда катится, только уверенная, что

ей лучше двигаться. Она крутилась, пока не врезалась в ствол и остановилась. Ее ладони были перед ее лицом, впились в черную грязь.

Конец лилового языка в крови попал по земле в дюймах от ее правой ладони. Она поднялась на колени, встала, пошатнулась, упала, но встала снова. Айлет повернулась к монстру, нависшему над ней, огромному и жуткому. Она посмотрела в его ядовитые мелкие глазки. Он открыл пасть, гадкое дыхание вылетело из широкой улыбки.

Язык вылетел, попал по центру груди Айлет и потянул.

Айлет вскинула ладони, чтобы ухватиться за верх жуткой пасти. Ее ноги ударили по нижней челюсти, и она напряглась, крича. С силой Ларанты она могла бы сломать челюсть, разбить голову монстра. Но у нее была только своя смертная сила, одна нога едва держалась, ребра болели. Слизь и яд окружали ее, и она смотрела на зияющее горло, готовое проглотить ее.

А потом перед ее огромными глазами облако тьмы вылетело из глубин того горла. Тьма взорвалась вспышкой силы, Айлет отлетела от того языка, подальше от пасти.

Она рухнула на спину, оглушенная. Тело было в слизи, на нее прилип обливис, покрыл ее полностью. Сверху кружило больше обливиса, он мерцал от магии, которую видели даже ее смертные глаза без помощи тени.

Едва веря, что она жива, едва заставляя легкие дышать, она повернулась на бок, приподнялась на локте, посмотрела на монстра. Он лежал в грудке обломков, черная дыра была в спине и пасти. Лиловый язык выкатился на землю, задняя лапа торчала в воздухе.

За монстром стояла высокая худая фигура в лохмотьях. Ее волосы были длинными и черными, лицо было бледным, как смерть, над раной на шее, которая была покрыта почерневшей засохшей кровью. Правая рука была еще поднята, обливис кружил у ее пальцев.

— Одиль, — выдохнула Айлет.

Ведьма-королева. Не воображение, не тень в разуме. Настоящая.

Кривясь, задыхаясь, с потом на лбу, Айлет поднялась на ноги. Она прижала ладони с оковами к боку, отчасти ожидая ощутить выпирающее ребро из кожи и рубашки. Она стряхнула слизь с лица, мокрые пряди волос прилипли ко лбу и щекам.

— Хорошо, — прорычала она. — Ты нашла меня, — она поднялась, как могла, расправила плечи, задрала голову, стараясь убрать страх с лица. — Давай. Делай худшее.

Одиль смотрела на труп монстра. Что-то блестело в ее глазах. Слезы?

— Олена, — сказала она.

— Это не мое имя! — прорычала Айлет, сплевывая кровь и слизь. — Я не... Я не какая-то давно потерянная дочь или внучка. Я — ничто. Я — твой враг. Я убью тебя, если смогу. Слышишь меня? Я убью тебя!

Одиль медленно кивнула. Она обошла монстра и подошла к Айлет, двигаясь плавно, будто парила. Может, так и было. Обливис окружал ее, развевался, как плащ, может, и нес ее, чтобы она не ступала на грязь. Ее кожа выглядела белоснежной от тьмы воздуха.

Айлет посмотрела на монстра, потом на Одиль. Она знала, что ее ждало. Еще залп обливиса, твердого, как камень. Он пробьет ее сердце, убьет ее мгновенно.

Но Одиль пересекла расстояние между ними тихо, как призрак. Ее глаза были круглыми прудами тьмы. Она слабо кивнула, обливис опустил ее мягко, как мать ребенка, на землю. Она была в трех шагах от Айлет.

Она подняла руки, широко развела их и посмотрела в глаза Айлет.

— Хорошо, дитя мое. Убей меня, — сказала она.

ГЛАВА 8

Фейлин держала Герарда за руку, пока они шли по Ведьминому лесу, ее шаги были уверенными, хотя лицо было бледным. Мокрая земля цеплялась за ноги, каждый шаг подчеркивал влажный хлопок, и они двигались медленно, почти всю дорогу — вверх по склону.

Чем выше они забирались, тем дальше были деревья вокруг них. Герард вглядывался между веток, надеясь увидеть ясное небо. Но он видел только больше обливиса, кружащего сверху. Он не ощущал время дня, хотя знал, что бродил по Ведьминому лесу много часов. Вскоре наступит ночь, принесет больше тьмы и страха.

Он поглядывал на спутницу, на милый профиль Лизель, выражающий строгость. На душу Фейлин, сияющую за чужими глазами. Он не пытался говорить с ней, а она — с ним. Что они теперь могли сказать друг другу? Он мог извиниться снова за то, что оставил ее в Ведьмином лесу на годы? Он мог оправдываться, сказать ей, как все убеждали его, что ее душа давно потеряна? Она могла извиниться за все смерти, которые принесла в Дюнлок в безумии и ревности?

Они были не теми юными возлюбленными, какими были в день их свадьбы. Четыре года были не большим временем, но они ощущались как жизнь. Возврата быть не могло. Ни для Фейлин, чье тело было мертвым. Ни для Герарда, чье сердце принадлежало другой.

Но они держались друг за друга даже так, их пальцы были переплетены. Соединены в последний раз под тенями деревьев Ведьминого леса.

Пейзаж плавно поднимался довольно долго, а потом резко оборвался глубоким ущельем, словно огромный монстр откусил кусок земли. Утес поднимался на сорок футов в высоту, оттуда было видно на несколько миль. Герард остановился на краю, сердце колотилось, он смотрел на развалины Дулимуриана, монолит и идола вдали, ладонь статуи тянулась к нему. Но он не мог долго глядеть туда.

Герард моргнул и отпрянул на шаг, но заставил себя опустить взгляд, посмотреть на основание утеса.

Монстры, что были ужаснее того, что мог выдумать смертный разум, кишели внизу, их разбитые тела были просто клетками для духов, горящих в них. Они кричали и ревели, гремели измученными голосами, которые рвали воздух и разбивали душу. Но даже это пугало не так, как та стена — живая стена черных лоз, которая возвышалась над их головами. Некоторые монстры пытались забраться по ней, но их быстро ловили, утягивали внутрь и давили. Куски кровавой плоти выплевывали на головы других чудищ.

Они не останавливались. Их крики не прекращались, шум не утихал, они бросались на стену, рвали ее. Магия вспышками била по черным лозам — огонь, проклятия и порывы ветра. Порой они немного поддавались, узкая брешь появлялась в стене. Но существа не успевали ворваться, лозы закрывали дыру, плотно переплетались.

Герард медленно покачал головой. Это был их временный союзник? Сам Ведьмин лес бился с отрядами Одиль, и только поэтому они еще не проиграли.

— Мне нужно пройти, — прошептал он так, чтобы не слышала Фейлин. Эти слова были только для него. — Мне нужно в город. К идолу, — если все, что он видел в видении Нилли было правдой, эта стена, хоть и прочная, не продержится долго. Одиль разобьет ее, а он должен ждать на другой стороне.

Он повернулся к Фейлин. Она стояла рядом, дрожала, как лист, глядя на монстров и лозы. Смертные глаза не должны были видеть такое, особенно веселые глаза, какие раньше

были у Фейлин.

Герард поднял ее ладонь и прижал сверху другую свою ладонь, словно мог удержаться за ее дух. Она испуганно посмотрела на него.

— Ты можешь перенести меня? — спросил он. — Ты можешь... управлять своими силами?

— Не через это, — проскулила она, глаза были круглыми на белом лице. — Я говорила, мы пробовали. Это нас чуть не убило.

— Попробуй еще раз, — Герард сжал ее ладонь. — Прошу, Фейлин. Попробуй. Со мной. Если мы не выберемся... — он утих и поежился. Моменты в Прибежище были все еще в его разуме, хоть память и пыталась подавить их. Он не мог представить судьбы хуже, чем застрять в том ужасе навсегда. Но он не застрянет там. Он пока не мог проиграть.

Он притянул Фейлин к себе, склонился, и его лоб почти задел ее лоб.

— Если мы не выберемся, Фейлин, — мягко сказал он, — мы пропадем вместе.

Она заскулила снова и опустила голову, закрыла глаза, пока монстры кричали и умирали внизу. Герард боялся, что она снова возразит или просто рухнет на землю рядом с ним. Но она вытащила из складок изорванного платья черный кристалл. Якорь проклятия. Она стала произносить над ним странные слова на языке, который Герард не знал, двигая пальцами в сложном узоре над кристаллом, словно сшивая невидимые нити. Было странно видеть это. Магия. Она колдовала, и он не видел этого без теневого зрения, но почти мог ощутить в воздухе вокруг них.

Фейлин присела на корточки и вонзила камешек в землю между своих ног. Она встала, повернулась к Герарду и взяла его за руки.

— Готово, — сказала она. — Это мой последний якорь. Если... Ведьмин лес не пропустит нас, он должен быть достаточно сильным, чтобы вернуть нас. Но... — она не закончила. И Герард был благодарен ей.

Он притянул ее к себе, обвил руками, ее голова была у его колотящегося сердца.

— Фейлин, — сказал он в ее волосы, пока она сжимала его. — Фейлин, я...

Мир порвался.

Тьма была со всех сторон. Тьма, ужас, его душа извивалась. Крики — его и несметного множества других. Они были бесконечными.

Фейлин. Где была Фейлин? Он потянулся ощущениями и почувствовал ее душу в своих руках. Он как-то сохранил тут физический облик в нефизическом мире, они вместе следовали по ее темным путям.

В прошлый раз он был в Прибежище лишь миг. Этот раз был дольше. Может, два мгновения. Но ощущалось хуже. Он ощущал сопротивление огромного ужасного разума, готового оттолкнуть их или раздавить. Но сопротивление вдруг стало интересом. Герарду показалось, что он услышал голос:

«Ах, вот и ты. Я ждала тебя...».

Герард падал, кувыркался по каменным ступеням. Он смог закрыть голову рукой, но не мог остановиться, пока не докатился до ровной поверхности. Все кости в теле были ушиблены, а мышцы растянуты. Его кожа была в кровавых царапинах и синяках. Он повернулся на спину и посмотрел на далекое небо, где медленно кружился обливис. А по краям от него были...

Башни. Разбитые здания и арки из черного камня. Облидита.

Он сел, охнув, и огляделся. Руины Дулимуриана окружали его — улицы и здания, мосты

и пустые каналы. Все было разбито, половину поглотила черная грязь. На монолите в центре города стоял идол Одиль, возвышаясь надо всем. Он был на коленях, без головы. Но все еще превосходил все вокруг.

Что-то голубое сияло в ладони поднятой руки идола.

Герард поднялся. Он смотрел туда, не мог мгновение отвести взгляд от идола. А потом услышал кашлянье и развернулся.

— Фейлин? — прошептал он.

Она была на вершине лестницы. Он заметил ее золотую макушку, пока она пыталась приподняться на руках, но у нее не хватало сил. Она упала.

— Фейлин! — закричал он и поспешил по ступеням, шатаясь. Хотя его разум и восприятие все еще не оправались от пути через Прибежище, он решительно шагал к ней.

Он не успел добраться до вершины лестницы, она приподнялась на локтях и посмотрела на него.

— Стой! — закричала она, протягивая окровавленную ладонь. Она застонала, глаза закатились, голова опустилась, и волосы зашуршали по камню. — Он пропустил нас, — сказала она. — Пропустил...

— Фейлин? — Герард сделал еще два шага, протянул руку к ней. — Фейлин, все хорошо. Я тут.

— Знаю, знаю, — она всхлипывала, плечи содрогались. — Но... но... — она подняла голову, и на него смотрела не Фейлин через чужие глаза. — Ее тут нет, маленький принц. Уже нет.

Герард отшатнулся, сердце улетело в пятки. Кровь отлила от его лица, голова закружилась, все потемнело по краям перед глазами. У него не было оружия, он не мог защититься.

Фантомная ведьма поднялась резкими движениями, будто состояла из углов. Ее ладони сжались, как когти, она оскалилась, показывая зубы в крови. Она дрожала, пошатнулась, но устояла на ногах.

А потом она сделала два широких шага к Герарду, готовая схватить его, утащить в Прибежище и бросить там в вечных мучениях. Жуткий смех вырвался из ее горла, она сделала третий шаг.

Ее нога не успела опуститься, камень под ней треснул, лоза вылетела из дыры, обвила ее ноги и талию, прижала руки к бокам, обвивалась быстро, и вскоре Фантомная ведьма пропала внутри.

— Нет! — закричал Герард. — Фейлин! — он бросился на лозу, рвал кольца голыми руками. Но он будто боролся с камнем, лоза не поддавалась. Он колотил по ней кулаками, ругался, умолял и плакал.

Вспышка тьмы, брешь в воздухе. Миг криков. Треск.

Герард упал на колени. Он не мог говорить. Не мог дышать. Не мог думать. Он мог лишь смотреть на ту лозу, на место, где было ее тело. Он мог лишь смотреть, как капли крови вытекали между кольцами лозы и капали на битые камни внизу.

Лоза отступила под землю. Каменная лестница задрожала, а потом все утихло. Ничего не осталось. Ничего. Только...

Герард склонил голову, наклонился к земле, стиснув зубы так сильно, что думал, что его челюсть сломается. Слезы лились по его лицу, тело содрогалось. Его стошнило, и содержимое желудка было черным от пыли обливса, пока текло по ступеням вниз.

И Герард пополз, тяжело потащил тело к останкам на камне. Слезы затмевали глаза, но он все равно видел тот ужас. Он протянул дрожащую ладонь, нашел сломанные пальцы и крепко сжал их.

Фейлин... Лизель...

Его губы двигались, он пытался выдавить слова, но они не шли.

— Пусть Богиня примет тебя... — он закашлялся, сплюнул и согнулся. — Пусть Богиня... пусть... О, Богиня! — он всхлипывал. Весь вес зла и ужаса упал на его плечи. Он ощущал жестокость, неправильность, кошмар, который привел их всех в это место. Он ощущал свою вину за все те моменты на дороге ужаса, где он оставил след. Безднадежность, беспомощность были невыносимыми. Он знал, что не сможет встать, не отыщет силы.

Нежная прохлада коснулась его лба, словно мягкая ладонь.

«Герард...».

Его сердце застыло в груди. Он точно сошел с ума. Он потерял разум.

«Герард... любимый...».

Он резко сел, отклонил голову. Его легкие напряглись, он не мог вдохнуть.

Что за свет сиял, незаметный глазам? Что это был за голос, который он почти узнал?

Прикосновение пальцев, как перышко на щеке. Губы задели его открытый рот в пыли...

Он моргнул. И остался один на ступенях, согнувшись над останками. Один с ограниченными смертными ощущениями. Запертый в смертное тело. Один.

Тихие улицы Дулимуриана окружили его. Идол ждал сзади.

Герард бережно и нежно опустил окровавленную ладонь Лизель на то, что осталось от ее груди. Дрожащими пальцами он закрыл ее глаза. Он не знал, были ли силы встать, но напряг ноги, и они послушались. Он встал и повернулся к идолу.

Возможно, повернулся к своему концу.

— Богиня, — прошептал он. — Моя жизнь, моя смерть... то, что останется. Используй это.

Он стал спускаться по лестнице, направляясь к дороге, которая вела к развалинам центра города.

Блеск привлек его взгляд. Герард увидел яркий край чего-то у основания лестницы, в стороне, отчасти скрытого. Он не заметил это раньше. Но он понял, что это было, раньше, чем четко увидел. Он пошел туда инстинктивно, согнулся и уверенно сжал рукоять меча.

Черный мез из чистого облитита. Острее любой стали. Он медленно повернул его, глядя удивленно на клинок. Он был создан мастером, вес был удобным и странно знакомым в его ладонях. Подарок для принца. Для короля.

Герард скривился. Он ощущал во рту вкус обливиса и рвоты.

ГЛАВА 9

Слова Одиль звенели в воздухе, разносились эхом, как далекий звон колоколов в храме:

Убей меня.

Убей меня.

Убей меня.

Айлет смотрела на Жуткую Одиль. Казалось, по бокам зрения потемнело, и она видела только высокую холодную женщину. Эхо утихло, оставив такую идеальную тишину, такую полную, что Айлет почти могла поверить, что слышала шелест пылинок обливиса в воздухе.

Внезапный хищный вопль вырвался из ее горла. Игнорируя боль в ребрах и ноге, она бросилась на Одиль, поймала ее за горло. Ей не нужна была сила Ларанты в этот миг дикой

кровожадности. Сил ее тела хватало. Она бросила ведьму легко, как соломенную куклу. Одиль рухнула на черную землю, грязь испачкала ей лицо, брызнула в глаза Айлет. Айлет опустилась на ее грудь, села на ней и прижала железную цепочку оков к горлу женщины под ее подбородком, давила все сильнее у гадкого шрама, где Избранный король отрубил голову Яда.

Айлет не нужны были активные тeneвые чувства, чтобы ощутить растущую магию вокруг нее. Дух в Жуткой Одиль ответил на атаку, выпустил темные руки из тени. Но, хоть Айлет ощущала магию, кипящую вокруг как буря, удара не последовало.

Вместо этого странная песня звенела в ее ушах. Как песнь от флейты эвандерианцев, но сложнее, ужаснее. Песнь, которая, как она поняла, была там все время, но только до этого Айлет не могла ее слышать. Только в этот миг на грани жизни и смерти ее стало слышно, она проникла в ее ограниченные смертные чувства и ударила по подавленному тeneвому восприятию.

Она еще не слышала такой песни, но понимала, что это было. Это не могло быть ничто другое, ведь эта песня была из криков перед смертью и ужаса, из текущей крови и испуганных душ, из боли и печали, слез и ран. Все это смешивалось в жуткий хор тысяч воющих голосов.

Это была Краван Друк. Чаропесня, поддерживающая жизнь Одиль.

Только Айлет могла разбить эти чары. Она это и делала.

Айлет стиснула зубы и удвоила старания, давила сильнее той цепочкой. Ее кулаки уперлись в грязь по бокам от шеи Одиль, она давила на них всем весом. Глаза Одиль выпучились. Ее рот открылся, язык торчал. Ее ладони рвали пустой воздух. Она могла легко выцарапать Айлет глаза, порвать кожу, но она не трогала внучку.

В любой миг на нее могли напасть. Айлет знала это, приготовилась. Этот удар убьет ее, принесет боль. Она видела, что могла делать тень Одиль, она знала, как сильна та была. Обливис в воздухе резко затвердеет копьем, пронзит ее, прибьет к одному из деревьев. Или обливис в ее легких вдруг загорится, сжигая ее изнутри. Она ожидала ужасную смерть.

Но тень Одиль, хоть она извивалась, не атаковала.

Это было железо? Тень так сильно реагировала на железо, прижатое к горлу своего носителя? Но нет... железа было не так и много, чтобы подавить такую силу. Нет, это могло быть только...

Сама Одиль. Она сдерживала тень. Она позволяла Айлет убить ее.

Краван Друк стала оглушать.

Айлет охнула, подняла руки и отклонилась, отталкивалась ногами, чтобы отползти от неподвижного тела Одиль. Она пятилась, пока не уперлась в дерево, ее лопатки прижались к стволу. Айлет дико дышала. Она не знала, почему. Она не понимала этого. Она должна была закончить дело! Она была так близко... Она заскулила, прижала ладони к сердцу. Слезы катились из уголков глаз по щекам.

Одиль лежала какое-то время. Только грудь судорожно вздымалась и опадала, указывая на жизнь. Она медленно села. Обливис двигался вокруг нее, вытягивал грязь из ее волос и от кожи, очищая ее, пока она не стала чистой, как из купальни. Ее черные волосы ниспадали волнами вокруг ее лица, на плечи. Она выглядела не старше Айлет. Но ее шея была истерзанной, уродливой. Шрам немного открылся от атаки Айлет.

Одиль прижала ладонь к горлу, пальцы осторожно гладили кожу. Она повернулась на Айлет, спокойно посмотрела на нее.

— Ты не закончила, дитя. Попробуешь еще?

Айлет не могла ответить и даже покачать головой. Все ее тело сотрясалось, хотя она не понимала этого. Это были чары? Некая защита? Вариация Краван Друк? Что-то, чтобы она не завершила цель?

Нет. Она знала правду. Она не могла сделать это. Она не могла убить Жуткую Одиль. Не из-за чар или подавления. Это была только ее слабость, ее страх. Она не могла себя заставить.

Потому что... тогда она останется одна в этом мире.

Она снова увидела перед глазами сон об Одиль с руками в пепле, поднятым лицом к небу в крике, об Одиль, лежащую на кровати, окруженной темными шторами, повитуха отдала ее дочь, Олесю, в ее руки, об Одиль, стоящей высоко на ладони своего идола, глядящей, как армия Избранного короля приближается, как Кро Улар рушится вдали.

Одиль была одна.

Айлет моргнула, видение пропало. Она снова была в Ведьмином лесу, прижималась спиной к израненному дереву. Она поймала взгляд Одиль. Ведьма-королева уже стояла, ее ладони рассеянно поправляли лохмотья вокруг ее худого тела, пока она смотрела на Айлет с нежным видом. Она протянула руку.

— Нам не нужно быть в одиночестве. Мы нашли друг друга.

Айлет поежилась, глядя на ту ладонь. Она думала о Холлис, сидящей на коленях перед маленькой дикой девочкой в лесу. Она думала о мертвых волках в свете огня вокруг нее. Она отчаянно пыталась вспомнить все, что знала, все истории, которые рассказывала Холлис. Кошмары, совершенные этой женщиной, этим демоном. Резня невинных, пытки смертных, разрушения земель, храмов и библиотек.

Но были ли эти истории правдой? И, если они были правдой, они подавляли глубокую правду, которую теперь знала Айлет? Правду о происхождении Одиль, ее целях, желаниях. Ее жертвах.

Айлет не могла оторвать взгляда от той ладони. Она ощущала притяжение, огонь в груди. Или это было от обливиса, который она вдохнула? Она поддавалась его яду? Одиль управляла обливисом, она могла управлять и теми, кто его вдохнул. Может, эти импульсы, воюющие в голове Айлет, были не ее. Это могли быть манипуляции ведьмы.

Айлет посмотрела на лицо Одиль. Ее рот двигался несколько раз, а потом она смогла заговорить:

— Почему ты не убьешь меня?

Хороший вопрос. Только Айлет стояла между Одиль и истинным бессмертием. Никто не мог ее коснуться, никто не мог ее убить. Только одна ее крови. Только Айлет, ее оставшаяся родственница.

Айлет сжалась, как ягненок рядом со львом. Она не могла себя спасти.

Но Одиль склонила голову, на лице проступили печаль и сострадание.

— Ты все еще не знаешь? — сказала она голосом, который разбил бы самое твердое сердце. — Ты все еще не понимаешь? Мое сердце, моя душа, моя маленькая любовь. Я лучше умерла бы, чем прожила еще день без тебя рядом. Прошу, Олена, прошу, милая, если ты не возьмешь меня за руку, то доверши начатое. Убей меня сейчас. Позволь присоединиться к твоей матери в Прибежище, и мы будем ждать тебя там.

Это не могло быть правдой. Это была уловка. Все те воспоминания в ее голове... вели к спасению от жуткого монстра. Эта игра пыталась ослабить защиту Айлет, сделать ее

уязвимой.

Но... зачем?

Та ладонь оставалась в пространстве между ними, протянутая в нежном приглашении. Айлет посмотрела на нее снова, ощущая желание сжать ее.

— Идем со мной, любимая, — сказала Одиль. Ее голос дрожал, словно она подавляла сильные эмоции. — Мы отправимся в Дулимуриан вместе. Вернем наше королевство и отстроим его. Мы соберем захваченных тенью у нас. Всех... всех, кого Орден Эвандера убил бы. Они будут в безопасности жить под нашей с тобой защитой.

«Террин».

Она не должна была думать об этом имени. Но эти мысли были с ней. Террин... которого поймает Орден и убьет как еретика. Террин... который проведет остаток жизни, скрываясь, убегая от тех, кто раньше были его братьями.

Если только...

Могло ли быть место в этом мире, где такие, как Террин, смогли бы спокойно жить? Где видение, как было в ее сне, могло сбыться? Они с Террином, свободные, с их детьми, рожденными с тенями, на руках, и их тени не были подавлены, сияли. Мир изящества, магии и красоты.

Холлис рассказывала ей о Дулимуриане. Об ужасах, которые совершались там при правлении Одиль. Но Холлис была из Ордена. И Холлис нужна была верность Айлет. Ей нужно было, чтобы Айлет верила каждому ее слову, чтобы, когда придет время, она ударила без колебаний или вопросов.

Холлис соврала.

— Милая девочка, — прошептала Одиль, — возьми меня за руку. Пойдем со мной. Я покажу тебе мир, какой ты еще не знала. Но мир будет холодным и пустым без тебя рядом, так что возьми меня за руку, Олена. Возьми меня за руку, любимая.

Ее дух дрожал. Под давлением железа выла и протестовала разъяренная Ларанта, но ее голос был далеким и слабым.

Айлет смотрела в те глаза, отражающие ее глаза. На то лицо, на которое она была так похожа. В ту душу, такую похожую на ее. В последней попытке сопротивляться, она пошевелила губами, пытаясь вспомнить молитве, которой ее научила Холлис. Но в голове не было ни одной фразы. Она прошептала только:

— Богиня...

Она обхватила ладонь Одиль и позволила Ведьме-королеве поднять ее на ноги.

— Идем, — сказала Одиль, когда они встали лицом к лицу, их глаза были на одном уровне. — Идем домой, в Дулимуриан.

ГЛАВА 10

Королевская дорога поднималась по склону, и идти было сложно. Холлис слышала тяжелое дыхание в масках вокруг нее — даже Фендрель, шагающий рядом с ней, тяжело дышал — и ее легкие слушались с трудом. Обливис покрывал ее язык. Лепестки календулы уже не помогали. Вряд ли они и до этого помогали.

Она была настороже, изучала лес вокруг тeneвым восприятием, чтобы уловить приближение другого духа. Она была сосредоточена на дороге впереди, искала венатора Кефана. Он был далеко впереди них, использовал способности Дикой тени для разведки.

Холлис снова сыграла на вокосе, удлинила духовную связь с тенью, это позволяло растянуть ее силы на половину мили вокруг. Тень сообщала ей все, что нашла — вкус едкого

воздуха, шепот деревьев, слабые колебания магии всюду вокруг них. Все ощущалось удивительно спокойно.

Она точно должна была что-то ощутить. Если бы Одиль добралась до короны и получила ее, атмосфера точно изменилась бы. Может, сначала ничего серьезного. Ведьме-королеве нужно было бы совладать с теми жуткими силами, установить контроль над духом в эйтре. Но даже так она стала бы сначала действовать осторожно. Было бы глупо использовать слишком много сил сразу после ее восстановления.

Но... нет. Холлис покачала головой, посчитала те мысли глупыми. Она знала Одиль слишком хорошо. Как только корона окажется на ее голове, она разорвет весь этот лес, вытащит с корнями каждое дерево и лозу. То, что Ведьмин лес еще стоял, доказывало, что Одиль еще не достигла цели.

Еще было время. Еще был шанс.

Ощущения задрожали на связи с тенью. Холлис, кривясь, замерла. Фендрель остановился, бросил на нее взгляд с вопросом, и два юных венатора за ними приблизились.

— Магия, — прорычала Холлис. — Буря магии. Впереди.

— Кефан? — спросил Фендрель.

Холлис покачала головой. Она не знала подробностей.

— Она... большая, — прошептала она.

Юный венатор приготовил скорпиону для атаки. Холлис ощутила рябь в воздухе от не подавленных теней, рвущихся в бой, желающих выпустить силы. Юная венатрикс резко вдохнула, словно ей было больно.

— Ты, — Фендрель со строгим видом повернулся к девушке. — Подави тот дух вокосом.

— Но, — девушка тяжело дышала, глаза за маской были огромными, — если я подавлю его, что мне делать? Ядов осталось мало, и...

— Ты не сможешь, если будешь биться со своей тенью еще до начала сражения, — ответил Фендрель без сочувствия в голосе.

— Делай, что должна. Сейчас.

Девушка отчаянно посмотрела на Фендреля и Холлис. Холлис знала, что нельзя было проявлять сочувствие, мягкость. Венатрикс должна быть крепкой, сильной, принимать тяжелые решения, какие не принял бы смертный. Она сказала лишь:

— Ты сможешь ослабить подавление перед тем, как мы доберемся до города.

Этого было мало, но это усилило храбрость девушки. Она вытащила инструмент и заиграла Песнь подавления, мягкую вариацию, чтобы немного сковать ее Анафему. Она сопротивлялась, боролась с оковами так, что девушка пару шагов спотыкалась, чуть не потеряла мелодию. Но она заиграла версию тяжелее, подавляя силы тени сильнее.

Когда ее песня кончилась, девушка убрала вокос в чехол. Для теневого зрения Холлис она выглядела хрупко, когда осталась лишь меньшая часть сил. Если на них нападут снова, захваченные тенью посчитают ее уязвимой. Ее убьют за мгновения.

Холлис посмотрела в сторону Фендреля. Но она знала, как и он, что помочь ничем не могла. Он мрачно сжимал губы.

— Идем, — сказал он.

И они продолжили подъем.

Холлис потянулась тенью, легонько коснулась разума юной венатрикс. Там был только чистый страх. Холлис быстро отпрянула, сердце трепетало. Но, может, девушке и нужен был страх. Может, страх ускорит ее рефлексy, поможет ей выжить.

Гул звучал в воздухе от множества крыльев тени Холлис. От этого сигнала Холлис посмотрела вперед.

— Кефан идет, — сказала она Фендрелю.

Он хмыкнул в ответ и поднял ладонь, чтобы все остановились. Они подняли оружие, насторожившись, вглядываясь тeneвым зрением в дорогу впереди. Холлис показалось, или туман обливса сильнее скрывал дорогу. Наверное, наступала ночь, конец этого бесконечного дня. Но каким будет конец с наступлением тьмы?

— Доминус?

Голос Кефана раздался в тумане. Он появился через миг, его Дикая тень сияла в его глазах. Он поспешил к ним, тяжело дыша, лицо раскраснелось.

— Докладывай, — сказал Фендрель.

Кефан отсалютовал, но его слова вылетели так быстро, что было сложно понять:

— Захваченные тенью... они в лесу... их так много, больше, чем мы думали! Они впереди, в конце этой дороги.

— Западня? — спросила Холлис, голос был тонким и сдавленным из-за клюва маски.

Кефан покачал головой.

— Я так не думаю. Там... стена. Как я описывал раньше, которую я нашел, когда пошел по следу Айлет. Стена из лоз, но... куда больше прошлой! Она огромная, тянется в оба бока на мили. Может, она окружает весь город, я не знаю точно. Это Ведьмин лес. Он... не пускает их.

— Это хорошо, — сказала юная венатрикс у плеча Холлис. — Да? Это значит, что Ведьма-королева не может пройти.

Фендрель игнорировал ее, смотрел на Кефана.

— А Одиль? Ты ее видел?

— Ее там нет. Я не смог уловить.

Сердце Холлис похолодело в груди. Если Одиль не была со своим отрядом, где она была?

— А Алые дьяволы? — спросила она. — Их видно?

— Нет, — сказал Кефан. — Только захваченные тенью. Монстры. Они убивают себя, пытаюсь пробить стену. Думаю, их тянет туда, но я не знаю точно.

Те существа за годы вдохнули столько обливса, что сильно поддавались воле Одиль. Наверное, она направила их разбить стену. Но Холлис не хотела гадать, почему она не следила за прогрессом.

Она подумала об Айлет где-то в лесу. Одна. Напуганная. Решительная. Она придет? Она направит всю ту решимость, которую Холлис видела в ней за годы, в последнюю охоту? Она хотя бы шла по следу Ведьмы-королевы?

— Что будем делать, доминус? — спросила юная венатрикс. Венатор рядом с ней повторил ее вопрос, они смотрели на Фендреля. И Холлис тоже.

Фендрель поймал ее взгляд и удерживал. Но сказал Кефану:

— Они пробьются?

— Сложно сказать, — ответил Кефан. — Стена сильная. Магия в ней такая, какой я еще не встречал. Но... там так много захваченных тенью. Воля Одиль сильна!

Уголок рта Фендреля приподнялся в слабой улыбке.

— Что скажешь, венатрикс ди Тельдри? — спросил он, все еще глядя на Холлис. — Это ты заявила, что хочешь идти в Дулимуриан. Все еще хочешь?

— Да, — ответила Холлис и подняла скорпиону так, чтобы пряжки сверкнули. — Если есть шанс, что они пробьются, я буду защищать ту стену.

Улыбка Фендреля стала шире.

— Вот так, — он повернулся к другим, мрачно взмахнул рукой. — У нас есть план. Пятеро против несметной орды захваченных тенями. Это войдет в легенды.

Бледный венатор и юная венатрикс переглянулись. Холлис думала, что они возразят. Развернутся и убегут. Она видела, как опытные охотники пятились при виде армий Одиль во времена Ведьминых войн, во время кампаний Избранного короля.

Но эти двое зашли далеко, многое вытерпели. Они не были трусами.

— За короля, — венатор прижал левый кулак к правому плечу.

— За Золотого короля, — сказала венатрикс, повторяя жест ее брата по охоте.

Кефан тихо выругался. Он тоже поднял кулак, свет Дикой тени сиял в его глазах.

Фендрель без слов повернулся и пошел по склону дороги, чуть не пропал в тумане обливиса. Холлис поспешила следом, и остальные двигались за ней. Она слышала, как юная венатрикс играла на вокосе, снова ослабляя оковы на своей тени.

ГЛАВА 11

Айлет ощущала напряжение Ведьминоного леса под ногами. Не пропадающее биение сердца становилось все быстрее.

Бум-бум...

...бум-бум...

...бум-бум....

Обливис сгустился в воздухе, пылинки стали как плотная стена, мешала видеть дальше трех футов. Айлет могла дальше измерять лишь шагами расстояние или время, но она давно сбилась со счета.

Она шла в двух шагах за высокой неземной фигурой. Величавой фигурой из сказок о чудовищах и кошмарах, воплощением абсолютного ужаса... и Айлет казалось, что она шла сюда всю жизнь. Словно каждый миг ее существования вел ее к этому месту, словно кровь в ее венах определила ее судьбу с первого вдоха: идти в тени Жуткой Одиль.

Бум-бум...

...бум-бум...

...бум-бум....

Сгустившийся обливис точно был творением Одиль. Она сделала из него щит для них, чтобы закрыться от взгляда и злобы Ведьминоного леса? Или — частичка разума Айлет протестовала, хоть она пыталась ее унять — Одиль делала воздух таким, чтобы Айлет дышала обливисом и была податливой для манипуляций и контроля?

Нет. Айлет стиснула зубы, и ее ладони в оковах сжались в кулаки. Ею никто не управлял. Хоть она ощущала слои обливиса в горле, она управляла собой, сама принимала решения. Если она решила идти с Ведьмой-королевой, то это был ее выбор. Она просто ждала подходящего момента, ждала...

Ее глаза двигались в глазницах. Шагая за правым плечом Одиль, она видела бледный профиль королевы, линию ее подбородка и шеи. И жуткую рану там, где ее голову отрубали. Жуткие синяки в форме пальцев были у шрама, и на коже остались следы от железной цепочки оков Айлет.

Она была близко. Почти покончила с Ядом. Почти выполнила задание, для которого ее уберегла Холлис. Она чуть не стала орудием эвандерианцев в этом сражении. Почти...

Одиль чуть повернула голову, поймала взгляд Айлет. Айлет тут же перевела взгляд на свои ладони. Дрожь побежала по ее спине, взорвалась инеем в голове. Одиль могла читать ее мысли? Айлет скривилась. Беспомощность и надежда извивались в ней змеями.

— Ты можешь снять это? — вдруг спросила она. Ее голос звучал странно мягко и приглушенно в этой атмосфере. Она призвала смелость и посмотрела в глаза Ведьмы-королевы. Одиль с вопросом приподняла бровь, и Айлет показала ладони с оковами и железной цепью.

Одиль замерла, обдумывая вопрос. А потом покачала головой.

— Боюсь, даже обливис не поможет против железа, — она повернулась снова, черные волосы и лохмотья шелестели за ней, она грациозно пошла дальше. Для Айлет было чудом то, как она могла идти во мраке с такой уверенностью. Одиль полагалась не на смертное восприятие, чтобы дойти до места назначения. — Когда у меня будет моя корона, — бросила она через плечо, — сломать твои цепи будет просто. Клянусь, тогда ты больше не будешь скована железом.

Айлет стиснула зубы, подавляя возражения. Одиль говорила ей правду? Или это была еще попытка манипуляций? Она видела, что Ведьма-королева могла делать с силой своей тени. Она видела лес затвердевшего облитита. Железо было уникальным, странно сопротивлялось магии и отгоняло теней. Но было сложно поверить, что Одиль своей силой не могла сломать пару маленьких звеньев.

Она просто не хотела, чтобы у Айлет был доступ к Ларанте?

Шагая в паре шагов за Одиль, Айлет потянулась в себя, искала Ларанту. Ее тень многое дала ей в этот день, билась с влиянием железа, чтобы дать Айлет все силы и магию, какие удавалось передать. Она устала, была сильно подавлена. Айлет ощущала связь, ее тень дрожала в глубине ее души. Она не могла призвать ментальную картинку ее волчицы. Железо закрыло даже это, осталось лишь слабое ощущение бесформенного духа на глубине.

«Ларанта, — прошептала Айлет в голове, боясь говорить вслух. Но она не могла не утешить свою тень. — Ларанта, клянусь... если я выберусь из этих цепей, я не позволю ничему разделить нас снова. Ни железу, ни яду, ни огню, ни смерти. Ни даже Прибежищу».

Ларанта слышала ее? Она ощущала правду в глубине духа Айлет? Она понимала? Конечно, да. У них был один разум, один дух, они были связаны с рождения, неразделимы. Даже ложь, в которую Айлет верила годами, не смогла разбить любовь между ними.

Да, Айлет знала без тени сомнений, что Ларанта любила ее. Может, не так, как смертные понимали любовь, но Ларанта и не была смертной. Она существовала вне пределов и рамок смертного понимания любви и жизни. Но ее любовь была не менее сильной, хоть и загадочной.

Были ли такие существа мерзостями в глазах Богини? Если да, то Айлет тоже была мерзостью, ведь она не собиралась позволять огню отделять ее от тени. Куда уйдет Ларанта, туда уйдет и она. Если это означало вечность мучений в Прибежище, так тому и быть. Айлет никогда не отправит Ларанту туда одну.

Бум-бум...

...бум-бум...

...бум-бум....

Биение сердца Ведьминого леса стало таким громким и настойчивым, что прогнало Айлет из мыслей в мир, по которому она шла. Земля дрожала под ее ногами, и деревья вокруг нее будто двигались в пульсе дыхания, их корни пытались удержаться за гнилую

землю.

Айлет остановилась. Ее смертные чувства трепетали, реагируя на что-то... что не было звуком. Если бы у нее был доступ к теневому восприятию, она точно ощутила бы сильную магию в воздухе. Страх трепетал в ее теле.

Одиль, которая шла в паре шагов впереди, почти пропала из виду за обливисом в воздухе. Она остановилась и оглянулась на Айлет, прочла выражение ее лица. Ее строгие черты на миг раскрыли тревогу.

— Корона, — сказала она. — Она чувствует, что я близко. Она хочет помешать мне вернуться в Дулимуриан. Она подняла защиту, и мои слуги пытаются пробиться, — она протянула руку к Айлет. — Идем. Нужно присоединиться к ним.

Айлет не сразу смогла двигаться. А потом кивнула и шагнула вперед. Но не взяла Одиль за руку.

Пейзаж был грубым и разбитым в этой части леса, с внезапными обрывами и резкими холмами, с которых все еще не было видно открытого неба. Они должны были идти медленно, но обливис будто собирался под ногами Айлет, и хоть она не чувствовала, что парила, он нес ее быстрее, чем она дошла бы сама. Одиль продвигалась впереди нее, движения были плавными, не выдавали спешки. Только развевающиеся волосы показывали ее скорость.

Вдруг утес в пятьдесят футов высотой оборвался перед ними, край появился резко из тумана. Раненые деревья впивались в него, торчали под странными углами, искаженные от попыток удержаться. На склоне утеса был только камень, без растительности, и Айлет увидела без помех пейзаж внизу.

Она впервые увидела Дулимуриан. Она видела окраину города, разбитые улицы, здания из облитита, погрузившиеся в гнилую землю, разорванные лозами. Она видела провалившиеся дороги, упавшие мосты, высохшие каналы. Разрушение было всюду, но величие как-то осталось.

Вдали — примерно в двух милях — стоял могучий идол Одиль на монолите в центре города. Даже без головы и на коленях он возвышался над Дулимурианом и лесом, одна рука тянулась к небу. Между пальцами что-то сияло. Пульсирующий голубой свет гипнотизировал красотой. Айлет осмелилась поднять взгляд туда, а потом перестала думать, чувствовать, замечать что-то еще. Ее манила та точка света. Ее душа, казалось, тянулась из смертного тела к живому эйтру и Сущности в нем.

Жуткий вопль порвал воздух внизу, и звуки боя пробили ее чувства, вернули ее в себя. Айлет моргнула, отпрянула на полшага и посмотрела на землю ближе к утесу.

* * *

Пятеро эвандерианцев добрались до утеса и смотрели на долину внизу. Они видели кошмарную армию, как и описывал Кефан, они бросались на стену, как волны, собирались с силами и нападали снова.

— Готов? — спросила она с улыбкой.

Они не выживут в этом. Никто.

Его ответная улыбка была как вспышка ножа. Он повернулся к монстрам, к своему безнадежному концу. Дикий боевой клич вырвался из его горла, он прыгнул и проехал по грубому склону тридцать футов к земле внизу, где приземлился на ноги, согнув их в коленях. Его сильные ноги оттолкнулись и направили его к захваченным тенями почти без паузы. Разъяренное существо бросилось на него, и он сбил монстра Нежной смертью, а потом

метнул кровавое проклятие и рассек еще троих.

Теневое восприятие Холлис взорвалось от духов, покинувших смертные тела. Ее душа дрожала, воздух над ней замерцал, Прибежище открылось, чтобы забрать духов.

А потом она прыгнула, проехала по склону, не дожидаясь остальных. В таком бою нельзя было выступать единым фронтом. Каждый просто делал, что мог, один в бою со смертью.

Она направила тень на ближайший разум и обрушила силы, темную сторону своих способностей, которую она использовала только несколько раз за время Одержимости. Ее тень пронзила разум существа, наполнила его чистым страхом, худшим страхом — без надежды, без побега. Его смертное тело перестало бежать к стене, застыло, а потом задрожало, словно излишек эмоций вырывался из пор.

Сердце существа остановилось. Оно рухнуло на землю комком бесформенных конечностей, умерло от страха.

Холлис вытащила тень из его головы и послала ее к следующему захваченному тенью, духовная связь сверкала, как раскаленный хлыст.

Когда что-то появилось справа, Холлис повернулась и выстрелила Нежной смертью в большой красный глаз. Старуха с пастью зверя рухнула мешком костей у ее ног. Холлис зарядила скорпиону, управляя в это время тенью. Еще монстр завыл от ужаса и упал, содрогаясь при смерти. Холлис подняла руку и прицелилась. Еще один захваченный тенью пал, не врезавшись в нее.

Только спустя минуту боя она поняла, что монстры не давали отпор. Их тянуло к стене, и они не защищались, пока кто-нибудь не вставала на их пути.

Она могла использовать это преимущество.

Холлис попятилась, направила тень в еще один разум, оборвала еще одну жизнь вспышкой чистого ужаса. Справа она увидела одного из товарищей в красном капюшоне, но не было времени смотреть, кто из них это был, пока она снова заряжала скорпиону. Она давала ужасные смерти, она ненавидела себя за такое. Ни одно существо, даже обезумевшее от теневой чумы и проклятий, не заслуживало умереть от страха. Но ее тень была ее самым сильным оружием. И тут ей не нужно было переживать из-за нежности.

Она с мрачным видом выпустила силу в другой разум. Но в этот раз она столкнулась с сопротивлением.

Холлис моргнула и пошатнулась, ее тень грубо вытолкнули в воздух. Она не вошла в настоящий разум. Она посмотрела своими глазами на существо, которое пыталась пробить, похожее на насекомое, с множеством сочленений, но похожим на человеческое лицом.

Оно покачало головой от атаки. А потом посмотрело большими фасеточными глазами на Холлис. Пятнадцать других голов повернулись в тот же миг. Пятнадцать одинаковых голов.

— Проклятье! — закричала она. Это была тень-улей, одна сущность из множества частей. Только в одной был разум, который она могла одолеть, и притяжение стены не отвлекало это существо от врага. Может, из-за множества тел оно могло оставить несколько разбираться с противником.

Пятнадцать существ прыгнули на Холлис, странно сгибаясь, широкие пасти щелкали от гнева. Холлис выстрелила в одно Нежной смертью, и оно упало, но другие двигались дальше. Она потянула за духовную связь, чтобы тень стала ее щитом. Но захваченные тенью подступали, мешали видеть, не давали сбежать. Она била, резала, пронзала. Но их было

слишком много.

Может, ей показалось... но в последние мгновения перед тьмой она слышала, как Фендрель кричал ее имя.

ГЛАВА 12

Река вдруг покинула извивающееся ущелье, она падала в маленькое озеро далеко внизу. Террин был рад выбраться из тесной щели, прошел к краю водопада, осторожно уперся сапогами в скользкие камни и посмотрел на долину.

На разрушенный Дулимуриан. Окруженный стеной живых лоз. Странное и пугающее зрелище.

Но не было времени глазеть. Последнюю милю он спешил на звуки боя и дрожь магии в воздухе, и теперь он видел источник. Массы чудовищ, захваченных тенями, бросались на черную стену физическими телами и всей своей магией.

«Что это, Нисирди?» — спросил Террин, вид его путал и злил.

Его дракон стоял у его правого плеча, вытянул длинную шею и посмотрел на долину.

«Они не владеют собой, — сказал он. — Они вдохнули слишком много обливса и не могут управлять собой».

Они принадлежали Одиль. Ведьма-королева отправила их в атаку на стену, пытаясь добраться до короны. Значит, она была близко. Значит...

А потом теневое зрение привлекло взгляд Террина к вспышке магии Анафемы знакомого цвета среди монстров. Сердце билось в горле.

Он почти сразу заметил Фендрея. Венатор-доминус сбросил черный капюшон, его волосы дико развевались за ним, пока он резал и взрывал с ужасающей точностью. Свежая кровь лилась с его пальцев, постоянный источник энергии для каждого созданного проклятия.

Сердце Террина похолодело. Странные импульсы воевали в нем. Его обучение гнало его помочь Фендрелю, встать справа от наставника и биться рядом с ним. Но... он приказал убить Террина прошлой ночью. Убить Террина, запереть Герарда, а Айлет...

— Айлет, — прошептал Террин. Где она была?

Еще капюшон, в этот раз красный, привлек взгляд Террина. Он присмотрелся и узнал Холлис. Он освободил ее ранее этим днем из Дюнлока, и она отправилась за Фендрелем и Айлет. Если она была тут, то и Айлет должна быть в порядке. Они освободили ее руки, чтобы она могла биться изо всех сил? Или Фендрель настоял держать ее в плену даже в таком бою?

Террин не успел отыскать ответы, монстры напали на Холлис — много существ с длинными лапами, они двигались как один, подавляли ее.

— Холлис! — голос Фендрея прозвенел поверх рыков и воя. Вспышка магии Анафемы полетела в толпу, но едва задела внешние извивающиеся тела. Трое упали, но больше прыгнуло на место павших.

— Ко мне, Нисирди, — прорычал Террин и спрыгнул с водопада, с камня на камень, притягивая силу тени и направляя свет и жар в ладони. Уголки его рта приподнялись в мрачной улыбке. Он становился в этом лучше, увереннее. — Сейчас! — крикнул он и раскрыл ладони.

Два луча света вылетели в монстров, напавших на Холлис. Залп был таким сильным, что их смертные тела рассыпались пылью. Но из них не поднялись духи — управляющее тело было в другом месте, уцелело.

Не важно. Холлис было видно, обмякшую и окровавленную на земле. Террин побежал к ней, но кто-то опередил его, упал на колени рядом с ней, поднял ее на руки. Ее голова покачнулась у его руки, длинные волосы свободно ниспадали, испачканные кровью.

Фендрель уткнулся лицом в ее макушку, но почти сразу отодвинулся, глаза были огромными, он искал источник залпа. Он поймал взгляд Террина поверх бегущей толпы чудищ.

Террин замер, сердце улетело в пятки, он смотрел в глаза наставника. Он отпрянул на шаг.

В тот миг он что-то ощутил. Он едва мог описать это. Словно ладонь сжала его лицо и заставляла повернуть голову и отвести взгляд от боя на край утеса сверху. На место, где земля была выше всего, в пятидесяти футах над долиной. Он поддался и повернулся.

Он увидел Айлет.

* * *

Даже без доступа к теневому восприятию Айлет ощущала взрывы магии. Она видела вспышки огня и воды, вихри земли и камней, признаки теней Элементалей. Она видела жутких монстров, искаженные тела зверей и людей, существ между ними. Песни Приманок звенели в кровавом хаосе. Рычание Дикарей терзало сердце. Запах крови наполнял ее ноздри, летели проклятия Анафемы. И перед глазами сплывались тела и духи в жестоком сражении.

Хуже всего была широкая стена из лоз вокруг города, она была выше утеса, на котором стояла Айлет.

Потому Ведьмин лес сегодня был странно тихим, потому почти не было лоз, поймавших ее в первое путешествие за Великий Барьер. Сила Ведьминого леса была сосредоточена на последней защите короны от королевы.

Айлет заметила красную вспышку — Красный капюшон среди кошмарной толпы бился с монстрами. Она узнала сильное приземистое тело.

— Кефан, — едва слышно прошептала она. Что он там делал?

Еще вспышка красного, она узнала Холлис. Еще венатор, чьего имени она не знала. Они бились храбро. Защищали стену? Но зачем? Ведьмин лес нуждался в помощи нескольких эвандерианцев? Но когда она посмотрела на стену лоз, она заметила тонкое место. Общая сила всех чудищ и магии могла все-таки пробить защиту Ведьминого леса.

А потом толпа монстров, ведомых одним разумом, напала на Холлис. Айлет охнула, глядя, как ее бывшая наставница пропала под черными лапами и стучащими челюстями.

— Нет, — слово сорвалось с ее губ почти беззвучно. — Нет, Холлис! — ее тело дернулось от желания спрыгнуть с края, броситься в сражение вниз. Она сделала шаг.

Одиль сжала ее руку. Айлет испуганно обернулась. Черные глаза, такие большие, что она видела в центрах свое лицо, смотрели на нее серьезно.

— Помни, — сказала Одиль низким и нежным голосом, но с предупреждением. Она опустила ладони на щеки Айлет, обхватила ее лицо и притянула ее голову ближе, пока их лбы не соприкоснулись. Айлет смотрела в темные глаза, полные воспоминаний и боли. Полные такой сильной любви, что душа дрожала. — Помни, Олена, — сказала Одиль, — они сожгут тебя заживо и назовут это милосердием.

Ее сердце сжалось в груди. Усилием воли Айлет отвернулась и посмотрела на хаос, на место, где была Холлис. Огонь плясал в ее голове, пока она пыталась заметить красный капюшон.

— Холлис... — прошептала она.

Залп ослепительного белого света.

Айлет закричала от боли, закрыла ладонями лицо. Она не видела, глаза жгло, искры летали во тьме за веками. Все остальные чувства отступили, оставив ее с болью на краю утеса.

А потом одна мысль пробилась сквозь боль. Свет. Ослепительный белый свет.

Террин?

Моргая от искр перед глазами, она смотрела на бой, искала, пока... вот он. Среди бури ужаса, смерти и боли стоял Террин. Высокий, сильный, с сияющими пробужденной силой глазами, ладони светились белым светом.

В любой миг чудища нападут на него, подавят его, проглотят и уничтожат. Любой миг мог стать последним, когда она видела его живым, так что она глядела на него, запоминала, упивалась секундами, которые для нее были вечностью.

Словно ощутив ее взгляд, Террин поднял голову. Их взгляды пересеклись.

Она смотрела, как ужас проступил на его лице от вида того, кто стоял рядом с ней.

ГЛАВА 13

Душа Террина дрожала от шока. Он застыл, словно очарованный.

Холлис не говорила ему. Она сказала, что только Айлет могла убить Одиль, но она не говорила, почему. Она не объяснила ему, что чары, которые поддерживали Одиль живой даже после жестокой казни, были связаны с ее кровью.

И эту кровь разделяла с ней Айлет.

Террин смотрел на утес над боем, где высокая худая девушка стояла рядом с таким же высоким и худым призраком. Айлет, бесстрашная Айлет. Она держала его тело и душу, искадила все, что он знал о себе, сделав его пугающим, но он не мог противостоять, даже если бы хотел.

Айлет.

Дочь теней. Дитя Яда.

Шум вокруг него стал далеким. Гул от залпов магии, крики умирающих тел и жестоко освобожденных душ едва задевали его. Его мир застыл, был только между ним и ею, его жизнь дрожала на нити связи между их взглядами.

Фендрель предупреждал, что она была опасна. Ведьма. Фендрель говорил ему, что он был околдован. Он отдал все. Орден. Службу Герарду. Свою жизнь. Все ради нее. Все ради ребенка ведьмы.

Террин вдруг яростно улыбнулся.

Захваченный тенью появился справа, огромный Дикий визжал в гневе, магия вырывалась из измученного духа. Террин не отвел взгляда, просто поднял левую ладонь и послал управляемый луч в чудище. Не было времени переживать о душах, вылетающих из этого мира, думать о ревушем Прибежище над ними, пытающемся затянуть в себя все кричащие души. Не было времени думать ни о чем, кроме уверенности в том, что он должен был сделать.

Террин побежал Нисирди следовал за ним, раскрыв крылья, и отряд захваченных тенью, глядя на огромного дракона, разбегался перед ним, чудища отскакивали в стороны. Айлет смотрела, как он приближался, ее глаза становились все шире с каждым его шагом. Ее запястья все еще были скованы железом, и ее лицо было нечитаемой смесью эмоций, которые он не мог назвать. Но она была там. Живая. Стояла над ним.

«Нисирди! — закричал он тени. Дракон тут же ответил магией, потекшей из сердца Террина в правую руку, которую он поднял, направил кулак на утес сверху. На высокую худую фигуру, глядящую на него черными, как ночь, глазами. — Сейчас!».

Террин разжал кулак, и залп света полетел из него. Он летел прямо и быстро, пробил дыру в ее сердце, вылетел насквозь.

* * *

Айлет смотрела на зияющую дыру — почерневшая кожа, пепел, дыра на месте плоти, крови и кости. Ее глаза были ослеплены вспышкой света, и она думала, что видела все неправильно, думала, что это была иллюзия, кошмар.

Подбородок Одиль опустился, она смотрела на ужасную рану в груди. Она медленно подняла взгляд, посмотрела в глаза Айлет. Это было невыносимо. Ей нужно было порвать ту связь, вернуть себе власть. Айлет моргнула, обрывая взгляд.

И в тот миг, когда ее глаза закрылись, она увидела картинки из жизни Одиль. Все те воспоминания, которые она пережила во сне. Она видела дрожащую невесту, глядящую на фигуры в красных капюшонах верхом на лошадях. Она видела рыдающую мать перед грудой пепла. Она видела поразительного монстра среди развалин комнаты совета в Агле, окруженного смертью и разрушениями, корона из эйтра сияла на ее голове.

Она видела свою бабушку.

Она открыла глаза и повернулась к Одиль. К лицу, искаженному потрясением и агонией. Айлет подняла руки в оковах, хотела дотянуться до нее, обнять Одиль. Ее губы стали произносить имя — может, мольбу — но голос застрял в горле.

А потом она ощутила в глубине растущую силу Краван Друк. Нескладный ужас нитей чар сплетался в реальности, играл против законов природы, материи и времени. Обливис кружился, пульсировал магией. Дымящаяся дыра в груди Одиль стала соединяться.

— Айлет!

Голос донесся до нее поверх биения ее сердца в ушах. Она повернулась и посмотрела вниз... и увидела его. Террин бежал к ней. Разъяренные монстры кричали, окружили его, но отпрянули от пульсирующей силы в его руках после того залпа светом. Она смотрела на его лицо, видела там конфликт.

Он знал. Знал, кем она была. Какой она была.

— Айлет! — закричал он снова. Свет сверкал в глубинах его горла. — Сделай это! Сейчас!

Айлет развернулась к Одиль.

Ведьма-королева как-то оставалась на ногах. Ее голова отклонилась, открывая горло, пока она смотрела на небо. Обливис пролетал сквозь рану, обвивал ее ладони, тело, был в глазах, вылетал из открытого рта. Ее волосы развевались за ней черным флагом в живом воздухе.

Что-то двигалось в центре пустого пространства. Кость росла, как ветка дерева, обретала облик. Слои мышц, тонких вен и плоти соединялись магией Краван Друк.

Айлет сделала шаг, подняла руки. Она не могла мешкать. Только в этот миг Одиль была уязвима. Ничто не могло помешать ей исполнить цель, из-за которой она и была жива все эти годы.

Ей нужно было убить последнюю из ее рода.

— Айлет! — снова закричал Террин, словно издалека. Раздался рев, он отбросил чудище на спину. — Айлет, прошу!

Но голос Одиль звучал в ее голове:

«Нам не нужно больше быть одним. Мы ведь нашли друг друга».

Ее душа застыла. Она не могла двигаться, не могла думать.

С губ сорвалось отчаянное слово:

— Богиня...

Она не успела вдохнуть, голова Одиль поднялась. Ее глаза широко открылись. Дыра в груди еще не закрылась полностью, там сплелись нити магии и чаропесня. Ее рот исказила агония, которую она испытывала, хоть и не могла умереть. Борясь с той болью, она подняла руку и указала пальцем.

Обливис вокруг ее ладони стал залпом тьмы. Он пронесся мгновенно по воздуху и пробил сердце Террина.

Айлет издала сдавленный звук. Ее дух содрогнулся, словно ее сердце получило тот удар.

Она видела, как тело Террина застыло. Его глаза расширились, белки стало видно вокруг голубых радужек. Черные вены поползли по его коже, распространялись быстро, обливис пожирал его изнутри.

Он рухнул.

Айлет смотрела на обливис, окруживший павшее тело Террина. Она едва замечала, как чудища в ужасе пятились от него. Она едва замечала, как близко к краю утеса подошла. Она ничего не ощущала, даже печаль, даже удивление. Ничего.

Это было неправдой. Нет. Он уже был мертв, да? Фендрель приказал его убить, и он умер, и она потеряла его, но это было не правдой. Он как-то сбежал, сделает это и в этот раз. Он поднимется, и его дух будет ярко гореть в смертном теле, глаза будут сверкать светом.

Она пыталась потянуться теневым восприятием, уловить его душу. Но Ларанта была подавлена. Айлет не могла ничего ощутить.

Его темно-коричневая кожа стала чернильно-черной, под кожей что-то двигалось.

Он был мертв.

Мертв.

Ее сердце перестало биться. Не важно. Ничто уже не было важно. Только...

Айлет повернулась к Одиль. Жуткой Одиль, Ведьме-королеве. Яду. Врагу.

С диким визгом она бросилась к шее со шрамом, вытянув руки. Было уже поздно, она знала это, но Айлет было все равно. Она бездумно бросилась вперед, вся душа сосредоточилась на том, чтобы сжать ту шею ладонями и...

Обливис поднялся и окружил Одиль защитной стеной. За сверкающими пылинками Айлет видела лицо своей бабушки, бледное и напряженное от боли и гнева. Она видела черные глаза, бездонные ямы тьмы.

— Итак, — ее голос звучал как из Прибежища, — ты перешла бы на сторону эвандерианцев. Моя кровь. Моя Олена.

Ее правая ладонь быстро взлетела. Обливис ударил, обвинил Айлет. Она не успела отскочить, он затвердел, как камень, гибкий камень, из которого не удавалось вырваться, но он живыми плетями привязал ее руки к телу. Айлет подавила дикий вопль, извивалась, брыкалась. Она скалилась так, что кровь и слюна слетали с губ.

Одиль холодно смотрела на нее. Рана на груди зажила, нити чаропесни были плотно стянуты. Она снова пошевелила правой рукой, резким властным жестом подняла ее.

Из обливиса на руках Айлет выросла ветка, поднялась до уровня ее глаз. Оттуда появился длинный шип, тянулся и тянулся. Айлет пыталась отодвинуться, но облидит сковал

ее. Шип прижался к ее виску, кровь струйкой потекла по ее щеке. Если шип надавит сильнее, он пробьет ее череп.

Перед ней стояла Одиль, ее кожа была мертвенно-белой, кроме черной раны на горле.

— Не забывай, дитя мое, — сказала она. — Я дала бы тебе жить. Я дала бы тебе стоять рядом со мной до конца твоих дней. Я любила бы тебя, если бы ты мне позволила.

ГЛАВА 14

Холлис.

Холлис, проснись.

Ты нужна нам.

Ты нужна мне.

Холлис!

Она стояла на развилке глубоко в лабиринте своего разума. Голос доносился эхом из одного из пяти коридоров перед ней, но бился об каменные стены, и она не могла решить, откуда звучал голос. Она медленно повернулась, глядя в каждый темный туннель по очереди.

Холлис!

Прошу!

Стены будто дрожали от этого голоса. Весь мир ее разума дрожал в ответ, земля гудела под ее шатающимися ногами. Она потянулась к тени, надеясь, что ее силы направят ее. Но тень ушла в другой туннель ее разума, была пока вне досягаемости. Она была одна.

Она повернулась к туннелю, медленно развернулась к другому. Она сделала шаг, а потом инстинктивно повернулась и побежала по первому коридору, достаточно быстро, чтобы не сомневаться в своем решении. Эхо становилось все громче с каждым ее шагом.

Холлис!

Холлис!

Холлис!

Вдруг — брешь. Свет. Она вырвалась, и...

Над ней появилось лицо Фендреля, обрамленное длинными грязными прядями его светлых волос. Она смотрела на него, слабо моргая. Она... была в его руках? Ощущение было странно знакомым.

— Холлис? — он был бледным, как смерть, глаза окружали тени. До этого момента она не понимала, как сильно он постарел за эти двадцать лет. — Холлис, ты меня слышишь?

Она кивнула. Ее голос прозвучал с грубым хрипом:

— Да, слышу. Я в порядке, — она попыталась пошевелиться и скривилась. Она нащупала ладонью порез на щеке, кровь еще текла из него. Ее кожаная броня была с брешью на груди, но кожа и кость не пострадали. Она была избита, но не разорвана. Она огляделась, моргая быстрее, пытаясь сосредоточить взгляд. Она была не на поле боя, где пала. Фендрель держал ее в руках, сидя за большим камнем. Наверное, он отнес ее сюда.

Как он добрался до нее? Она помнила толпу монстров, нападающих на нее. Она думала, что ей не выжить.

Воздух был напряженным, странно неподвижным. Даже пылинки обливиса будто застыли.

— Что происходит? — спросила Холлис, посмотрев на Фендреля.

Он посмотрел в ее глаза, и она вдруг пожалела, что спросила.

— Одиль, — сказал он.

Тень упала на душу Холлис. Сжимая руку Фендреля, она поднялась.

— Осторожнее, — предупредил он, но она его не слышала. Она выглянула из-за камня.

И она увидела ее. Одиль. Яд. Парила, спускаясь с утеса, в облаке обливиса. Она все еще была в лохмотьях, но они свисали с нее как королевский наряд. Ее волосы, которые сгорели двадцать лет назад, отросли, густые, темные и блестящие, словно натертые дорогими маслами, и они тянулись за ней шлейфом. Она держалась прямо, вытянула руки по бокам, словно благословляла массы. Она выглядела как королева. Или как богиня, спускающаяся с неба.

Ее захваченные тенью перестали дико атаковать стену и собрались перед ней, извиваясь и пресмыкаясь, когда она проходила. Но Холлис едва видела это. Она смотрела на то, что было за Одиль. Айлет, скованная обливисом, с шипом, прижатым к виску. Она парила за королевой, ее ноги были в паре дюймов над землей. Она была беспомощна.

Холлис зарычала и попыталась броситься из укрытия. Фендрель сжал ее руку и оттащил обратно.

— Не веди себя глупо, — прорычал он ей на ухо.

Холлис яростно посмотрела на него. Что еще им делать? Айлет была единственным шансом убить ведьму. Им нужно было освободить ее! Но хватка Фендреля была крепкой.

Одиль прошла по узкой долине, замерла на миг над чем-то, лежащем на пути. Холлис пригляделась, поняла с ужасом, что это было. Террин. Его тело лежало, вытянувшись, содрогалось при смерти. Его вены выделялись черным под кожей, яд обливиса охватил его тело и душу. Холлис посмотрела на Фендреля снова. От выражения его лица ей пришлось быстро отвести взгляд.

Одиль продолжила, удерживая пленницу на поводке из обливиса. Холлис не видела со своего места лица Айлет. Девушка была еще жива?

Одиль двигалась среди восхищенной толпы, пока не оказалась перед стеной лоз с Айлет. Ее чудища выстроились дугой за ее спиной. Они смотрели на нее с верой, скулили, пускали слюни, прижимались головами к земле.

— Оромор! — закричала громко Одиль, голос звенел над долиной. — Она у меня, Оромор. У меня, и я убью ее, если ты не пропустишь меня.

Стена задрожала. Корни лоз глубоко под землей двигались, мелькали под гнилой почвой. Лозы появлялись тут и там, схватили пару захваченных тенью, утащили их в землю под их крики.

Одиль осталась не тронутой. Она подняла руку. Айлет завизжала. Она была жива!

Холлис тут же вскочила из-за камня. Фендрель поймал ее снова и грубо оттащил.

— Она убьет тебя, — прорычал он. — А потом девчонку. Ты не можешь ее остановить.

Горячие слезы катились по лицу Холлис. Она не пыталась вытереть их.

— Пропусти меня, Оромор, — сказала Одиль. — Вся твоя надежда в ней. Последняя, в ком течет кровь Моваля. Больше нет. Только она и я. Я убью ее, и я доберусь до тебя. Ты не сможешь отгонять меня вечно. Пропусти, и я, возможно, позволю девчонке жить.

Стена дико дрожала, лозы сплелись плотнее, как змеи. Холлис ощущала волны гнева от того огромного разума, который она не осмеливалась трогать снова. Она сжала камень, за которым пряталась, так, что кровь выступила на пальцах.

Лозы резко отпрянули. Появилась брешь, маленькая, но медленно растущая, пока не стала высотой с Одиль.

— Шире, Оромор, — сказала Одиль.

Брешь расширилась от ее приказа.

Это была ловушка. Точно. Лозы поймают ее и раздавят, когда она подойдет, как они делали с ее слугами. Они не смогут убить ее, но замедлят. Они освободят Айлет, и...

— Обманешь меня, и девчонка умрет, — сказала Одиль. Она сжала плечо Айлет и прошла вперед с уверенностью королевы, потащила девушку в оковах за собой. Холлис увидела, что шип у виска Айлет медленно крутился, кровь текла струйкой. Они миновали брешь, и лозы сплелись за ними.

Холлис вскочила и побежала. Она не замечала чудищ, которые отступили к краю долины, смотрели огромными глазами, притихли, их уже не тянуло к стене. Она бросилась на стену, туда, где мгновения назад была брешь. Но там ничего не было. Даже трещины между лозами. Они были твердыми, как камень, не поддавались под ее кулаками, от ее железного шипа. Они не реагировали на ее слезы и мольбы.

Айлет пропала. Погибла. Или почти погибла. И Одиль получит корону. Это было лишь вопросом времени, а его осталось мало.

Холлис отчаялась и всхлипнула, отвернулась от стены и посмотрела на долину, на убитых существ, чьи души давно сбежали или попали в голодное Прибежище. Прибежище снова закрылось, но Холлис ощущала, что граница была тонкой, словно ужасы того мира только ждали момента, чтобы пробить хрупкую вуаль и поглотить их всех.

По краям она видела движения красных капюшонов. Трое... три ее товарища чудом выжили. Кефан был с порезом на лбу, а левая рука венатрикс висела плетью, кость выпирала, где не должна была. Бородатый венатор подошел к сестре по охоте. Холлис отвела взгляд, искала Фендреля.

Она охнула.

Фендрель сидел на коленях у тела Террина. Юный венатор уже не содрогался, лежал как мертвый. Но Фендрель уже разорвал рубашку юноши и раздевался по пояс сам. Она увидела, как он прижал нож к своей груди в шрамах, надавил на кожу у ключиц.

— Фендрель! — закричала она. Он посмотрел на нее, и она подбежала и рухнула на колени рядом с Террином. — Что ты делаешь? — осведомилась она, попыталась забрать у него нож.

Он повернулся, закрывшись от нее.

— Я спасу мальчика.

Она покачала головой.

— Ты не можешь. Тебе... некуда передать проклятие.

— Уже не важно, — Фендрель строго посмотрел в глаза Холлис. — Это не важно, Холлис. И мне нужна твоя помощь.

— Фендрель... — она покачала головой, скрылась на миг за волосами. А потом она подняла взгляд, взяла себя в руки. — Ты привязал свою душу к своей тени. Если ты умрешь...

— Я обречен, — закончил он за нее. — Умру я сегодня, завтра, в следующем году... я обречен, — он сглотнул. Его голос был ровным, лицо — каменным, но она видела страх в его глазах. — Я спасу Террина перед тем, как уйду.

Она покачала головой, слезы лились быстрее.

— Он ушел далеко, — продолжил Фендрель. — Этот удар... это было слишком, и у него есть минуты, а то и меньше. Я отыщу его в его разуме. Он продержится, пока я не уберу обливис. Ты поможешь мне? Соединишь наши разумы?

Она не могла ответить. Она не знала, что сказать. Ее мутило, но болело сердце.

Всхлипнув, она прижала ладонь к его лбу, закрыла глаза и прошла в лабиринт своего

разума и повернулась к темным туннелям.

«Приди ко мне!» — крикнула она.

Ее тень ответила шелестом сотен крыльев.

* * *

Террин бежал по долинам своего разума, брел по высокой траве. Когда он был тут в последний раз, трава была зеленой, полной жизни. Теперь она была сухой, мертвой. Ждала одной искры, чтобы загореться.

Тьма собралась над ним, как тучи. Но это была не буря. Это был обливис, чистый обливис, пробивший его душу. Он порвет Террина.

Он знал, что делать. Тяжело дыша, он гнал себя все быстрее, заставлял ноги делать шаги шире, пока он прыгал через шелестящую траву. Нисирди. Нисирди успешно сжег весь обливис, который он вдохнул до этого, когда Фантомная ведьма попыталась оставить его в Прибежище. Его тень сможет это повторить. Ему просто нужно найти дракона.

Земля под его ногами стонала, двигалась. Стала ломаться. Пейзаж разбивали тонкие трещины, которые становились шире с каждой секундой. Тьма будто лилась из глубин, как поток теней на долины.

Террин остановился, трещина открылась прямо перед ним. Он выругался, повернулся и побежал в другую сторону. Но земля разбилась снова, и он едва смог перепрыгнуть брешь. Он ударился об другую сторону, ноги свисали, руки впивались. Он смог вытащить тело, вскочил на ноги, вдохнул и сделал три шага.

Земля пропала под ним, и он упал.

Он летел все ниже во тьму, которая удушала.

— Нисирди! — закричал он. Но ответа не было.

Он рухнул. Если бы он был в своем смертном теле, он бы сломал все кости. Его разум пытался осознать, что он не был разбит, что его тело было просто проекцией, так что не было ограничено, как смертное. Он лежал какое-то время, боль пронзала конечности и мозг. Но потом боль утихла, осталась только тьма.

А потом... свет. Тусклый белый свет, вдали, но четкий.

Террин уперся руками, поднялся на четвереньки, смог встать на ноги. Он, похоже, был в туннеле. Смутно виднелся камень вокруг него. Не было ничего, кроме далекого сияния, и он пошел туда. Наверное, это был Нисирди. Должен быть. И если он сможет найти своего дракона, его можно было спасти.

«Террин! Террин!».

Он остановился. Голос Герарда звал за ним, чуть справа. Желание обернуться, посмотреть, почти переполнило его.

Но нет. Он не должен был оборачиваться. Он знал, что это было — ловушка, чтобы он не достиг цели. Герард не был тут. Это его разум страдал от яда. Он не смог помочь Герарду, он не сможет помочь никому, если не выберется.

Террин взял себя в руки и пошел дальше. Герард позвал его, голос был печальным.

«Террин! Террин, помоги!».

Каждый шаг прочь от того голоса был агонией. Но он должен был терпеть, если хотел спастись.

А потом его позвал новый голос. Женский, низкий и тихий.

«Террин. Террин, помоги мне. Прошу».

Айлет.

Казалось, она была прямо за ним, ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. Он мог обернуться, обнять ее. Он мог любить ее. Даже если она была просто проекцией, какая разница? Может, настоящая Айлет была потеряна для него навеки. Может, она была не такой, как он думал. Но в его разуме она могла быть такой, какой он хотел, как ему было нужно.

Искушение было там, и она была так близко... но это была только ложь. Ложь, рожденная из обливиса в его крови, в его духе. Он должен был добраться до того света!

Террин поспешил, оставил отчаянный голос позади.

«Террин! Прошу!».

Свет усилился. Он был ближе. Он скоро доберется до тени и будет свободен. Нужно было только еще поднажать, не дать тьме убедить его, не дать обливису повлиять на него. Ему просто нужно...

«Террин».

Он застыл.

Фигура стояла справа от него, он видел краем глаза. Ему нужно было лишь немного повернуть голову, чтобы увидеть знакомое лицо. Серые глаза под строго сдвинутыми бровями.

«Террин. Я тут. Я могу тебе помочь. Не борись, мальчик. Посмотри на меня. Посмотри на меня!».

Еще уловка. Еще искушение. Он не давал этому сбить его с пути.

Белый свет в конце туннеля угасал.

«Террин, не глупи. Ты знаешь меня. Ты знаешь, что я могу спасти тебя. Иди ко мне. Дай мне руку. Я заберу тебя из...».

Террин побежал. Он вложил все силы в то, чтобы оторваться от него, от голоса, который его учили слушаться. Но он знал теперь лучше. Фендрель был лжецом! Он предал Террина, предал Герарда, предал весь Перриньон. Даже если он был настоящим, а не проекцией обливиса в его разуме, Террин не стал бы верить ему.

Он бежал и бежал, глядя на сияющий свет.

Туннель вдруг сменился широкой пещерой. Террин остановился, размахивая руками, пытаясь удержать равновесие. Его ноги оказались на краю обрыва. А внизу, не так далеко...

Он перестал дышать. Его глаза расширились от ужаса.

Внизу был Нисирди в яме черной пылающей смолы. Когда-то красивые белые крылья пытались вырваться, но черная жидкость утяжеляла их, тянула дракона все глубже. Длинная изящная шея тянулась, пытаясь удержать голову над поверхностью. Нисирди смотрел на Террина большими глазами, полными печали и страха.

«Мне так жаль», — сказал он, тьма тянула его все глубже.

ГЛАВА 15

«Террин...».

Это была ее вина.

Если бы она сразу действовала, она могла бы спасти его. Она могла бы спасти всех. Одиль не смогла бы отбиться с большой дырой в груди, пока она ждала, что Краван Друк сработает. Она могла покончить со всем там, даже без помощи Ларанты.

Но она помедлила. Проклятье, она помедлила в нужный миг, как заяц в свете факела охотника.

А теперь Террин...

«Террин...».

Ее разум отказывался завершать мысль. Он мгновение отказывался работать вовсе. Силы вне ее контроля несли ее потоком смерти и разрушения, от которого она не могла сбежать. И Одиль шагала рядом с ней.

Лозы ползли по земле за ними и по бокам. Словно змеи, они двигались с Одиль по Королевской дороге, Айлет все еще удерживал затвердевший обливис, шип из обливиса давил на висок. Зрение Айлет медленно прояснилось, и она начала замечать мир вокруг нее. Она уже шла по этой дороге во снах. Путь был знакомым, но от этого было страннее.

Реальность разрушения была хуже, чем мог передать сон. Во снах она не ощущала вес разбитых камней вокруг нее, их давление на землю. Во снах она замечала лишь немного гнили и разбитой магии, но не было едкого запаха, бьющего по носу. Она не ощущала эхо звуков в пустых улицах и у пустых каналов, шепчущих о давно потерянных жизнях, о разрушенной роскоши. Это было хуже, чем Айлет ожидала, после всего двадцати лет заброшенности. Развалины Дулимуриана выглядели так, словно они гнили тут век, а то и больше.

Несмотря на разруху и гниль, несмотря на разбитый город, Одиль быстро шла вперед. Это был ее город, ее мир, вырезанный кровью, которую она пролила за два века власти, кровью других и своей. Если ее расстраивал вид города, она не подавала виду. Она шла с серьезной уверенностью правящей королевы, облака обливиса поднимались за ней.

Лозы появлялись из зияющих окон разбитых зданий, извивались в воздухе, словно едва сдерживались, чтобы не ударить. Айлет ощущала в них пульс желания впиться в Одиль и порвать ее. Это же желание звучало в ее воющей душе.

Но она ничего не могла. Даже если бы у нее был доступ к силам Ларанты, она не смогла бы выстоять против Одиль и ее тени. А без магии тени Айлет была беспомощна.

Они добрались до разбитого участка дороги, где в земле была большая брешь. Одиль прошла к краю так быстро, что Айлет подумала на миг, что она даже не остановится, рухнет во тьму и утянет Айлет за собой. Но в последний миг она замерла. Айлет, висящая в оковах обливиса, замерла над обрывом, смотрела в неясные глубины.

Одиль тихо зарычала, ругаясь без слов, и посмотрела туда, где за брешью Королевская дорога продолжалась. Движение земли толкнуло ту часть дороги выше, и край торчал на пятьдесят футов в воздух.

Айлет оторвала взгляд от бреши и посмотрела на лицо Одиль, ожидая, что Ведьма-королева призовет больше обливиса и построит для себя мост. Или просто перенесется в облаке обливиса с Айлет на другую сторону.

Но нет. Одиль была ужасно бледной. Хоть она держалась прямо, она не могла скрыть дрожь, бегущую по спине. Тот удар Террина, хоть и не убил ее, лишил ее сил. Чаропесня Краван Друк поддерживала ее, но почти вся магия тени уходила, чтобы оставаться на ногах и поддерживать оковы Айлет. Ей пока не хватало сил пересечь дыру в земле.

Лозы ползли из зданий, по краям дороги, шипели, шелестели телами, трущимися друг о друга. Звучало как смех. Как победа.

Одиль подняла руки. Айлет взлетела выше в воздух, медленно кружась в оковах из обливиса. Она хотела брыкаться, визжать, хотела бороться и усложнить Одиль задачу. Но давление шипа на виске усилилось, и мышцы ее шеи болели от усилий держать голову ровно.

— Видишь ее, Оромор? — сказала Одиль. Ее голос был шелковым, ужасно нежным. — Ты видишь последнюю из рода Моваля? Твою последнюю надежду в этом мире? Я убью ее.

Шип крутился. Айлет завизжала. Она пыталась подавить крик, но звук вырвался из ее горла, не поддаваясь контролю. Лозы кричали в ответ, дрожали, пропали из виду в пустых зданиях.

Айлет, моргая в тумане ужаса и боли, увидела движение в пустом пространстве над брешью. Магия блестела во тьме. Обливис в воздухе затвердел, длинные нити потянулись над пропастью, переплелись, стали твердым облидитом, создали мост, который выглядел как каменный и из растений одновременно. Мост вел под углом к дороге, которая продолжалась на высоте пятидесяти футов.

Одиль удовлетворенно выдохнула и быстро пошла вперед. Она махнула ладонью, потянула за путы обливиса, чтобы Айлет парила в воздухе за ней. Айлет не могла поверить, что Одиль доверяла мосту. Ведьмин лес вполне мог обмануть их, дожидаться, пока они будут над пропастью, а потом убрать мост, сделав его снова обливисом.

Но мост выстоял. Они добрались до земли высоко на другой стороне. Шип из облидита давил на висок, и Айлет смотрела только вперед на развалины города, на ступени под разбитым идолом Одиль. Лозы двигались по бокам дороги, рвали куски облидита от злости. Куски камней падали на землю, сотрясая мир.

Одиль шла дальше, решительно и легко, как танцовщица. Высоко наверху ладонь идола сияла голубым светом. Сущность была там, смотрела на них свысока, посылая тысячи рьяных пальцев.

Почему такое существо желало тело человека? Разве Ведьмин лес не был куда сильнее и опаснее, чем могло быть человеческое тело? Но было что-то отчаянное в шепоте лоз вокруг них. Желание было сосредоточено на Айлет, она поняла это с ужасом. Словно она — или кровь в ее венах — была последней надеждой на спасение.

— У них были раньше облики, — вдруг сказала Одиль. Айлет не могла двигаться, лишь взглянула в сторону. Она могла различить строгий профиль Ведьмы-королевы, ее черные глаза смотрели на идола, на голубой огонь в чаше ладони. Айлет не знала, говорила Одиль с ней или просто рассуждала вслух. — У теней, — продолжила она нежным голосом. — У *илдрик*.

Слово, произнесенное смертным языком, смешивалось с голосом тени и ударило по ушам Айлет грохотом и значением. Ее душа звенела от сложности времени и не-времени, пространства и не-пространства, противоречий идей и вспышек необъяснимого света, которые не мог удержать ее мозг.

— У них были облики, похожие на наши, — сказала Одиль. — Но со временем... нам и не представить, сколько времени прошло... они вознеслись. Они расширили разум, души. Свои песни. Чтобы направлять музыку, они сочиняли, создали великие инструменты, как Песенные камни Морлорна и другие. С помощью тех инструментов они развились еще сильнее.

Один черный глаз, который Айлет было видно, был широким, обрамленным белым. Безумным. Словно Одиль смотрела на безумие и знала, что если она вскоре не моргнет, она будет потеряна. В последний миг она закрыла глаза и повернула голову.

— Я видела многое, — сказала она тихо и мелодично. — Через воспоминания моей тени я проникла в глубины, увидела то, что не могу описать. Я еще многое не знаю, еще больше я никогда не узнаю.

Она снова открыла глаза, сосредоточилась на дороге перед ними, ее лицо было как камень. Она не взглянула ни разу на Айлет, но удерживала хватку на ее оковах.

— Но я знаю это: пришло время, когда тени — илдрир — шагнули дальше своих тел, получили новое существование чистого бестелесного духа. Они верили, что были богами. Они думали, что смогут переделать миры по своему подобию. Они думали... они верили... и когда было слишком поздно... только тогда они поняли, что потеряли...

Ее голос утих. Айлет не могла представить, куда могла привести эта речь. Шип у ее виска пускал капли крови с каждым ударом ее сердца, а разум пытался понять слова Ведьмы-королевы. Одиль говорила, что тени не всегда были тенями? И что они хотели вернуться к телам, какие у них были раньше, вернуться в физические миры, где они раньше обитали?

Потому Сущность ждала их наверху, пристально следила, пока они приближались? Несмотря на величие Ведьминога леса, могучего носителя, который тень создала для себя с помощью атакеры, Сущность все еще хотела получить облик, который был ближе к тому, которым она наслаждалась в давние времена?

Если так, Айлет была еще жива, только потому что Сущность ждала ее, пока ее кровь ду Мовалис была еще теплой и текла по ее венам. Одиль знала, что если убьет Айлет сейчас, Ведьмин лес не пустит ее к короне из эйтра. Он не сможет убить ее, но, судя по тому, какую силу Айлет ощущала в лозах вокруг них, он мог порвать ее. И рвать ее снова и снова. До конца ее существования.

Но Одиль шла в ту западню с уверенностью, потому что удерживала Айлет. Потому что шип целился в ее мозг.

Они добрались до ступеней у основания идола. Подъем был почти отвесным, Айлет пришлось бы забираться с помощью рук и ног, если бы она шла сама. Но обливис Одиль просто поднял ее и нес, ее ноги едва касались ступеней, Одиль парила рядом с ней, вытянув руки, обливис вихрился вокруг ее пальцев. Она смотрела на вершину лестницы.

Ладонь идола тянулась над их головами, ее тень была чернее ночи, но обрамленная голубым светом, ниспадающим лучами магии, как беззвучный водопад. Эйтр был живым. Он не спал и все понимал.

— Ты соврала мне, — вдруг сказала Айлет. Она впервые попыталась заговорить после того, как увидела смерть Террина. Ее голос был хриплым, она едва его узнавала.

Одиль смотрела и дальше на свою цель наверху.

— Ты с самого начала это задумывала, — сказала Айлет. — Использовать меня. Как всех остальных. Я — твоё орудие, чтобы добраться до короны. И все.

Лицо Одиль было неподвижным, она будто не слышала.

— Хоть что-то было реальным? Все, что ты мне показала — мгновения твоей жизни? Это была лишь манипуляция? Чтобы я видела себя в тебе? — она не могла покачать головой. Шип был слишком близко. Кровь катилась по щеке и шее. Ее губы дрожали, голос оборвался. — Олена. Это не мое имя, да? Это лишь история.

На лице Одиль не мелькнуло раскаяние. Не было паузы, мига размышлений. Она была сама как облит, над которым парила.

— Ни прошлого, — прошептала Айлет. — Ни будущего.

Ее кровь кипела. От гнева. Он жажды крови.

Это было все, чем она могла быть. Так было всегда. Богиня или воля других сделали это правдой ее существования. Орудие. Инструмент разрушения. Оружие.

И только один человек видел в ней больше... он смотрел ей в глаза и видел ее настоящую, а не то, кем она могла быть... И он был мертв.

Айлет скрипнула зубами, резко вдохнула носом.

— Только охота, — прорычала она.

Они добрались до вершины лестницы, ступили на широкую платформу. Она была черной и сияющей, как во снах Айлет. Ведьмин лес не стал портить гладкую поверхность. Но идол был другим делом. Ноги были надбиты, и он давно должен был упасть на улицы города вниз. Он накренился под опасным углом.

Но как-то стоял, переча законам природы. Лозы обвивали гладкие конечности, прикрывали наготу женского тела. Ступни, лодыжки и голени рассыпались, но среди лоз Айлет видела зияющую дыру в колене, за которой была лестница.

Одиль бросилась вперед, толкая Айлет дальше в оковах из обливиса. Она замерла у входа на лестницу, протянула руку и сжала неровные края проема. Брешь стала шире, и Айлет потрясенно смотрела, как лестница стала тверже, вела, казалось, бесконечной спиралью в тело идола. Одиль посмотрела в сторону Айлет, махнула ладонью. Ноги Айлет опустились на поверхность. Ее руки были еще скованы, шип остался у головы.

— Поднимайся, — приказала Одиль.

Айлет дышала сквозь зубы. Но разве у нее был выбор? Она не могла заставить Одиль убить ее. Не сейчас. Она еще нужна была Одиль живой. Отказываясь подниматься, она просто теряла небольшую свободу. Так она хотя бы шла своими ногами.

Она стала подниматься по длинной спирали. Выше и выше, в двух ступенях впереди от врага. Стены порой быстро смыкались, но Одиль касалась их, и проем раскрывался. Бока Айлет болели, сломанные ребра мешали дышать, раненая нога ныла. Но она шла, пока не подумала, что дальше уже не сможет... и лестница резко закончилась.

Айлет вышла на плечо статуи, высоко над миром. Пейзаж раскинулся по сторонам — круги улиц Дулимуриана были как рябь, что расходилась от основания идола. Простор Ведьминого леса вокруг города был как океан тьмы, но Айлет видела с этой высоты Водехран. Она почти убедила себя, что увидела блеск четырех белых башен Дюнлока.

Солнце спускалось к горизонту, тяжелое и красное вдаль. Рука идола будто тянулась к нему, мост, не ведущий никуда. Только голубой свет ждал в ладони.

Этот голос шептал рядом с ее подавленным тeneвым восприятием? Песнь, мольба... обещание...

Шип у ее виска чуть повернулся влево. Айлет резко вдохнула.

— Иди, — сказала Одиль.

Айлет ступила на вытянутую руку. Три шага, и ее желудок сжался, все задрожало от страха, приковавшего ее к месту. Рука была достаточно широкой, даже там, где плавно изгибался бицепс. Она не должна была бояться упасть. Но Айлет впервые в жизни ощущала настоящий страх падения. Она пыталась отогнать его. Она ходила во снах и на большей высоте.

Но во снах, хоть они бывали убедительными, она всегда понимала в глубине разума, что все было не настоящим.

Это было настоящим. До боли настоящим.

Айлет двигалась по мосту, шаг за другим. Ветра не было, ничто не трепало ее волосы, не остужало румяные щеки. Мир словно затаил дыхание, готовясь к удару. Она ощущала зияющую пустоту внизу. Один неверный шаг вправо или влево... мелкое движение шипа у ее виска... и она попадет в вечность мучений.

Она сделала шаг и увидела в разуме лицо Холлис. Холлис сидела на низком стуле у

камина, смотрела на ребенка на ее колене, учила ее чистить и смазывать скорпиону, показывала, как чинить порванную тетиву.

Айлет сделала еще шаг и увидела Герарда, каким встретила его впервые, на коленях в руинах старого аббатства рядом с изломанным телом захваченной тенью, держал существо за руку и пел молитвы над останками. Мягкий и храбрый Герард. Золотой принц, каким она мечтала его видеть.

Она сделала еще шаг. В этот раз она видела бледное лицо леди Серины. Серина с ее обрезанными волосами, стояла над Айлет с обломками ночного горшка в руках, ее глаза были огромными от ужаса и смелости. Невеста Герарда, которая станет истинной королевой.

Еще шаг. Теперь перед ней появилось маленькое тельце. Кроха Нилли ду Бушерон выглядывала среди высоких папоротников, смотрела на Айлет со страхом на лице. Страх... и врожденная магия Пророка сияли в ее невинных глазах.

Еще шаг. Она увидела Кефана верхом на его лошади, он смотрел на дорогу.

— Мы не такие, как думаем, — его голос был далеким эхом воспоминания. — Боюсь, в конце мы узнаем, что мы все время были истинными монстрами.

Еще шаг. Еще. И еще.

И она увидела лицо, которое старалась не видеть. Он стоял у основания лестницы в Дюнлоке, глядел на нее. Удивление мелькнуло на лице... а потом другая эмоция, пропавшая еще быстрее. Он быстро скрыл тогда эту эмоцию...

Поздно! Слишком поздно! Она подвела Террина. Подвела Герарда и его невесту. Подвела маленькую Нилли, Холлис и Кефана. Всех.

Ее ноги прошли на изящно вырезанное запястье. Она поднялась по изгибу ладони и посмотрела впервые на корону из эйтра. Не во сне, не в воспоминании. Настоящая корона пульсировала светом. Живая.

Сущность была тьмой в центральном кольце. Айлет не нужно было теневое восприятие, чтобы ощущать ее, ощущать желание тени обнять ее. Если бы Одиль не сковала ее, она захотела бы броситься вперед и схватить корону и ту силу. И не важно, что ее ждало бы потом, она смогла бы остановить Одиль. Исправить свои ошибки.

Одиль подошла к ней. Айлет ощущала отчаяние ее духа.

— Наконец-то, — голос Одиль дрожал от пыла. Она сделала шаг вперед Айлет.

В тот миг фигура отделилась от большого пальца статуи и сделала три быстрых шага. Меч сверкнул в угасающем свете солнца, клинок взлетел.

Одиль повернулась.

Она не успела закричать, не успела поднять и палец в свою защиту, клинок из чистого облитита рассек ее шею. Ее голова слетела с плеч, покатила по ладони идола.

ГЛАВА 16

Охнув, Холлис убрала ладонь ото лба Фендреля, вытянула руку, чтобы не рухнуть. Фендрель выругался и обмяк над телом Террина. Кровь текла из его ран. Порезы на теле Террина были таким же жутким узором, как у Фендреля, и теневое зрение Холлис показывало нити магии Анафемы, соединяющие их, кровь к крови, и пульс обливиса перетекал из тела Террина в Фендреля.

Но юному венатору не стало лучше. Яд заразил его смертное тело и дух...

Холлис видела в стороне Кефана и двух других эвандерианцев, стоящих близко, следящих за существами, захваченными тенями. Но чудища не нападали, смотрели на стену

и город, ждали знака от их королевы.

Земля дрожала, и гул прокатился издалека, словно большое строение рухнуло за стеной. Эвандерианцы пошатнулись, Холлис чуть не упала на лицо. Она уперлась локтем, Фендрель склонился над телом Террина. Вены под его кожей стали черными, толстыми, как веревки. Он уже забрал много яда, но этого было мало.

— Фендрель, — Холлис поднялась на колени. Она попыталась поймать его взгляд. — Фендрель, тебе нужно остановиться. Тебе нужно...

— Нет! — рывкнул Фендрель опасным тоном. — Я нашел его, дотянулся до него. Он все еще живет там. Я должен удержать его. Я еще могу сделать это.

Холлис покачала головой. Ее тень плясала в голове, и она ощущала, как мало власти осталось над ней без восстановленных чаропесен. Тень могла мгновенно порвать оставшееся подавление, и душа Холлис будет в опасности.

— Это слишком опасно, — прошептала она.

На его лице смешались сильная боль и ярость.

— Прощу, Холлис, — пот стекал по его лицу, кровь лилась по телу, и она знала, что он не мог принять еще больше яда, не погубив себя.

Инстинкты сопротивлялись. Просили порвать нити чар, разбить ту связь. Спасти жизнь Фендреля. Но она уже пыталась спасти его раньше, ей не удалось. Она знала, что, когда Фендрель ду Глейв что-то задумывал, никто и ничто не могло его остановить. Это было бы как биться с волнами.

— Прощу, — взмолился Фендрель. — Если бы я просто мог...

Она подняла руку и прижала ладонь к его лбу еще раз. Сила ее тени вспыхнула в их разумах.

* * *

Вонь кипящей смолы била по его носу. Пот лился по лицу, Террин дико озирался в пещере, искал что-нибудь, что могло помочь Нисирди. Но ничего не было. Только твердые стены, по которым стекали ручьи смолы.

Крылья Нисирди хлопали по смоле, пока он пытался вырваться. Это не была смола. Террин знал, что поглощало его тень. Обливис в его душе, залп, пробивший его, был куда сильнее и опаснее обливиса, которым он надыхался за день. Черная жижа плескалась в яме, задевала его сапоги, капли шипели. Больше смолы стекало ручьями по стенам, струилось с низкого потолка. Дракон погрузился глубже, тянул длинную шею как можно дальше.

«Борись, Нисирди, — умолял Террин. — Ярче сияй, сожги все. Я знаю, в тебе есть сила!».

Но Нисирди покачал головой и крикнул:

«Нет, Террин! Не пытайся добраться до меня!».

Террин замер. Он шагнул импульсивно, глупо, с безумной идеей нырнуть к тени, своими руками вытащить ее из смолы. Но это было бы ошибкой. Предупреждение Нисирди привело его в чувство, хотя бы на миг.

«Тебе нужно бежать отсюда, — сказал дракон, погружаясь все глубже. Могучие крылья уже утонули. Только верхние изгибы торчали над кипящей поверхностью, пленка смолы скрывала их сияние. Пятна тьмы покрывали почти всю сияющую шею дракона. Свет сиял участками, опасно мерцая, как факел под дождем. — Тебе нужно бежать. Сейчас».

«Куда мне бежать? — Террин покачал головой. Он рухнул на колени у края ямы. — Тут нет безопасного места. Больше нет. Не без тебя».

Впервые с атаки Одиль он понял, что умрет. Больше шанса выжить не было. Он не спасется чудом. Козыри кончились, это был конец.

Он покачал с горечью головой. Ребенком, юношей он не поверил бы, что его ждала такая судьба — погибнуть в бою с самой Жуткой Одиль. Он вспомнил последние мгновения. Его сердце сжалось, он прижал ладонь к груди. Он понял, что произошло? Он ошибся?

Айлет предала его?

Эта мысль причиняла больше всего боли, даже в этой обжигающей вонючей тьме, пока он смотрел, как сила его тени угасала, как его жизнь увядала. Мысль, что Айлет была заодно с Ведьмой-королевой. Даже скованная железом, она могла одолеть Одиль, пока та стояла с дырой в груди. Но Айлет помедлила.

Она колебалась? Или решила не действовать?

Террин опустил голову. Фендрель был прав. Он дал эмоциям обмануть его. Айлет была его слабостью. Это его погубило.

Большие глаза Нисирди моргнули. Дракон погрузился до челюсти. Остался свет только от сияющих глаз. Когда смола поглотила и их, тьма наступила в разуме Террина. А потом... смерть.

«Прости, Нисирди, — тихо сказал он. — Прости, что дошло до этого. Прости, что у нас не было больше времени, чтобы выполнить твою цель в этом мире».

Странный звон звучал в комнате, гулкой и легкий... и немного пугающий. Террин не сразу понял, что это был смех.

«Что такое время? — пропел Нисирди. Звук был не таким красивым, как раньше, его отчасти приглушала смола, текущая по стенам. Но он все еще был чистым. — У времени нет власти, смертный. Это просто часы, года, века».

Дракон издал бульканье, смола попала в его пасть. Он в последний раз поднял голову выше, на миг его глаза вспыхнули, заполнили комнату пляшущими радужными лучами.

«Я рад, что ты знал мое имя, Террин ду Балафр. Я рад, что мы...».

С бульканьем обливис затопил дракона. Воздух шипел, воняло жженой смолой. В последний миг Террин увидел силуэт головы Нисирди, сияющей под пленкой черной жижи. А потом тьма стала крошечной. Остались только запах, жар и мрак.

Террин сидел на коленях на краю ямы, опустив голову. Он знал, что был еще жив. Он ощущал, что его физическое тело страдало, но еще держалось за жизнь. Оставались лишь мгновения. Без света Нисирди в нем, отбивающего обливис, он не протянет долго.

Смола бурлила в яме, текла по стенам, поднималась к нему, грозила затопить его дух и сварить заживо. Он ощущал, как обливис касался его души. Террин поднял голову, смотрел во тьму, словно мог увидеть небо. Он поднял ладони к лицу, раскрыл в мольбе или принятии — он не знал, что именно это было.

Он прошептал:

— Богиня...

«Террин!».

Света не было. Но зрение Террина как-то прояснилось.

Он повернулся на коленях к туннелю. Кто-то стоял там. Огромный. Его глаза были дикими, волосы спутались. Грудь была голой и в шрамах от множества открытых порезов, откуда текла черная от теневой чумы кровь.

«Террин, — сказал Фендрель. — возьми меня за руку».

ГЛАВА 17

Залп тьмы, как облако пепла, ударил по Айлет, оттолкнул ее. Она рухнула на запястье статуи и проехала к краю. Только безумный импульс инстинкта выживания заставил ее впиться руками и ногами и удержаться. Отполированный камень не давал зацепок, но пальцы правой руки чудом нашли трещину.

Ее ноги свисали над пропастью. Лестницы у основания идола кружили под ней, весь Дулимуриан крутился под ее ошеломленным взглядом. Ее ноги дико брыкались, искали опору в воздухе. Сломанные ребра болели, но она едва ощущала боль из-за взрывов паники в голове.

Воздух вокруг нее был полон обливиса, и чаропесня нескладно гремела — Краван Друк пытался продлить жизнь, которая должна была оборваться.

— Айлет!

Голос был едва различимым из-за чаропесни, бьющей по ушам. Айлет подняла взгляд, моргала от обливиса, падающего на лицо, как песок, жалящего глаза. Как-то над ней появилось лицо.

— Айлет! — Герард бросился на живот на запястье статуи.

Как он мог быть тут? Как? Это была иллюзия, кошмар. Это не могло быть на самом деле. Но это было его красивое лицо в красных жутких ранах от атаки Искажающей ведьмы. Его золотые глаза пылали ужасом и смелостью, смешавшимся в эмоцию без названия. Ни один сон не мог изобразить его в таких деталях.

Он подполз на животе, потянулся к ней.

— Нет, — Айлет давилась своим голосом, но заставляла его звучать из сжавшегося от страха горлом. — Не надо! — ее пальцы пытались удержаться за трещинку в гладком камне. Ее мышцы болели. — Ты упадешь!

Он не слушал. Он подвинулся еще, и она думала, что он потеряет хватку и улетит головой вниз в пропасть. Но, как бы он ни тянулся, он не мог достать ее. И у него не было опоры, чтобы вытащить ее.

— Назад, Герард! — завизжала Айлет. Ее ребра пылали. Она ощущала, как ее хватка ослабевала. Облидит, за который она держалась, трескался. У нее оставались секунды. — Прочь отсюда!

Одиль возродится. Краван Друк сделает это. Она вернется, и тогда она сделает с Герардом то же, что сделала с его отцом. Айлет видела снова сильного короля, лежащего на полу гробницы с дырой в груди. Она не могла допустить повторения, не с Герардом. Он был Золотым принцем. Предательство и разочарование, которые она ощущала до этого, пропали из ее сердца. Если она и верила во что-то, так это в то, что Герард был исполненным обещанием Богини. Он должен был сидеть на троне Перриньона и вести свой народ в новую эпоху покоя и гармонии. Это должно произойти, иначе...

Или ее смерть будет напрасной. Ее смерть, смерти ее братьев и сестер, Террина, их неминуемые мучения. Все потери, вся боль, вечность в Прибежище будут не зря, если Герард выживет.

Он смотрел в ее глаза, читал ее отчаяние. Она смотрела, как он помрачнел, строго сдвинул брови. Он выдавил то, что она не услышала, может, выругался, а потом пропал из виду, отполз назад.

Айлет всхлипнула с надеждой и отчаянием. Он понял? Он понял, что она не могла выразить, потому что не хватало слов и дыхания? Он убежал по руке статуи?

Она скользила. Она смогла найти трещину левой ладонью, но не удержалась. Только

правая ладонь еще держалась. В миг отчаяния она закричала в душе:

«Ларанта!» — крик пробежал по духовной связи, проник за барьер из яда железа, дотянулся до ее тени, сжавшейся от боли.

Ларанта тут же ответила. Она бросилась на стену железа. Айлет ощутила агонию духа тени. Но она отдавала все, что могла. Она направляла магию по духовной связи, предлагала все оставшиеся силы. Этого было мало. Но пока что...

Айлет стиснула зубы, оттянула левую ладонь так далеко, как только позволяла цепочка, а потом вонзила ее пальцами в камень с силой, чтобы отбить кусочек, создав выемку для ладони. Железная цепочка между ладонями зазвенела.

Ларанта вливала в нее больше сил, боролась с подавлением. Айлет потянулась в свой разум, в свою душу, пыталась ухватиться за силу, дрожала от воя агонии Ларанты в ее голове.

«Давай, Ларанта! — умоляла она. — Еще немного!».

Она подняла правую ладонь, насколько позволяла цепочка, снова вонзила пальцы в камень. Этого было мало, но это было что-то.

Она пыталась подтянуть ноги. Но, хоть пальцы ног цеплялись за нижнюю часть запястья, она не могла зацепиться и оттолкнуться.

Вой Ларанты оборвался. Духовная связь дрожала от ее боли. Железо отгоняло ее.

«Ларанта! Ларанта, прошу!».

«Госпожа, — голос донесся до нее утихающим шепотом. — Госпожа...».

— Айлет!

Она подняла голову. Герард снова был над ней, его лицо было бледным среди обливса в воздухе.

— Держись! — закричал он. Она увидела, что он протягивал что-то к ее рукам. Она не сразу поняла, что это была рукоять меча. Его ладони, обмотанные обрывками его рубашки, сжимали клинок с яростной решимостью.

Она смотрела на его лицо. Кровь капала с его красивых черт, текла из открытых ран. Его глаза сверкали, он стиснул зубы, скалясь. Он не мог удержать клинок. Он не мог поднять ее. И все же...

Айлет бросилась к рукояти, игнорируя агонию в грудной клетке. Она ожидала, что Герард не удержит меч, и она упадет. Его лицо исказилось, но он держал крепко. Она сжала рукоять и из последних сил Ларанты подтянулась к изгибу запястья, нашла еще трещины, а потом смогла упереться и ногами. Герард схватил ее за рубашку на спине и подтянул к себе. Она рухнула на лицо, тяжело дыша.

Ее разум еще не осознал, что она выжила, а Герард схватил ее за плечо. Его ладони, в ткани и крови, грубо подняли ее и повернули лицом к нему.

— Убей ее, Айлет, — выдохнул он. Его голос не было слышно из-за грохота Краван Друк в воздухе. Но ей не нужно было слышать его, чтобы понять. Она видела его напряжение. — Убей ее сейчас.

Он толкнул меч в ее руки. Его клинок и рукоять были черными и сияли. Облидит. Но не было времени гадать, откуда Герард взял это оружие. Она встала на ноги и быстро вдохнула.

Она взбежала по изгибу ладони. Нести меч было неудобно с оковами, но она справлялась, поправила хватку, когда добралась до вершины изгиба и посмотрела на впадину ладони, сложенной чашей.

Тело Одиль лежало в луже черной текущей крови. Но кровь текла не в ту сторону, лилась по камню в рану на шее. Нити обливса тянулись из плеч, схватили голову и

потянули ее. Длинные, пропитанные кровью волосы тянулись по камню за ней.

Айлет смотрела на лицо, искаженное болью. На миг она застыла, потрясенная видом. Рот был широко раскрыт, язык вывалился, распухший и лиловый. Глаза закатились, было видно только белки. Краван Друк гремела вокруг них, поддерживая жизнь, которая не должна была продолжаться.

Веки моргнули. Глаза сосредоточились. Посмотрели на Айлет. Они были полны сознания.

Айлет ощутила вспышку ужаса. Она встрепенулась и пошла по ладони, высоко поднимая меч высоко при этом. Она сжала рукоять, клинок был направлен вниз, удар должен был пронзить сердце безголовой женщины. Дикий рев вырвался из ее рта, она опустила меч.

Но, когда меч вонзился, облидит растаял. Облако черных пылинок полетело в глаза Айлет, ее скованные ладони сжимали пустой воздух. Одиль — кровь еще текла из ее шеи, ее горло было массой черных нитей магии — посмотрела на Айлет. Ее губы скривились, язык извивался между губ.

Айлет без оружия напала на нее, согнув пальцы, готовая хватать, рвать и ломать. Но она не успела ухватиться, Одиль взмахнула ладонью, залп обливиса взорвался у лица Айлет. Залп был не таким сильным, как прошлый, тут магия не была сосредоточена. Но это оттолкнуло Айлет к одной из колонн-пальцев.

Она ударилась и рухнула на землю, мгновение она была оглушена и не могла поднять голову.

Одиль поднялась на ноги. Обливис окружал ее густым облаком. Она пошатнулась, чуть не упала, но устояла. Ее голова странно покачнулась, нити чар Краван Друк усилились. Ее глаза крутились, а потом посмотрели на Айлет взглядом, какой мог убить. Ненависть бушевала в том взгляде, смешанная с ужасом. И тоска. И любовь.

Одиль подняла обе руки. Ее глаза наполнила тьма ее духа, жуткие эмоции воевали внутри нее.

— Мне жаль, Олена, — сказала она.

Обливис вырвался из ее рук двумя неровными копьями. Но они полетели широко, одно врезалось справа от Айлет, другое пронеслось над ее плечом и попало по пальцу статуи за ней. Колонна разрушилась от этого удара. Айлет пригнулась, закрыв голову руками, но поднялась почти сразу же, посмотрела на пылинки и туман магии, стараясь понять, что заставило Одиль промазать, уже догадываясь, что увидит.

Герард. Он был без оружия, бросился телом на Одиль, обвил ее руками, прижал руки к ее бокам. У него не было магии, тени, почти не было смертной силы, ведь он вдохнул много обливиса. У него было немного сил, но он тянул Одиль к краю ладони.

Что он делал? Он пытался столкнуть ее, унести с собой в пропасть? Он знал, что даже такое падение не убьет ее. Но это могло спасти Айлет, дать ей шанс убить Одиль позже.

— Герард, нет! — закричала Айлет.

Одиль прорычала ругательство. А потом широко открыла рот, неестественно широко, и обливис полился из ее горла изогнутым щупальцем, потянулся за ее голову и обвил горло Герарда. Еще приказ, и он затвердел и потащил Герарда от Одиль. Он пытался бороться, но не мог, тьма обвила его змеей.

Одиль сделала два шага вперед, повернулась к напавшему. Она выпрямилась, как королева, и ее волосы развевались за ней в буре обливиса.

— Я знаю твое лицо, — сказала она бархатным голосом, полным яда. — Ты — сын своего отца. Вот как! Избранный король нашел способ докучать мне даже после смерти.

Она шагнула вперед, ступала робко, голова еще плохо держалась на шее. Она протянула руку, коснулась Герарда, от этого он вздрогнул. Она погладила его скулу. Ее ноготь оставил свежий порез рядом с другими.

— Скажи, маленький принц, что ты сделал с моим лейтенантом? Что ты сделал с моей милой Инрен? Ты убил ее, как твой отец поступил со многими моими верными слугами?

Герард не мог ответить. Его рот открылся, но только в отчаянном вдохе. Обливис поднял его. Он был беспомощен. Одиль резко взмахнула рукой, и обливис свесил его между указательным и большим пальцами, Герард замер над городом далеко внизу.

— Дар Богини из пророчества, пришедший в мир смертных, — отметила Одиль, глядя, как Герард брыкался, как обреченный в петле виселицы. Она сверкнула улыбкой. Когда она снова заговорила, кровь и слюна летели изо рта. — Дары вашей Богини ужасны.

Айлет смотрела, застыв, ее тело было как лес из обливиса. Время замедлилось, каждый удар сердца пронзал ее грудь.

Один удар, глаза Герарда расширились, он понял, что обречен.

Второй удар... она ощутила, что что-то звало ее. Пульс магии, силы.

На третий удар она повернулась, посмотрела не своими глазами, а своим духом во тьму Сущности, поднявшейся в центре короны из эйтра. Она видела жуткую силу, привязанную к материальному миру живым металлом, который она захватила.

Сущность смотрела на нее. Манила.

Оромор шептала ей на ухо: *«Сейчас, сейчас, сейчас»*.

Ее сердце ударило в четвертый раз.

Одиль махнула рукой. Обливис на горле Герарда пропал. Айлет бросилась вперед, оттолкнулась ногами, поехала на животе по гладкой ладони. Крик Герарда бил ее по ушам, пропал вдали.

Она схватила корону обеими руками. Она не замечала, как металл обжигал ее кожу. Она не заметила шок, ударивший по костям, по нервам, взорвавшийся в голове. Она заметила только, как просто было поднять огромную корону из тяжелого металла и опустить на свою голову.

ГЛАВА 18

Это было иллюзией. Отчаянной иллюзией разума, сходящего с ума, борясь с приближением смерти к физическому телу. Но только это он видел в обжигающей тьме. И он хотел отвести взгляд, но не мог.

Фендрель сделал шаг ближе. Это заставило Террина опомниться. Фендрель был его врагом. Он встал и попятился.

«Стой!» — рявкнул Фендрель.

Террин ощутил край ямы под пятками. Еще шаг, и он упадет, присоединится к Нисирди в кипящей тьме. Смола поднималась, ниспадала ручьями с потолка. Вскоре будет не важно, устоял он или упал.

Но Фендрель умолял взглядом. Он протянул дрожащую руку, по которой текла почерневшая кровь. Больше крови полилось из порезов на его теле, Террин узнал порезы из ритуала, которым Фендрель очишал Айлет.

«Ч-что ты делаешь?» — осведомился Террин.

«А как это выглядит? — прорычал Фендрель. — Спасая твой неблагодарный зад, — он

сделал еще шаг, в этот раз с опаской. Его лицо было бледным от потери крови, его голая кожа была белой под потоками почерневшей крови. — Иди ко мне. Возьми меня за руку. Я могу вытащить тебя отсюда».

Террин покачал головой.

«Ты хочешь моей смерти. Смерти. Я знаю тебя хорошо, Фендрель. Я не буду тебя слушать».

Фендрель сглотнул. Он не говорил, но его протянутая рука не дрогнула.

«Ты приказал убить меня, — сказал Террин. — Ты смотрел мне в глаза и объявил меня недостойным. Не достойным Ордена. Богини, — он скрипнул зубами. — Не достойным тебя, — воздух был таким горячим, что на его коже появились волдыри, он ощущал себя как мясо над костром. Он дрожал, задыхался. Слезы катились по щекам и испарялись.

Но он не мог отвести взгляда от того мрачного лица. Тому лицу он доверял больше всех. Его наставник учил его жизни в Ордене. Он спас его из обломков Кро Улара. Мужчина взял его под свое крыло, дал ему убежище, цель и все, чем он был.

Его убийца.

«Я видел всю твою ложь, — рявкнул Террин. Пар от горящей смолы был занавесом между ними, но Фендрель прошел сквозь него, словно пара там не было, сокращая расстояние между ними. Террин чуть отодвинулся. Его губы приоткрылись в гримасе боли. — Мы — не слуги Богини. Мы преследовали и убивали Ее творения. Мы вели себя так из страха. Страх Эвандера. Этот страх заставляет всех людей подавлять, а не питать и освобождать. Это страх, не вера, делает нас такими, искажает и превращает в монстров, которые хуже тех, на кого мы охотимся».

Он заметил эмоции в тех стальных глазах? Дрожь пробежала по протянутой руке?

Тьма смыкалась, жар вызвал стон боли у Террина. Но давление последних слов поднялось из него, будто рвота.

«Я не буду твоим преемником, Фендрель, — сказал он. — Я никогда не стану таким, как ты хочешь».

Тишина миг горела между ними, наполненная рябью горячего воздуха. Перед глазами Террина темнело. Он опустился на колени. Но не сводил взгляда с лица Фендреля. Не сейчас, не в самом конце.

Лицо Фендреля вдруг дрогнуло, голова резко повернулась. Кровь полилась сильнее, текла быстро, как смола по стенам. Он поднял голову, глаза сверкнули.

«Тут ты ошибаешься», — сказал он.

Террин был недостаточно быстрым. Он пытался повернуться и броситься в яму, но тело не слушалось. Может, отчаяние замедляло рефлексy. Может, потеря Нисирди сильно его ослабила. Может, он просто никогда не был таким быстрым и сильным, как наставник.

Смола падала с потолка обжигающей тьмой, Фендрель обвил руками Террина, закрывая его своим окровавленным телом. Чистый жар охватил все его чувства, воняло горелой плотью. А потом голос сказал на ухо Террину:

«Что бы ты ни делал... куда бы ни пошел... ты всегда будешь моим сыном».

Крик Фендреля взорвался в голове Террина.

* * *

Нити Анафемы взорвались магией, сбили Холлис на спину. Она миг смотрела на головокружительно далекое небо. Настоящее небо. Среди обливса. И там мерцали точки света. Она не помнила, как они звались.

«О, да, звезды...», — вяло подумала она.

Но не было времени любоваться. Она повернулась и приподнялась на локтях.

— Фендрель? — ее сердце дико билось в горле. Ее тень отступила, боясь взрыва магии, оставив Холлис только смертное зрение. Мир был темным, и она пыталась что-нибудь различить. Ее глаза медленно привыкали. — Фендрель! — она поднялась на четвереньки и перебралась через Террина, чтобы дотянуться до фигуры рядом с ним. Она прижала ладонь к груди Фендреля, его почерневшая кровь пылала под ее ладонью. — Нет, нет, нет, — скулила она, притянула его голову себе на колени. Он уже умер? Его дух уже вырвался из тела.

«Ко мне! Ко мне!» — завизжала она тени в ее душе. Но та не ответила.

Она смотрела на то лицо, которое знала лучше своего, хотя едва видела его за двадцать лет. Его было сложно узнать. Почерневшие вены выпирали под кожей, открытые глаза пусто глядели на небо, черные, без белков. Не было ни следа от серых глаз, которые когда-то пленили ее сердце.

Руки Холлис дрожали так сильно, что она едва могла держать его. Но она держала, прижималась головой к его груди, раскачиваясь. В тот миг он был не тем мужчиной, которого она знала. Он не был венатором-доминусом, легендой Ведьминых войн. Не был лжецом. В последний миг он был просто Фендрелем. Юношей, которого она любила. Которого она потеряла не от монстра, а от его поступков. Он всем сердцем бросился к своей гибели.

Холлис скрипнула зубами, вытерла мокрые от пота волосы с его лба. А потом закрыла глаза, склонилась и поцеловала опухшие черные губы. Она ощутила вкус обливиса. И смерти.

Взрыв света и звука вспыхнул вдруг во тьме за ее веками. Она открыла глаза, но видела только яркий свет, а в этом свете бились с силой красивые крылья. Не множество крыльев ее тени. Нет... эти крылья были больше, с них слетали ослепительные вспышки, когда они двигались. И с каждой вспышкой еще нота дикой песни звенела в ее ушах. Холлис пыталась закрыть глаза, но не могла. Ее смертные глаза были уже закрыты, и ее дух не мог не видеть силу перед ней. Она смотрела, раскрыв рот от потрясения, а крылья поднялись в воздух, несли тело к красному разрезу в реальности.

Прибежище открывалось.

Хаотичная тишина того мира столкнулась с яркой песней света, и это чуть не оглушило Холлис. Она сильнее сжала пустое тело Фендреля, зная, что никак уже не могла его спасти. Духи появились над ней, их связи были разорваны. Она узнала их сразу — жуткая Анафема со множеством конечностей, которая была с Фендрелем много лет, и золотая сфера души в ее когтях... Фендрель. Она узнала бы его всюду.

— Прощу, — прошептала она. — Прощу, Богиня...

Крылатое существо, создание света устремилось к вратам ада, к тем душам, которых притягивало к Прибежищу. Врата закрывались, как рот в довольной улыбке. Крылатое создание ударило крыльями еще раз, и ослепительная вспышка заставила Холлис закричать и опустить голову, прижаться лицом к безжизненной щеке Фендреля. Какофония музыки и жуткая тишина в ее голове оглушали дух.

И все замерло.

Холлис открыла глаза, смертные глаза. Темные точки и яркие пятна плясали перед глазами, но не могли скрыть мертвое лицо Фендреля на ее коленях. Она судорожно вдохнула, три слезы покатались по ее щекам, упали на его лицу и стекли в бороду. Еще вдох, и она подняла голову.

Террин поймал ее взгляд.

Он сидел на коленях перед ней, держал Фендреля за руку, слезы текли по его щекам. Его тело было в крови от длинных неглубоких порезов после очищения от обливиса. Но кровь на его груди и животе была красной, чистой. В его глазах сиял свет, такой же, какой она видела в небе сверху, вспыхнувший у открытого Прибежища. Та же песня мерцала магией. Тот свет и песня были его тенью, которая не была подавлена. И он использовал ту силу в последней попытке спасти душу Фендреля от Прибежища.

Холлис хотела говорить, но слов не было. Она не могла задать вопрос, который хотела. «Твоя тень смогла? Ты забрал его? Ты спас его?».

Террин смотрел ей в глаза, но она не могла понять выражение его лица.

— Террин! Ты в порядке? — венатор Кефан подошел, протянул руку. Террин сжал его ладонь, и венатор поднял его на ноги. Он пошатнулся, казалось, что он упадет, но он устоял на ногах. Другие эвандерианцы приблизились с тревогой. Фендрель приказал убить Террина прошлой ночью. Теперь он стоял над мертвым телом их доминуса, и они не знали, что думать.

Но Кефан стоял рядом с Террином, будто защищал его.

— Я думал, ты погиб, — он посмотрел на кровь на груди Террина, на Фендреля на земле. — Он... похоже, в конце он...

Кефан не смог закончить, порыв силы пронесся по земле. Волна магии была такой сильной, что видели даже смертные глаза. Террин и эвандерианцы упали на землю, волна магии сбила Холлис, вырвала Фендреля из ее рук, тело откатилось на пару ярдов.

Армия Одиль завизжала. Они побежали от магии в темные тени Ведьминого леса. Холлис поднялась и посмотрела в сторону взрыва.

— Проклятье! — выдохнула она.

Стена лоз пропала. Просто пропала.

Ничто не мешало пройти, ничто не мешало видеть развалины города. Ничто не мешало смотреть на разбитую улицу, центр города, где на монолите стояла сломанная статуя, ладонь в воздухе пылала красным светом, словно поймала солнце, спускающееся за горизонт.

— Айлет, — Холлис вскочила на ноги. — Айлет!

Вспышка движения, сияние крыльев. Холлис повернулась и увидела, как Террин побежал к идолу. Она почти видела белого сияющего дракона, летящего за ним.

ГЛАВА 19

Время пропало. Или его и не было.

Айлет застыла на месте. Тьмы не было, ведь для нее нужно было отсутствие света, а света тоже не было. Где-то далеко что-то горело. Ее голова. Ее кожа, ее волосы. Металл впился в ее череп, сила прожигала его, загорались ветви магии. Она ощущала это, ее рот открылся, горло сдавило, легкие сотрясались. Она кричала от боли.

Но это было не важно. Не тут.

Тут была только тишина. Пустота. Без формы, кроме ее личности, застрявшей в центре пустоты. Она была всем, что существовало, одинокой вселенной.

А потом... чувство. Не ее.

Сущность.

Радость.

Вспышка жизни и звука ударила по ее ощущениям. Айлет пыталась поднять руки, закрыть глаза, подавить это. Но у нее не было ту ни ладоней, ни глаз, она не могла

остановить это. Радость гремела в ней, обвивала ее душу. Она ощущала, как черные нити впились в ее зрение, открыли его шире, заставили ее видеть глубже. Во тьме духа и чужом существовании. Воспоминания...

Она видела живой мир под новым белым солнцем, мир мерцал и сиял, его реки были полны эйтра, горы были высокими, синими и живыми. Она видела, как большие города росли, поднимались из земли из кристаллов и льда. Они дрожали музыкой, чаропеснями, которые были сложнее и красивее, опаснее тех мелодий, которые она играла на своих костяных флейтах.

Проходили века. Города поднимались, двигались по миру, как звезды в небе, поднимались в атмосфере, парили свободно во тьме ночи. Существа летали между ними, существа из материи, мерцающие души содержались телах-клетках. Они путешествовали по воздуху и пространству в повозках, которые Айлет не могла описать. Они были из огня, магии и живого эйтра. Существа, которые ехали в них, управляли ими, были потрясающими.

Она попыталась говорить. У нее не было рта, но она пыталась выдавить слово, которое едва мог озвучить ее смертный язык. Илдрир.

Она моргнула...

...и больше веков прошло. Города падали, сияющие башни рушились в шарах огня с неба, ударяли по земле, посылали волны разрушений. Реки эйтра лились из трещин, проникали в глубины мира, пропадали в жаре его ядра. Духи носились по воздуху, крича свои чаропесни, во тьме сверкали разные краски теней.

Айлет ощущала печаль. Гнев. Отчаяние. Не свои, но они текли в ней, настоящие, как кровь в ее венах. Прибежище широко открылось. Не маленькой трещиной, как она видела много раз. Нет. Среди хаоса распахнулась зияющая пасть, словно хотела проглотить весь мир. Айлет ощущала, как ее тянуло. Она закричала, билась, но это было не ее воспоминание, и она не могла отбиться. Темная душа вокруг нее неумолимо тянула ее с собой в вечность мучений.

Тут не было личности. Только давление. Только ужас на ужасе без времени или надежды на конец. Обливис окружал ее, но она не могла им управлять, не могла заставить его слушаться, и у нее не было желаний или цели. Она была отрезана. Отрезана от самой Песни жизни, которая звучала в ее духе с момента начала ее существования, хоть она никогда не понимала этого.

Тут не было великой Песни.

Что это было?

Что-то стало реальным, стало видимым. Трещина в вечности, полоска света. Но ее сущность вдруг стала вспышкой отчаянного желания. Она бросилась к бреши, вывалилась в существование времени, где не было ничего вечного, ни любовь, ни потеря, ни ужас, ни надежда. Мир постоянных перемен.

Но не такой мир она оставила, когда Прибежище забрало ее душу. Это был маленький ограниченный. Мир эйтра, живой, но ограниченный. Разум тут отличался от ее, воспоминания были слишком странными. Неподвижное тело-носитель, в котором обитала душа, но не жила по-настоящему.

Она бросилась к границам носителя, искала выход. Радость побега из Прибежища угасала в свете этого нового плена. Кто-то притянул ее сюда и пленил. Зачем?

В эйтре появился красный пульс. Что-то смертное среди бессмертного голубого сияния. Появился разум, будто из ниоткуда. Смертный разум с мыслями, воспоминаниями,

желаниями и страхами. Разум все еще был ограниченным, но был ближе к тому, что она знала века назад. Она полилась в тот разум, радуясь, что могла вернуть власть. Она смотрела через смертные глаза на мир материи, не такой роскошный, как мир с эйтром, который она знала, но все еще восхищающийся возможностями. Мир, готовый для завоевания.

Она начала тянуться силой из оков короны, чтобы завладеть смертным разумом, но другой дух встретил ее.

«Оромор», — сказал знакомый голос.

«Иримир», — ответила она. Но говорил не ее голос. Это была Темная, захватившая ее.

Без слов духи устремились друг к другу в схватке силы, воли, магии и песни. Ужасное сражение длилось сотни лет и один миг. Но в конце она, Оромор, пала от силы ее сестры. Она стала подчиненной.

Больше видений пронеслось перед ее глазами, все быстрее, было сложно понять их. Айлет смотрела, как поднимались и рушились империи, смертные империи этого времени, смертные города из легенд и историй. Некоторые она узнавала из того, чем ее учили в детстве. Многие она не знала. Не важно. Она уже не была Айлет. Она была Оромор. Она жила и пульсировала как Оромор.

Присутствие Иримир отступило, оставив пустоту и одиночество, что приятно радовало. Она ощущала, как корона из эйтра передавалась от головы к голове. Некоторые разумы ей удавалось захватить, но многие умирали, погибали слишком быстро, чтобы их использовать. Без правильной крови они угасали, как свечи, порой за дни, порой за секунды.

Айлет переживала раздражение Оромор, пока она пыталась действовать из ограничений темницы из эйтра. Она ощущала такую древнюю и мощную силу. Она кружилась сквозь века тьмы, видела вспышки силы, но тьмы было больше.

И она ощутила момент, когда Одиль взяла корону. Радость и агония Оромора были как ее, когда тень узнала кровь, которая позволит этому смертному носителю выжить, но там была и поработочающая мощь Иримир. И века службы начались снова.

Когда ударила атакара, это было как дар молнии. Айлет пережила тот миг, ее душа радовалась силе в ней, силе, которая могла подавить ее поработителей, вернуть ей власть. Но когда все, чего она хотела, все, чего хотела Оромор, оказалось близко...

Одиль сорвала корону с головы.

Но сила атакары осталась в ней. Она должна была направить ее, использовать, найти способ подчинить ее. Она боролась в оковах эйтра, но без толку. Если она сбежит из носителя, ее ждало только Прибежище. Нет, она должна была как-то повлиять на мир через своего носителя.

Она потянулась в Прибежище и направила обливис в смертный мир. Волны тьмы пронеслись между реальностями, и вырос Ведьмин лес, покрыл пейзаж. Айлет-Оромор растянулась по сети паразитирующих лоз, по измученным деревьям, поднялась, чтобы поглотить весь этот мир.

Но ее волю всегда сбивали. Реки святой воды, тронутые источником света, на который она не могла влиять, ограничили ее со всех сторон, кроме одной. Но с той стороны, где она могла бы излить весь свой гнев и всю мощь, был барьер — чары были слишком сильными, чтобы даже последнее эхо атакары в ее душе смогло их пробить.

Отчаяние. Ограничения. Раздражение и гнев. Смертные слова не могли описать бурю эмоций в ней, готовую порвать ее сознание. Смертные слова могли описывать только смертные эмоции. Тут они не подходили. Ее разум вот-вот мог разбиться.

Айлет завизжала.

С тем криком дух в ней чуть отступил, и Айлет нашла место для своего разума. Она стала осознавать время, настоящее, поняла, что все, что она испытала, произошло в ее голове за один вдох. Она попыталась посмотреть на Оромор, на огромную Сущность в ее голове, но она была слишком большой и сильной, чтобы ее разум мог дать ей облик. Она просто не умещалась. Но она ощущала ужасную личность.

И та будто улыбалась.

Айлет чувствовала свое смертное тело, все еще сжимающееся на ладони из облитита. Ее ладони в оковах были на короне, сжимали ее, надетую на голову. Ей нужно было снять ее. Сейчас. Пока она еще управляла своей волей.

«Протяни руку».

Значение было в ее голове без слов. Ее разум дрожал от попыток понять.

«Протяни руку, смертная. Посмотри, что я могу тебе дать».

Еще миг. Айлет успела моргнуть.

Она вернулась в настоящее, стояла на коленях на облитите, смотрела на ладонь, где Одиль поворачивалась к ней, изо рта еще вылетал вопль «Нет!». Ее ладонь поднялась, сила собиралась для атаки.

Айлет видела пустоту за Одиль, где миг назад висел Герард.

Она вытянула правую руку, едва осознавая, приняла ли это решение. Она едва заметила, когда движение разбило цепи из железа, сковывающие ее все время. Они упали со звоном на землю, и влияние железа пропало. Она едва заметила, когда Ларанта отреагировала в ней, поднялась Дикой магией.

Тьма лилась из ее пальцев, обливис собрался длинным щупальцем. Она ощущала, как его влекло к ее воле, как он слетался к ней, а потом вырвался из ее ладони, устремился мимо Одиль. Он был как ее рука, тянулся дальше. Она ощутила порыв ветра, обливис несся против времени и притяжения.

Она не видела его, но ощущала Герарда внизу, он кубарем летел к городу далеко внизу.

Она не видела, но ощущала, когда поймала его обливисом.

Дыхание вылетело из его легких, но она была нежной. Она управляла, даже лучше, чем должна была, далекая часть ее разума протестовала. Она подняла его на ладонь идола между указательным и большим пальцами.

Айлет моргнула, оказалась в своей голове. Ее кожа горела, она ощущала боль, но это было не важно. Она смотрела на Одиль, стоящую напротив нее, буря обливиса была вокруг ее кулака. Одиль не двигалась, Айлет опустила Герарда на платформы за ней, а потом встала между ним и Ведьмой-королевой, как медведица, защищающая свое дитя.

Одиль не двигалась. Ее лицо побелело от страха. Она смотрела на Айлет, на корону на ее голове.

— Олена, — сказала она. — Олена, я должна верить, что ты еще там. Я должна верить, что ты меня слышишь.

Айлет напряглась, подняла обе ладони. Обливис собрался по ее приказу. Это было так просто. Так естественно. Словно она родилась с этой силой. Это было в ее крови ди Мовалис, ее по праву рождения.

— Олена! — лицо Одиль исказилось в мольбе. — Сними корону. Сейчас. Пока еще можешь.

— Зачем, бабушка? Чтобы ты могла убить меня?

— Лучше умереть, чем потерять душу из-за этого беса, — Одиль сделала шаг, не опуская руки, обливис становился сильнее вокруг нее, готовый взорваться. Но она сдержала атаку на миг. — Оромор поглотит тебя. Ты потеряешь все от ее воли.

— Все? — Айлет рассмеялась, пустой звук разнесся эхом в груди, где должно было биться сейчас. — Я уже все потеряла.

Она видела лицо Террина, когда его пронзил обливис. Видела лицо Холлис, когда та призналась во лжи. Видела лицо Фендрея, когда он сковал ее в железные рукавицы. Красные капюшоны приговорили ее к смерти и выгнали из их Ордена.

Глубоко внутри нее, за мощью Оромора, показалось, что прозвучал вопль: «Госпожа! Госпожа, погоди!».

Но она тряхнула головой и посмотрела на Одиль, хмурясь под пылающей короной.

— Но я могу убедиться, что ты проиграешь, — сказала она.

Они ударили одновременно.

Залпы обливиса столкнулись с грохотом, который должен был оттолкнуть Айлет. Но она напряглась и устояла. Она ощущала силу Оромор в ее физическом теле, такое она еще не испытывала. Дикая магия, которую она знала всю жизнь, не могла сравниться с этим. Но Одиль могла с ней сравниться. Даже превзойти, Айлет ощущала это. Тень Одиль была сильнее, хоть и ненамного. И тут не было чаропесни атакары, которая могла усилить Оромор.

Но тело Одиль ослабело, его удерживал целым только Краван Друк. Айлет была юной и сильной.

Ладонь идола дрожала от столкновения обливиса. Оставшиеся пальцы дрожали, вся рука грозила отломиться. Одиль и Айлет попятнулись, убирая свои силы. Одиль нервничала. Айлет заметила это. Наверное, она боялась умереть в падении. Если Айлет устроит падение эта смерть разобьет Краван Друк.

— Ты боишься, бабушка, — сказала она. Она верила, Она верила, что это говорил ее голос, но она не была уверена. — Как давно ты ощущала настоящий страх? С тех пор, как Избранный король пошел на Дулимуриан? Нет... вряд ли ты боялась даже тогда. У тебя всегда был план, всегда был способ защититься. Ты всегда могла уберечь себя. Так зачем бояться?

Одиль осторожно шагнула влево, глядя на Айлет. Айлет двигалась синхронно. Они двигались по кругу в центре ладони. Обливис следовал за ними мерцающей тьмой.

— Олена, — сказала Одиль, — это говоришь не ты. Ты думаешь, что это ты, но ты ошибаешься. Она уже в твоей голове. Уже захватывает тебя. Если будешь бороться... может, еще спасешь себя. Что-то в тебе еще осталось. Я вижу по глазам.

Айлет протянула палец силы, он вытягивался, искал что-то во тьме. Она взяла полоску обливиса и превратила его в камень.

— Вряд ли ты знала истинный страх, — едко сказала она. — Ни разу с тех пор, как взяла себе корону. С тех пор, как стала Новой Богиней, Ядом. С тех пор...

Она замолкла. Часть нее не хотела продолжать, не хотела произносить жуткие слова. Но другая ее часть, куда большая, заставила ее продолжить. Ее рот двигался, слова полились против ее воли.

— Ты не ощущала страха с тех пор, как они забрали твою дочь. С тех пор, как они привязали ее к шесту. С тех пор, как огонь охватил ее, и она кричала тебе прийти...

Одиль взревела. Еще одна жуткая вспышка силы полетела к Айлет бурей гнева и магии.

Она едва успела поднять руку, закрыться от удара, который точно порвал бы ее смертное тело на миллион кусочков. Залп разбился об щит из облитита, не смог его пробить. Но обливис не прекращал лететь в нее.

Ноги Айлет проехали по поверхности ладони. Дюйм за дюймом она двигалась к краю пропасти. Она смотрела сквозь бурю. Ее смертные глаза видели только тучи обливиса. Но теневое зрение пронзало все это и видело глаза Одиль.

Она видела страх.

Она видела печаль.

Она видела гнев.

Она видела себя. Свое отражение. Монстра. Женщину. Убийцу.

Венатрикс.

Ненависть вспыхнула в ее душе. Но под этой ненавистью, которая могла быть и не ее, было другое чувство. Агония, которую она не осмеливалась признать. Она отвернулась от того чувства и сосредоточилась на ненависти в ее душе, передавала ее взглядом. Одиль смотрела на Айлет, была не просто ее ровней.

А потом ее глаза расширились.

Фигура двигалась среди обливиса, вдруг напала на Одиль за ее правым плечом. Его конечности были обвиты тьмой, в ладонях он сжимал меч из облитита. Он не управлял собой, его сжимал обливис.

Обливисом управляла Айлет.

Айлет подняла его правую руку, подняла высоко меч.

Айлет улыбнулась.

— «Но я отправлю спасителя, — прошептала она. — Я отправлю того, кого выбрала отрубить голову Яда».

Осознание проступило на лице Одиль. Она повернулась в последний миг.

Клинок попал по ней с глухим стуком.

Кость хрустнула. Мышцы рвались. Кровь потекла черным фонтаном.

Голова Одиль покатилась.

Вспышка жестоко высвобожденной магии вырвалась из ее раздробленного тела. Смертный дух, связанный с тенью магией, дико кружился, посылая вспышки света и тьмы в воздухе. Тело пошатнулось и рухнуло. Духи ревели в буре обливиса, оставляя за собой след духовного огня, двигались так быстро, что Прибежище не могло поймать.

И Краван Друк разбился потоком разорванной чаропесни.

ГЛАВА 20

Хватка обливиса резко ослабла, и Герард рухнул на облитит. Он закрыл голову руками и сжался в комок, волны тьмы катились из безголового тела рядом с ним. Облитит под ним дрожал изнутри, ладонь опасно раскачивалась в воздухе. В любой миг она могла разбиться, и он полетит в пропасть, откуда его только что спасли.

В этот раз чудесного спасения не будет.

Руки болели, кости дрожали от полученного удара. Он понял, что его ладони еще сжимали рукоять меча. В ушах звенело от пульса, какой он еще не слышал, и воздух казался тяжелым, бил по нему удар за ударом. Но сила тех ударов, хоть и заставляла его кривиться и вскрикивать, с каждой волной ослабевала, и он смог открыть глаза.

Он оказался перед Одиль. Ее голова лежала перед ним, рот был раскрыт, глаза выпучились. В этот раз из мертвых глаз не смотрел дух.

Герард сжал рукоять меча. Только тогда он понял, что дрожь в руке была от него. Меч еще дрожал от удара. Когда он попытался отпустить, пальцы не послушались.

Вот и все. Этот миг настал.

Миг, который он видел.

Он поднялся, оглянулся, зная, что его ждало.

Айлет стояла в центре шара красного света. Ее волосы сияли, каждая прядь была как нагретая проволока, они горели и становились пеплом, он улетал вихрем в небо. Ее кожа сияла изнутри, но не от жара или огня. Это был обливис, который был на грани взрыва. Не черный, а красный. Он должен был разрывать ее. Но не рвал. Магия смешивалась с кровью в ее венах, удерживая ее смертное тело целым. Но она не могла защитить смертную душу.

Герард поправил хватку на мече из облитита. Внимание Айлет — точнее того, что смотрело глазами Айлет — было приковано к безголовому телу Одиль, она любовалась тем, чего достигла. Она не видела, как Герард встал на ноги, он снова поднял меч. Он сделал пару шагов к ней.

Он видел каждое движение следующих шагов в видении Нилли. Айлет, проигравшая тьме, подавленная духом короны. Он видел, чем она стала — следующим Ядом. И она будет сильнее, чем ее бабушка. Ведь не будет человеческой души, которая будет смягчать буйства тени в ней. Айлет, если она еще была там... он мог сделать лишь одно, чтобы спасти ее.

Он сделал третий шаг.

Она повернулась. Посмотрела на него.

— Мне так жаль, — сказал он. Его голос был слабым в буре силы.

Она опустила веки на пылающие красные глаза. А когда они поднялись через миг, Герард увидел, что Айлет смотрела на него. Ее черные глаза уже не пульсировали магией, а были полны человечности, страха и боли. Она открыла рот, словно хотела заговорить.

Вылетел только крик.

— Мне так жаль, Айлет! — выпалил Герард. Он поднял меч, и свет звезд вдали мерцал на клинке, он направил оружие к ее шее. Меч попал.

Но не по цели. Он ударил по поднятой ладони Айлет, с силой, но не смог пустить кровь. Он не резал плоть и кость, облитит таял, разлетался облаком обливиса, который был черным, но быстро заряжался до красного.

Айлет моргнула снова. Ее рот раскрылся в крике, темная магия полилась из горла. Она повернула ладонь, и обливис в воздухе закружился, поймал Герарда за шею, поднял его в воздух. Он брыкался и беспомощно извивался. Он задыхался, ладони впивались в шею, пытались ослабить петлю. Он смотрел, а лицо Айлет исказили такая боль и такая ярость, что казалось, что на него смотрела Одиль.

Голос заговорил ее ртом, но не на языке, а резким звуком, как музыка без гармонии или красоты. Он бил по чувствам Герарда, погрузился в его разум, и он понял смысл.

Ты — ничто.

Ты — ничто.

Ты — смертный, и ты — ничто.

Айлет медленно сжала ладонь в кулак, костяшки побелели, красный заряженный обливис потек между ее пальцев. Петля на шее Герарда затянулась. Он терял воздух, но знал, что не умрет от удушья. Обливис оторвет его голову от тела. Его глаза выпучились. Тело содрогалось от ужаса и боли.

«Серина, — подумал он. Он пытался сосредоточиться на имени, отвлечься от ужаса,

увидеть ее лицо перед глазами. Ее нежное лицо под нежной белой вуалью невесты, ее глаза, полные мудрости и понимания. И любви. — Серина... Серина...».

— Герард!

Звук его имени пронзил его стрелой. Герард посмотрел в сторону, убежденный, что уши обманули его. Террин не мог стоять на запястье статуи, глядя на ладонь идола. Красный свет вокруг Айлет был тусклым из-за белого яркого сияния в глазах Террина.

Айлет повернулась, еще крича, еще пылая. Она подняла руку, собрала обливис. Но она не успела ничего сделать, Террин выпустил магию. Луч света пробил облако обливиса, задел плечо Айлет, оттолкнул ее в один из пальцев статуи. Она рухнула, ее тело дымилось.

Петля из обливиса рассеялась. Герард упал, кашляя. Перед глазами потемнело, зрение вернулось и снова пропало. Он замотал головой, посмотрел туда, где лежала Айлет. Он ожидал, что она поднимется, использует силу тени, захватившей ее. Что она мгновенно убьет обоих.

Но она не поднялась. Она лежала лицом вниз, вытянув руки. Ее пальцы сжались, только это показывало, что она была жива. Корона впивалась в ее голову, обжигала кожу.

Террин съехал по изгибу с запястья в ладонь. Он выглядел кошмарно, в крови, голый по пояс, белый свет сиял в ладонях, груди и за щеками. Он прыгнул к Айлет, без колебаний схватил ее за плечи, притянул в объятия, повернул ее, чтобы посмотреть на ее лицо. Он потянулся к Короне, но не смог коснуться ее, хоть его ладони сияли.

Айлет посмотрела на него, глаза пылали обливисом. Ее рот двигался, горло сжалось. Герард услышал шепот:

— Т-Террин?

— Борись, — сказал Террин. Его голос был хриплым, диким, он звучал на себя не похоже. — Борись, Айлет. Прошу.

Она застонала. Ее голова отклонилась на его руку, острые пики Короны уперлись в обливис под ней.

* * *

Айлет сжималась во тьме.

Ее тело пылало, но не огнем, а невыносимой магией. Даже очищающий огонь эвандерианцев не уничтожил бы ее такой. Тот огонь поглотил бы только ее тело. Лишил бы ее воли и контроля. Личности. Души.

Оромор была всюду, пропитала ее разум, проникала глубже с каждым вдохом, который Айлет делала между криками. Она никак не могла остановить вопль.

«Госпожа!».

Душа Айлет восторгалась от того голоса. Такого далекого, отчаянного, но верного.

«Госпожа! Госпожа!».

«Ларанта?» — она прошептала имя, дух дрожал от усилий. Вскоре она лишится даже этого. Оромор не позволит другой тени жить в этом теле. Она ощущала, как Оромор вонзала теньевые пальцы глубже в ее разум и воспоминания, рылась к ядру ее духа, где была Ларанта. Когда Оромор найдет то место, она вырвет Ларанту, отправит ее в Прибежище.

А душа Айлет? Она не попадет к свету Богини, не попадет в Прибежище. Нет. Она была обречена, как и предсказывала Одиль — ее поглотит Оромор. Будет существовать, но поглощенная.

Хоть разум протестовал, Айлет силой воли заставила картинку принять облик. Тонкая, бесцветная, почти прозрачная, она была призраком себя. Но это была она. Она использовала

это, чтобы удерживать свой дух. Айлет встала и повернулась к бушующей тьме вокруг нее.

Оромор была всюду. Оромор была всем. Глупо было думать, что она могла бороться с этой силой! Глупо было думать, что будет надежда на свободу. Не было надежды, помощи и...

«Госпожа!».

«Ларанта», — прошептала Айлет. Она обвила себя руками и села, сжавшись в комок. Она погрузилась так глубже, послала сознание сквозь слои захваченного разума, падала во тьму, сквозь воспоминания и сны, которые помнила и забыла. Сквозь эмоции верности, предательства, отчаяния. Она погружалась все глубже, все быстрее.

Оромор ощущала это. Она сосредоточилась на Айлет. Она устремилась за ней, преследовала ее.

Айлет упала на неровную каменную поверхность, как пол глубокой пещеры в центре мира. Ее проекция растянулась, дыхание вылетело из нее. Но она тут же поднялась, быстро моргая от яркого света.

Прямо перед ней на расстоянии руки парила идеальная сфера, которая сияла как маленькое солнце. Она знала, что это было, хотя ни разу не проникала так глубоко в себя. Это было ядро ее души, центр ее сущности.

И к нему была привязана нить, соединяющая с ней Ларанту.

Ларанта появилась за сферой. Сначала она была только бесформенным странным духом. Но она быстро приняла знакомый облик волка.

«Госпожа!» — залаяла она и бросилась вперед.

«Ларанта, — проекция Айлет дрожала, нечеткая. У нее были мгновения до прибытия Оромор. Меньше мгновений, ведь это место было вне времени, им нельзя было тут ничего измерить. Оромор в реальности уже нашла ее, всегда находила ее, давно уничтожила ее. Этот бой был проигрышным еще до начала. Но в этом кусочке вечности разум говорил ей, что у нее были ценные секунды. Секунды, чтобы пересечь расстояние между ней и ее тенью, обвить руками черную мохнатую шею. — Ларанта, Ларанта, — ворковала она, прижавшись лицом к полночной шерсти, вдыхая дикость тени-волчицы. — Прости. Мы не можем сбежать. Она найдет нас, она порвет нас. Но нас не разделят, Ларанта. Клянусь! Мы отправимся вместе в Прибежище, если только я смогу...».

Ларанта отодвинула большую голову и посмотрела в глаза Айлет. Она открыла рот, словно хотела заговорить.

Но Оромор была там.

Тьма была крошечной, поглощающей, окружила мерцающую сферу души, затмевая ее свет. Айлет закричала. Где-то далеко ее тело тоже кричало, извивалось в агонии, корона горела на ее голове, посылая ленты красного огня по ее телу.

Ларанта откинула голову и взвыла. Еще ценный миг Айлет ощущала плотное тело волчицы в своих руках. Ларанта уже таяла, их ментальные проекции исчезали, разум Айлет сдавался перед огромной силой Оромор.

Айлет вдруг увидела сияющие глаза. Глаза Ларанты, полные жизни. Полные духа. Айлет попыталась заговорить. Но не могла. Слова и причина пропали. Ее волчица оскалилась, сверкая острыми зубами.

«Госпожа, — сказала она. — Я люблю».

В следующий миг она пропала.

Сфера души вспыхнула ярче. Слепила духовные глаза Айлет, лишила ее облика.

Бледное маленькое тело, которое она с трудом удерживала, растаяло, и Айлет дико полетела во тьму, прочь от сферы. Усилием воли она вернула сознание в центр и посмотрела в яркое сияние.

Две тени кружили, сфера была в центре. Два духа — один был высокой худой женщиной с длинными руками и большими ладонями, похожими на пауков, другой был дикой и рычащей волчицей. Женщина напала на волчицу, терзала ее. Духовная связь Ларанты со сферой вспыхнула красным.

Ларанта яростно улыбнулась. А потом бросилась и сжала свою связь зубами.

Айлет увидела. Она поняла.

— НЕТ! — завизжала она, голос пропал в грохоте рева Оромор.

Ларанта разорвала духовную связь пастью.

Ураган взорвался в тесном пространстве. Две темные души охватила буря, кружила их. Но Айлет оставалась в стороне, не тронутая, не могла дотянуться до них, даже когда она бросилась вперед, крича, визжа. Она смотрела в ужасе, не могла понять, что видела. Ее разум был близок к безумию.

Она видела, как пасть Ларанты ухватилась за тонкую шею женщины-тени. Она ощущала, как освободилась жестоко сила тени, что было хуже любой жестокой смерти, которую она причиняла. Визг Оромор разбил каменные стены той пещеры, они рушились по сторонам. Женщина-тень терзала голову Ларанты, ее глаза, ее сущность духа. Но буря поднимала их все дальше от сферы души, уносила прочь от Айлет.

Айлет ощутила миг, когда Ларанта вырвалась из ее тела, утаскивая Оромор с собой. Она ощущала брешь в реальности, Прибежище открылось, чтобы забрать их. Она ощутила пустоту в душе.

Она рухнула в пустоте, не могла придать себе облик, не могла думать и чувствовать. Не могла терпеть свое существование.

Впервые в жизни она была одна.

ГЛАВА 21

Шок магии был таким сильным, что Айлет отлетела из рук Террина, а он врезался в палец-колонну. Он ударился головой, перед глазами плясали темные пятна. Крылья Нисирди ярко вспыхнули по бокам от него, пытались защитить его душу, его тело. Идол снова покачнулся, глубокий стон донесся снизу.

Террин попытался встать, посмотрел между крыльев своей тени, искал взглядом Айлет. Она лежала в центре ладони, вытянув руки и ноги, выгнув спину так, что позвоночник мог сломаться. Корона сжимала ее голову до боли, красный свет сверкал на живом металле, на ее коже, в ее глазах. Он был таким ярким, что все остальное казалось тьмой рядом с этим светом. Но этот свет не озарял. Он поглощал.

Корона впивалась в ее череп, обжигая, ее крик был бесконечным, не прерывался на дыхание. В воздухе над ней появилась странная буря из духов, которую не могли толком видеть смертные глаза Террина. Он посмотрел тeneвым зрением, увидел, или так ему показалось, темную волчицу, выскочившую из груди Айлет, волочащую за собой что-то, что впивалось в корону множеством отростков, похожих на пальцы. Нечто, похожее на длинную худую женщину, ее форма была странно преувеличенной, шея была длиной с руку, голова напоминала острие копья, а волосы были как языки змей. Женщина билась с волчицей, цеплялась за корону, но волчица получила силы как от жестокой смерти, но куда больше.

Над пальцами ладони статуи открылось Прибежище. Ужас того мира падал на них

градом. Женщина-тень завизжала, ее голос пронзал дух Террина, пока крик Айлет разрывал его сердце. Террин хотел спрятать лицо, но заставлял себя смотреть, искать сферу смертной души в буре духов. Но две тени, волчица и женщина, так запутались, что он не мог различить ничего в их хаосе.

«Нисирди! — закричал он своему дракону света. — Нисирди, помоги им!».

«Я не могу помочь в этот раз, — ответила его тень, голос звенел как колокольчики среди адского шума. — Я не могу дотянуться до них. Не сейчас».

Прибежище раскрылось шире, впилось в мир смертных. Красный обливис в воздухе улетал домой бурей яда. Вихрь схватил тень-волчицу, потащил ее потоком тьмы, и ее тело почти пропало, осталась только голова, впившаяся в длинную женщину. На миг Террин подумал, что волчица не удержит ее.

Но она последний раз повернулась всем существом, оторвала другую тень от короны. Рев ударил по Террину, прижал его к колонне, и только крылья Нисирди вокруг его души спасли его от вреда. Шум, будто противоречие всей музыке, дрожал в воздухе, бил раз за разом по его душе, и крылья Нисирди дрожали, их свет пульсировал с каждым ударом.

Казалось, прошла вечность... но Прибежище закрылось. Атака прекратилась. Террин толкнул крылья Нисирди, но он был отчасти ослеплен. Он заморгал, зрение прояснилось достаточно, чтобы он стал видеть мир смертных.

Тусклый свет звезд озарял ладони идола, неровные края разбитого пальца, груды костей и крови, оставшиеся от Одиль, дрожащего Герарда в тенях у большого пальца.

Террин смотрел на Айлет, лежащую в центре ладони. Такую неподвижную, будто мертвую.

Он со сдавленным воплем пополз по облидиту к ней, схватил ее за руку и притянул к себе на колени. Ее кожа дымилась, волосы и почти вся одежда сгорели. Но ожоги на коже были не такими плохими, как он думал, просто красные, немного волдырей виднелось местами. Он осторожно поднял ее голову и плечи и убрал корону с ее головы.

Она упала с глухим звоном, прокатилась пару футов и остановилась. Эйтр был тусклым и мертвым, странная живая сила пропала из него. Зубцы разбились от удара об твердый облидит.

Террин отвел взгляд от жуткого зрелища, посмотрел на лицо Айлет. Ее глаза были отчасти открыты, тусклые, ее обожженные губы были приоткрыты. Он прижал ее к груди, размазывая кровь от порезов, оставленных Фендрелем, по ее лицу и шее. Дрожащими ладонями он прижал пальцы к ее пульсу. К его потрясению, он нашел биение сердца. Он посмотрел тeneвым зрением, свет Нисирди сиял в его глазах. Он посмотрел на Айлет.

В центре нее он видел сияние ее души, сильное, но без тени. Не было ни Элементаля, ни Дикой тени.

Он судорожно вдохнул и прижал ее лицо к своей груди. Она была жива. Чудо, на которое он не надеялся. Жива, дышала, целая. Он не знал, какой она проснется. Пока что ему было все равно. Он обнимал ее, прижимался губами к обгоревшей коже ее головы снова и снова. Он не собирался больше запрещать себе целовать ее, сдерживаться. Никогда, пока он еще дышал.

Голова Нисирди появилась у его плеча, большие глаза удивленно моргали.

«Я такого еще не видел».

«Что? — спросил Террин в голове, продолжая целовать голову Айлет. — Что ты не видел?».

«Тень, которая сама порвала связь с носителем. Она могла использовать жестокость разрыва, чтобы сбежать в Прибежище... но направила всю ту силу, чтобы оторвать Оромор от короны, — дракон серьезно покачал изящной головой. — Это чудо, Террин ду Балафр. Даже сейчас, эпохи спустя, сила любви потрясает меня».

Террин посмотрел на свою тень, не мог понять слова, звенящие в его ушах. Он припасет их, потом проанализирует и решит, что это значило. Не сейчас. Сейчас он просто сидел и сжимал в руках Айлет.

Террин уловил движение, резко поднял голову. Он напрягся, потом расслабился, лицо вытянулось, не было сил, чтобы выразить облегчение, которое он ощутил при виде Герарда. Его брат был в порезах и синяках, шея была в жутких ранах, где его душил обливис. Но он был живым, сам стоял на ногах.

Герард медленно приблизился, осторожно передвигая ноги.

— Террин, — сказал он после трех шагов. А потом он остановился, рот остался открытым, но не прозвучало ни звука. Террин не мог ответить, и они просто смотрели друг на друга, их духи замерли, радость смешалась с болью.

Айлет вдруг задрожала в руках Террина.

— Айлет? — он ослабил хватку на ней, отодвинул ее от своей груди, и ее голова легла на изгиб его руки. Ее тело содрогнулось, словно по спине пробежала вспышка энергии. Одна рука слабо дернулась, ладонь отчаянно сжала воздух.

Жуткий кашель зазвучал из ее горла, Террин успел усадить ее, и ее стошнило на облитит, а не на него и нее. Он осторожно придерживал ее, пока рвотные позывы не прошли. Она обмякла в его руках, слабо вытерла ладонью рот. Ее тело тряслось, словно она могла разлететься на кусочки.

Она повернула голову и посмотрела на него. Он не видел ожоги, не видел в тот миг нанесенный ей вред, волдыри на губах, пятна обливиса на ее лице. Он не видел жуткий черный след на лысой голове. Он видел только внезапную радость на ее лице. Она была такой красивой.

Но миг прошел. Ее глаза расширились, она схватилась ладонями за грудь.

— Ларанта, — выдохнула она.

А потом откинула голову и взвыла.

— Ларанта! Ларанта! — она била себя по груди, по сердцу, а потом ее пальцы впились в голову, она кричала то имя снова и снова физическим и духовным голосом, терзая этим теневое восприятие Террина. — Ларанта! Нет, нет, нет!

Она сжалась в комок, рыдала, пока ее душа кричала. И Террин мог только обнимать ее, Нисирди укрыл обоих сияющими крыльями.

* * *

Герард отвернулся от Террина и Айлет, не мог видеть такую боль, такие страдания. Он не был частью этого. Там происходило то, что он почти ощущал, но не видел. Что-то темное и ужасное. И личное.

И он отвернулся, тяжело дыша, пытаясь не слышать душераздирающие звуки Айлет. Она была жива. Видение Нилли не показывало, что было после взмаха его меча. Он думал, что умрет от того удара, что он и она уничтожат друг друга. И мир станет лучше и безопаснее.

Но они были тут. Живые, даже если не целые.

А мир... будет ли он безопасным?

Он заметил тьму, которая была темнее облитита ладони статуи. Он сделал пару шагов и

поднял корону из эйтра. Она была странно легкой и холодной. Одно прикосновение, и он понял, что она была мертва. Он сжал пальцами зубец короны и потащил пару шагов по ладони.

Он остановился над головой Одиль.

Кровь еще лилась из ее тела в паре шагов от головы. А голова лежала в темном пруду, мертвые глаза глядели на него. Герард смотрел на то лицо, снова видел Айлет, как в том видении, какой он видел ее пару мгновений назад. Воспоминание сдавило грудь, и он чувствовал...

Он прижал свободную ладонь к сердцу. Это было... сострадание? Печаль? Это казалось невероятным. Но он не мог отрицать. Он смотрел на мертвое лицо и задумался, каким был этот человек. Человек, ставший Жуткой Одиль, Ядом Перриньона. Он не знал, могли бы они когда-нибудь поговорить на равных. Могли бы они не быть врагами?

На что надеялась Жуткая Одиль? Сделать из своего города убежище для захваченных тенями, когда мир охотился на них.

Его колени дрожали. Герард поддался импульсу и опустился на колени перед Одиль, оставил корону в стороне. Во рту пересохло, когда он открыл его. Отчаянный вой Айлет еще звучал за ним, отражался эхом от пальцев статуи. Идол снова покачнулся, и его желудок сжался от понимания, что скоро статуя рухнет. Но он оставался на месте миг.

— Я сделаю это, — прошептал он, глядя в мертвые глаза. — Я создам убежище, Одиль. Мой отец был твоим врагом. Но если ты можешь видеть меня из места, где теперь твой дух, знай: я разгоню Орден Эвандера. Может, на это уйдут годы. Может, вся моя жизнь. Но я верну мир, протяну руку тем, кто нуждается в помощи. Между смертными и тенями будет братство.

Он протянул ладонь, пальцы дрогнули, но он закрыл глаза мертвой женщины.

— Пусть Мать примет тебя, раз позвала, — прошептал он, — и пусть небесные духи проведут тебя к Вратам Света.

Он поднял ладонь, голова и тело Одиль рассеялось облаком обливиса и улетело между пальцев идола. Герард смотрел, его глаза расширились, когда он увидел, как огромное облако поднялось за идолом. Оно поднялось и закрыло звезды, как тучи перед бурей. Но подул легкий ветерок, и весь обливис заблестел и... исчез.

Герард поднялся на ноги, шагнул к пространству между указательным и большим пальцами статуи. Он смотрел, раскрыв рот. Ведьмин лес пропал. Земля, где тянулся лес, лежали голыми под звездным небом.

На разбитых улицах Дулимуриана двигались фигуры. Даже сверху Герард верил, что видел красные капюшоны эвандерианцев.

Он развернулся.

— Террин, — тихо сказал он.

Террин, сжимая Айлет, пока она выла у его груди, поднял голову и поймал его взгляд. Его лицо было напряженным от отчаяния.

— Пора идти, Террин, — сказал Герард.

ГЛАВА 22

Серина тихо шагала по темным коридорам Дюнлока, ее лампа создала маленькую сферу света вокруг нее. Она не должна была ходить, пока лодыжка болела, но не могла отдыхать. Не этой ночью. Может, больше никогда.

Она остановилась у двери своих покоев и заглянула в комнату. Она уложила Нилли и

Дючетт в ее кровать, и они сжались среди подушек, как пара кошек. Она не ощущала духов в них, так что не знала, отдыхали ли и они. Но их утомленные тела точно нашли покой.

Она тихо закрыла дверь и пошла по коридору в галерею над главным залом, посмотрела на пол внизу. Стражи по бокам от главных дверей опустили головы, будто спали на ногах. Дюнлок был тихим, даже с захваченными тенями. Может, только она не спала во всем замке.

Она отвернулась от главного зала, пошла к двери северо-восточной башни, поднялась по спиральной лестнице и вышла в холод ночи под покровом звезд. Ветер дул сильно, но она прошла к каменным перилам, опустила там лампу. На случай, если кто-нибудь сможет увидеть. Если кому-нибудь понадобится блеск надежды во тьме.

В левой руке она сжимала письмо Герарда, костяшки побелели. Весь день она носила его с собой, говорила себе, что скоро откроет. Но она не могла себя заставить... те слова могли быть последними от Герарда.

Теперь она шагнула к лампе и подняла письмо. Сглотнув и стиснув зубы, словно готовясь перед пытками, она сломала печать и развернула смятую бумагу. Ее испуганные глаза посмотрели на слова.

Три слова.

Только три.

Без подписи. Но она не требовалась. Серина хорошо знала почерк, не спутала бы его.

Она прочла короткую строку, которая многое выражала так просто. Прочла еще раз, еще. Слова, которые он пытался выразить ей лично, но она отказывалась верить.

Верила ли она теперь? Примет ли последнее признание?

Она вдохнула, смяла листок в руках и смотрела вверх бойниц в ночь. Она не могла думать, не могла видеть, не ощущала ледяной ветер на лице в тот миг. Она знала только те слова и свои сожаления.

Она вдруг нахмурилась.

Что-то во тьме было иным. Что-то на горизонте. Ей показалось? Показалось, что большое облако поднялось в небо, мерцая, но не от отраженного света, а своим потусторонним сиянием, а потом пропало?

Она выдохнула, не понимая, что задерживала дыхание, и вдохнула. Что-то изменилось. Будто огромное бремя убрали, жуткий грех отпустили.

Ведьмин лес исчез.

* * *

На рассвете пятеро всадников выехали из Дюнлока в сторону восходящего солнца. Они взяли с собой еще лошадей и припасы, которые спешно собрала Серина — еду, воду и аптечку.

Она хотела бы послать больше людей, но не могла рисковать, не зная, куда ехали эти пятеро хабрецов. Она могла посылать их к ведьмам и монстрам.

Они уехали, пообещав вернуться как можно скорее, принести вести. Оставалось ждать. Снова.

Серина смотрела с башни. Порой кто-нибудь поднимался, одна из Сестер Сивелин, слуги приносили еду и воду, просили ее спуститься и отдохнуть. Но, хоть она согласилась на принесенный стул, чтобы она села, она не могла покинуть башню. Она весь день была на посту.

Солнце село. Вестей все не было. Всадники не вернулись.

Серина зажгла лампу и укуталась в плащ, который кто-то накинул на ее плечи, плотнее. Пальцы потянули ее за рукав, далекий голос попросил ее уйти, поспать или хотя бы немного подремать. Она не слушала.

Ночь углубилась. Холод пробрался в нее, в ее сердце. Она слышала, как голоса доносились из открытых окон часовни внизу — Сестры Сивелин собрались петь молитвы. Может, стоило пойти к ним. Может, Богиня могла еще их услышать.

Или Серина просто была глупой.

Тьма плотнее окутала ее, звезды сверху, казалось, ушли вдаль, где их свет не мог утешить. От их присутствия ночь казалась только темнее. Такими были все молитвы Серины? Жалкие искры света, от которых ужасы мира вокруг нее становились только хуже? Она верила, что ее дрожащий голос, стоны ее духа могли вызвать сострадание у великой и далекой Богини?

Какое Богине дело до нее? До Герарда и других? Если Она была божеством, то зачем ей обращать внимание на мелкие проблемы смертных? Их маленькие истории, маленькие королевства поднимались, рушились, и все это происходило быстро. Нет. Если Она была божеством, то молитвы смертных губ и сердец не могли долететь до нее на небесах.

Почему? Тьма, казалось, разносила вопрос эхом в тишине, Серина не могла это игнорировать. Почему она держалась за веру, как глупый ребенок? Почему не сдалась, увидев реальность мира? Этот жестокий мир, где пророчества искажали жестокие люди. Где судьбы решались и диктовались теми, у кого была власть. Где все хорошее и святое топтали, делая уродливым. Мир, где она с трудом могла жить.

— Богиня, — прошептала Серина.

Тишина пугала ее. Она разносилась эхом в ее сомневающемся сердце.

— Богиня... — снова прошептала она.

Она не могла больше ничего сказать. Если этой маленькой отчаянной мольбы было мало, никакие песни из множества куплетов и сотен голосов не долетят до неба.

Она ждала, застыв. Миг был больше всех минут ее существования. Она знала, что поднимется или упадет, будет жить или умрет. Вечность ада была в одной доле времени и пространства.

А потом...

В тишине.

В мерцании холодного света звезд.

В глубинах ее испуганного сердца, во тьме раздался тихий шепот...

«Любимая».

Рожок зазвучал в ночи, громкие ноты разбили тишину, как фейерверки. Серина отвернулась от восточного горизонта, посмотрела на юго-запад, в сторону ворот, единственный вход в Дюнлок через мост. Рожок загудел снова. Она узнала его песню, семь нот звучали быстро. Эта песня сообщала о появлении короля.

— Герард? — прошептала она.

И она бросилась к лестнице, оставив фонарь, спустилась в темноте так быстро, как могла с раненой лодыжкой. Но она была такой медленной! Такой медленной! Это казалось как сон, воздух был вязким, задерживал ее, когда она хотела бежать быстрее. Она споткнулась на последних ступеньках и упала, слетев с лестницы, у выхода из башни, успела упереться в пол руками. Боль пронзила запястье и ногу, и Серина подавила ругательство, поднимаясь и спеша по коридору, прижимаясь к стене. По бокам открывались двери,

звучали голоса, стучали по мрамору сапоги стражей.

Она добралась до вершины широкой лестницы, прислонилась к перилам, чуть не скатилась к дверям замка. Спящие стражи проснулись и открыли двери. Они выглядели, сжимая агрессивно копыя.

— С дороги! — закричала Серина. Они тут же расступились, дали ей пройти между ними, хромая. Она встала на крыльце, смотрела на двор.

По дороге в центре шли лошади, которых она послала уже давно. Ее пять всадников... и больше. На дополнительных лошадях были люди. Она не видела, сколько, ведь свет факела вспыхнул и озарил лицо мужчины, который ехал впереди.

Серина на дрожащих ногах спустилась по лестнице, но на последней ступеньке остановилась, вдруг испугавшись. А если она проснется? А если это был сон, и когда она откроет глаза и поднимет голову с подушки, его там не будет?

Но он увидел ее.

Герард направил лошадь галопом, понесся по мертвому зимнему газону. Он был в синяках, крови и грязи, она еще не видела его таким жутким. Красные раны пересекали лицо, синяки на шее пугали. Она не могла увидеть его таким во сне.

Она бросилась к нему, когда он спрыгнул с лошади. Он поймал ее, поцеловал неловко, почти с болью, поправил руки на ней, чтобы поцеловать уже нежнее и дольше. Слезы катились по ее лицу, все ее тело дрожало. Но он не растаял в ее руках. Она держала его так, словно не собиралась больше отпустить.

А потом он отодвинулся. Было агонией, когда его губы покинули ее, но она с радостью смотрела в его глаза. Они глядели друг на друга. Она не ждала, что он заговорит, не ждала объяснений.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Я люблю... — она не смогла закончить, он снова поцеловал ее.

Когда он поднял голову, все еще крепко обвивая ее руками, Герард смог сказать:

— Будь моей женой, Серина, — его голос был хриплым, тревожным. — Умоляю.

Она смогла кивнуть, а потом поцеловала его, хотя воздух вокруг нее наполнился топотом копыт, голосами и радостью из-за возвращения короля.

ГЛАВА 23

Айлет шла по сосновому лесу своего разума.

Он был неподвижным. Тихим. Ужасно пустым.

Ее босые ноги хрустели на красном ковре сухой хвои, она умело обходила острые шишки и выпирающие корни. Бледный свет падал сквозь зеленые ветви пятнами белого среди тени тропы, и она глубоко вдыхала запахи леса, такие сильные, хотя она знала, что это был сон.

Она днями безумно бежала, пробивала пути в лесу, на склонах и долинах. Ее голос разносился до небес, звал, визжал, рыдал без надежды на ответ. Она знала, что охота была тщетной. Но она охотилась.

Та охота была завершена. Теперь она просто шла. Слушала тишину в голове, разносящееся в ней эхо. Порой она тянулась к духовной связи, которой там уже не было, ощущала пустоту на ее месте, словно ее лишили конечности, но она все еще искала ее.

Как долго она шла? Дни? Недели? Минуты? Не важно. Она была без сознания, ее физическое тело лежало где-то далеко, уязвимое. Она порой слышала голоса в серой атмосфере сверху, но не понимала слова. Может, просто не хотела понимать.

Они, наверное, что-то ей дали. Чтобы успокоить ее тело и душу. Чтобы она перестала постоянно бежать в голове. Наверное, это заставило ее спокойно шагать. Она ощущала панику под поверхностью, под землей в хвое. Но это угасало, сменялось спокойствием и... тяжестью.

Что они ей дали? Не сом. Сом подавлял тени. Это ей уже не требовалось.

Как она устала! Но она шла, не давала себе сесть, отдохнуть. Деревья вокруг нее редели, и она двигалась к открытому пространству. Она вышла из теней на каменистый край ущелья, тут же узнала место ее скрытых воспоминаний.

Но те воспоминания уже не были скрыты. Она ощущала их, живые и активные, в лесу вокруг нее. Вещество делало их тихими и далекими, но, пока она стояла на краю оврага, она ощущала их ближе, чем раньше. Может, успокоительное переставало действовать.

Что-то приближалось по краю оврага справа от нее. Айлет не поворачивалась к высокой худой фигуре. Они стояли вместе, смотрели на брешь в мире ее разума, трещину, ведущую к глубинам ее души. Вид восхищал, овраг был окружен долинами, густым лесом, и все было под серым небом.

Если бы она протянула руку, она смогла бы коснуться женщины. Но она растаяла бы, как туман, ведь это было лишь воспоминание.

Высокая женщина заговорила. Ее голос был мрачным, как ночь:

«Я любила бы тебя, если бы ты мне позволила».

Айлет не ответила. Она ждала, и воспоминание отвернулось и ушло, оставив ее одну у оврага. Ветер выл внизу, дул на ее голую кожу и длинные волосы. Холодный ветер пробирал до костей. Она резко вдохнула и закрыла глаза, терпя холод.

Что-то звало ее в том ветре. Голос, который она почти узнала. Голос из вернувшихся воспоминаний пел:

«Вернись домой... Вернись домой... Вернись домой».

* * *

Айлет проснулась от холодного воздуха, жалящего ее физическое тело.

Ее глаза открылись, на жуткий миг она подумала, что вернулась домой в Гилланлуок. Она посмотрела на балки круглого потолка башни, заметила места, где солома обвалилась, туда проникал свет. Она ощущала жар от нагретых камней, все было таким знакомым, что она могла отчасти поверить и притвориться, что снова была девочкой, юной ученицей, проснувшейся в своей комнате, ожидающей знакомый день — изучение ядов, тренировки с оружием, история, лошади, декламация и проверка.

Она моргнула, и фантазия растаяла. Это был не Гилланлуок и не ее кровать. Окно было не на том месте, балки выглядели знакомо, но не так же.

Ларанта пропала. Она была одна. Это была новая реальность ее существования.

Айлет моргнула во второй раз, уже медленнее. Когда ее ресницы поднялись, она огляделась. Комната была знакомой, но не так, как ее комната в Гилланлуоке. Наверное, это был Милисендис. Она видела, что ее вещи лежали аккуратнее, чем она их оставила — одежда была сложена стопкой на стуле, сапоги стояли у двери. Она лежала на кровати, и это удивило ее. В этой комнате раньше не было кровати, только соломенный матрац и груда одеял.

Ковер, закрывавший окно, упал, и ледяной ветер проникал в комнату. Снег собрался на полу, воздух жалил ее кожу — это потрясло, но и радовало. Это было больно, но она могла отвлечься от пустоты внутри.

Айлет села, дрожа, обвила себя руками. Она столкнула грудь шерстяных одеял, камни у кровати остыли. На ней была только ночная рубашка и... Она подняла руку, обнаружила складки шарфа, обвивавшего ее голову. Она убрала его, провела другой ладонью по щетине на голой коже головы в шрамах. Странно... ее голова еще никогда так не мерзла. Она не понимала, как ее грели волосы, пока они не пропали.

Ее пальцы задержались на толстом шраме на лбу.

Картинки мелькали в голове — картинки темного духа, длинной женщины, тянущейся к ней в пещере ее души. Горящий обливис, корона, впившаяся в нее. Ее мутило, статуя раскачивалась под ногами, меч летел к ее шее. Кровь, жестокость, хаос и Ларанта...

Нет.

Она закрыла глаза и опустила плечи, сгорбилась от тех видений. Нет, нет. В этот раз она останется в настоящем. Она не поддастся безумию снова.

Маленького стола у кровати тоже раньше не было. Там стояли бутылочки и стаканы, некоторые были использованы. Она встряхнула одну бутылочку, там почти ничего не осталось. Может...

Шаги зазвучали на лестнице у двери. Айлет резко повернулась. Она знала эту поступь. Ей не нужно было теневое восприятие, чтобы узнать, кто скоро появится на пороге.

Ручка повернулась. Петли скрипнули. Холлис заглянула. Она посмотрела на Айлет, грудь одеял на полу, открытое окно и снег. Она нахмурилась, прошла по комнате, подняла ковер и вернула на место на окне. В комнате потемнело, и Айлет попыталась поменять зрение на теневое. Ничего не вышло. Только боль пронзила грудь.

Холлис повернулась к Айлет, они смотрели друг на друга в полумраке. Долго стояла тишина.

— Наверное, у тебя много вопросов, — сказала Холлис.

Айлет не ответила.

Холлис прошла по комнате, подняла с пола одеяла и шары. Она нежно укутала одеялами Айлет, подоткнула их под ее ноги, чтобы защитить голую кожу от холода. Как сделала бы мать.

— Прошло четырнадцать дней, — продолжила она, но голос был не как у матери. Она использовала сухой тон венатрикс, который Айлет хорошо знала. — Король — Герард ду Глейв — жив и вернулся в Дюнлок. Он собирает людей из соседних районов, вскоре они пойдут в Телианор, и он заберет корону отца, — Холлис отошла и стала медленно сворачивать шарф. — Я поеду с ним. Я, Террин ду Балафр и Кефан ду Там. И еще несколько из Брекара. Он надеется, что ты тоже поедешь.

Она опустила шарф на колени Айлет, быстро повернулась и пересекла комнату. Она убрала вещи со стула, села, выпрямила спину, уперла ладони в колени, словно озвучивала отчет.

— Я не знаю, что ты помнишь о последних двух неделях, — сказала она. — Мы говорили с тобой много раз. Порой ты будто слышала, но чаще... — она покачала головой. — Я расскажу, что смогу. Ты можешь остановить меня и задать вопрос в любой миг.

Она заговорила, заполняя холодный воздух словами. Она говорила о Ведьмином лесе — он пропал. О короне из эйтра — она была мертва, уже не одержима. Статуя упала через три дня после событий на ее ладони. Она говорила о многих смертях, включая Фендреля ду Глейва. Она рассказала, как король вернулся в Дюнлок, и захваченные тенью жили там под

его защитой.

— Времена меняются, — сказала она. — Это ожидалось с приходом нового короля. Но я ожидаю мирную передачу власти в Телианоре. Сначала. Потом новые идеи короля будут... вызывать шум. Может быть война. С каструмами. С другими королевствами, — она покачала головой, приподняв бровь, но ее лицо осталось спокойным. — Кто знает, что будет дальше? Даже Пророки видят только тени.

Айлет молчала, пока она говорила. У нее не было вопросов, и она ощутила только облегчение, когда у Холлис кончились слова.

Холлис встала. Она опустила стопку вещей на кровать Айлет, подвинула сапоги ближе.

— Если будут силы, вставай, оденься и спускайся. Если нет, я принесу через час еду.

Она ушла. Айлет сидела какое-то время, а потом взяла штаны с вершины стопки. Что-то выпало из стопки на пол, привлекло ее взгляд. Ярко-красная ткань. Ее капюшон.

* * *

В загоне Честибора стоял не он. Это была лошадь цвета печени со светлой гривой. Айлет ее не узнала. Еще в конюшне была только серая лошадь Холлис, значит, эта лошадь предназначалась Айлет. Она нахмурилась, отыскала седло и пристегнула его. Хоть тело болело, было приятно заняться знакомыми делами, ее мышцы без проблем справлялись с движениями.

Она закрепляла сумки на седле, когда Холлис появилась на пороге конюшни.

— Айлет, — она сказала только это.

Айлет взглянула на нее, вернулась к своему заданию. Она проверила пряжки, подтянула кожаные шнурки. А потом взяла поводья лошади, повела ее из загона по конюшне.

Холлис пропустила ее во двор.

— Айлет, — сказала она снова, когда Айлет замерла, чтобы проверить уздечку и стремяна. — Куда ты?

— Домой, — ответила Айлет.

— Домой? О чем ты? Ты... про Гилланлуок?

Айлет оглянулась, холодно посмотрела на Холлис.

— Я еду домой, — сказала она. — Только одно место всегда было моим. Дом, которого ты меня лишила, когда убила мою мать, моих братьев и сестер.

Холлис побледнела, и ее глаза выделялись под сдвинутыми бровями, сверкая.

— Айлет... — начала она.

Айлет прервала ее.

— Как думаешь, что случилось, Холлис? Что между нами? Думаешь, я все еще та девочка, которая сидела на твоём колене и ловила каждое слово? Девочка, которую ты меняла своей ложью и долями правды? Думаешь, я — *твоя* дочь?

Она будто ударила бывшую наставницу по животу. Холлис отпрянула на шаг, ее плечи опустились. Айлет еще не видела такую боль в ее глазах.

— Я сделала, что должна была, — сказала она. — Твоя мать... была убийцей. Хуже. Ты не знаешь Олесю ди Мовалис, ты не знаешь, кем она была. Она радовалась смертям, играла со смертными, мучила их и...

— Врешь, — выдохнула Айлет. Она хотела закричать, но слова прозвучали шепотом. — Ты всегда врала. Ты обманывала меня с самого начала. И это тоже манипуляция. Больше лжи. Или это правда? Как мне теперь узнать?

Ее лошадь топала на месте, ей не нравилось напряжение в воздухе. Айлет погладила ее

шею. Когда она заговорила снова, ее голос был спокойнее и четче.

— Больше ничего не будет. Я сделала то, что ты хотела. Я убила Жуткую Одиль. Я исполнила свою цель. Все.

Холлис шагнула к ней, протянув руку.

— Я сделала, что должна была, — тихо сказала она. — Я знаю, что ты не понимаешь. Но, клянусь, я сделала это, чтобы спасти тебя. Защитить тебя. Я... дала тебе все, что могла. Знаю, я совершала ошибки...

Айлет отпрянула от ее руки.

— Ошибки? — она чуть не подавилась словом. — Так ты зовешь убийство моей семьи? Ошибка? Так ты зовешь лишение моего разума памяти о них? — она сделала шаг к Холлис, та поспешила убрать руку и попятилась. — Ты забрала их у меня. Ты забрала их у меня.

Жажда смерти, жестокости ревела в ее голове. Словно Ларанта еще была там, гнала ее Дикими инстинктами. Айлет быстро отвернулась. Если она посмотрит на Холлис еще минуту, она попытается убить ее. Она не знала, справилась бы без Ларанты. Но она попыталась бы. И пожалела бы.

И она отвернулась, пока еще могла сдержаться. Ее дыхание вылетало паром перед ней. Она вдруг ослабела, голова кружилась. Она не знала, найдет ли силы забраться на лошадь. Но она не могла оставаться тут. Ни минуты больше.

Она сунула ногу в стремя, схватилась за седло и забралась. Когда тьма наполнила голову, она впиалась в светлую гриву и удержалась на месте, пока зрение не прояснилось. Ее правая нога отыскала другое стремя, и она направила лошадь к воротам, которые были открыты.

Холлис шагала рядом с ней, тяжело дыша.

— Айлет, — сказала она, — прошу, не уезжай так. Прошу, Айлет, ты должна мне поверить. Если бы я могла вернуться и изменить, я сделала бы это. Я люблю тебя. Моя дорогая дикая девочка. Ты должна знать, что я люблю тебя!

«Я любила бы тебя, если бы ты мне позволила».

Айлет накрыла лысую голову красным капюшоном. Перед ней лежала дорога, ведущая из каменистой долины, где стоял Милисендис. Она направила лошадь галопом. Ветер в ее ушах почти заглушил голос Холлис, звенящий за ней:

— Айлет! Айлет, пожалуйста!

ГЛАВА 24

— Прошу прощения, венатор ду Балафр.

Террин скривился от титула. Он не был венатором. Уже нет. Но он согласился после споров на просьбу Герарда, чтобы он сохранял титул со всем, что он предоставлял, пока он не получит корону, пока не назначит министров при дворе, пока королевство не справится с потерей короля. Террину не нравилось играть в это, но он обязан был слушаться хотя бы несколько лет.

Вскоре каструмы узнают правду. Вскоре ересь выйдет на свет, начнется война. Война не хуже Ведьминых войн, если он не ошибался. Скоро... но не сейчас...

Он устроил свой кабинет в западном крыле, они с Кефаном уже две недели принимали новых захваченных тенями в Дюнлоке, учили их управлять силами, находить равновесие с душами в них. Порой они применяли методы Эвандера, чтобы подавлять ради безопасности человека. Но Террин надеялся, что со временем все они научатся жить в гармонии. Успех зависел от каждого человека и тени.

Когда они не были заняты обучением, они сочиняли письма для членов каструмов в Голии, для дальних застав. Кефан верил, что были те, кто присоединится к королю, если до них дойдет верное слово в правильный момент. Ересь закипала в рядах Ордена дольше, чем думал Террин. Это тревожило, но в этот миг эта мысль обнадеживала.

Террин оторвал взгляд от письма, которое сочинял, и увидел юного гонца на пороге.

— Да, Биллин? — спросил он, отложив перо. Краем глаза он заметил, как Нисирди поднял голову с бархатного дивана. Это была просто проекция его разума, но Террин привык видеть своего дракона в комнате рядом с ним, даже когда он не использовал его силы.

Юноша не был захвачен тенью, но нервно взглянул в ту часть комнаты, словно ощущал потустороннее присутствие. Он нервно кусал щеку изнутри, быстро сказал:

— Прошу прощения, венатор, но... из конюшни сообщили. Венатрикс ди Фероса прибыла, ищет своего коня. Вы говорили, что вам нужно сообщить, если...

Террин уже был на ногах.

— Спасибо, Биллин, — сказал он, поспешил к двери, оставив на столе письмо и документы. Нисирди полетел за ним, тихий, но всегда рядом.

Его сердце билось с болью. Террин поспешил по лестнице вниз. Он возразил, когда Холлис предложила забрать Айлет на заставу Милисендис. Он хотел забрать ее в Дюнлок, приглядывать за ней и Герардом. Но Холлис была права — Айлет лучше оправилась бы в знакомом окружении. Роскошь замка добавила бы ей стресса. И Холлис осталась в Милисендисе с Айлет.

Террин часто приезжал туда. За последние две недели он побывал там три раза, провел те дни и ночи рядом с Айлет, пока она спала или бредила. Он не знал, замечала ли она его, хотя порой казалось, что она слышала его голос. Он надеялся, что утешал ее этим.

Каждый раз, когда он уезжал, он думал взять с собой Честибора, зная, что Айлет захотела бы вернуть коня. Но он понимал — так она уедет. Когда она придет в себя, она встанет с кровати, соберет вещи, заберется на коня и уедет. И он больше ее не увидит.

Но, если он сохранит Честибора в Дюнлоке, она придет. И он угадал. Снаружи он побежал к конюшне, но не увидел высокой девушки или ее лошади. Он поймал за локоть первого юношу из конюхов.

— Приезжала женщина? — спросил он. — Она забрала коня? Высокая женщина, и... она без волос.

— Не знаю, сэр, — сказал юноша, качая головой, глаза были круглыми и напуганными от строгого лица со шрамами над ним. — Тут была венатрикс в красном капюшоне. Она могла быть лысой, но я не видел...

— Где она?

— Пришла и ушла, сэр. Четверть часа назад...

Террин не ждал остальное. Он поспешил в конюшню, крича, чтобы ему дали лошадь. Через пять минут он был в седле, ехал по мосту к воротам. Стражи увидели его и пропустили. Он замедлился и крикнул:

— Куда уехала венатрикс?

— Северная дорога, — ответил один из мужчин. Террин повернул лошадь направо и погнал ее быстрее. Нисирди тихо летел за ним, следуя за их связью. После десяти минут езды Террин заметил ее впереди. Он узнал бы худую высокую фигуру даже без красного капюшона на голове.

Он крикнул ее имя, ее плечи напряглись. Она не повернулась к нему.

Тихо ругаясь, Террин склонился к шее лошади, погнав ее быстрее. Он догнал Айлет, остановил коня. Тот затормозил, недовольно вскинул голову.

— Айлет, — рявкнул Террин.

— Венатор ду Балафр, — тихо ответила Айлет. Она не смотрела на него. Ее лицо в тени капюшона было направлено к горизонту.

Он смотрел на нее пару мгновений в тишине. Визиты в Милисендис, долгие часы у ее кровати не помогли привыкнуть к ее виду без тени. Смотреть на нее тeneвым зрением было больно, он словно смотрел на открытую рану, которая никогда не заживет.

Он вернул смертное зрение, смотрел на ее профиль. Резкая линия ее челюсти и скулы стали еще сильнее выделяться после ее мучений. Капюшон скрывал лысую голову, но он видел, что темные волосы уже стали отрастать и вскоре скроют кожу головы и шрамы. Худшие ожоги уже зажили.

Но ее глаза... были пустыми. Испуганными.

— Куда ты едешь? — спросил он.

— Домой, — тихо сказала она. Она все еще не повернулась к нему.

Он растерянно моргнул.

— Где... твой дом?

Она вдохнула и протяжно выдохнула, белый пар вылетел из ее рта.

— Горы Скада, — сказала она. — Где-то там. Не знаю точно, — она пожала плечами. — Я пойму, когда найду.

— Ты... поедешь в глушь. Зимой. Одна?

Она кивнула.

— Ты не можешь.

Только тогда она посмотрела на него, резко повернула голову в капюшоне. Ее глаза опасно вспыхнули.

— Могу.

Он почти обрадовался, что ярость осталась в ней. Он был рад, что, хоть она потеряла тень, магию, сверхъестественные силы, она не лишилась себя. Айлет сама была сильной. Ей не нужна была тень, чтобы потрясать его.

Он сглотнул, горло сдавило, и он не мог говорить. А потом он сказал:

— Что насчет Герарда?

Она не ответила. Она повернулась к дороге, подняла голову чуть выше, стиснула зубы.

Террин не унимался.

— Ты ему нужна. Все мы ему нужны. Впереди сложные дни. Сейчас министры Телианора все еще верят, что он — наследник, но скоро они услышат о том, что случилось в Водехране. Будут недовольные. И когда люди узнают, что он защищает захваченных тенями, что он привел в замок ребенка, рожденного с тенью, каструмы возмутятся. Ему понадобится вся поддержка, чтобы сохранить трон, и...

— Как хорошо, что у нашего Золотого короля есть верный брат, — сказала Айлет без злобы. Ее слова звучали искренне. — Я уверена, что он будет править долго и хорошо, пока ты с ним.

Террин раскрыл рот, его ладони невольно потянули за поводья, замедлили коня. Она оторвалась на пару шагов, а потом он ускорил лошадь и перекрыл дорогу.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она смотрела на него будто из-за пелены. А потом опустила взгляд на ладони на луке

седла.

— Я полюбил тебя с первого взгляда, — продолжил он. Слова обжигали рот, но он не перестал говорить. — Я не понимал тогда, что чувствовал. Я посмотрел на тебя, и меня пронзило, как копьем в сердце. Я знал, что ты погубишь меня. Я думал, что ненавижу тебя. Теперь я знаю лучше. Ты погубила меня, Айлет. Все, чем, как я думал, я стану. Все разбито. Пропало. И я благодарен. Я счастлив, что Богиня привела тебя и твое разрушительное влияние в мою жизнь, дала тебе разбить все в моей жизни. Из-за того, что ты сделала со мной, я могу стать чем-то новым. Чем-то лучшим.

Он повернул голову коня и направил его вдоль Честибора, достаточно близко, чтобы, если бы у него хватило смелости, взять ее за руку. Но он не мог заставить себя. Его ладонь застыла в воздухе, дрожала, но он не смог протянуть ее дальше.

— Я... не хочу строить без тебя, — он посмотрел на ее строгий профиль, желал, чтобы она посмотрела на него. — Останься. Со мной.

Она смотрела на его ладонь над ее. Он думал, что она обхватит его ладонь.

А потом ее ресницы затрепетали, она посмотрела на дорогу, на горизонт вдаль.

— Твоя тень, — сказала она. — Она не подавлена, да?

Он нахмурился. Он кивнул после паузы.

— Я не могу увидеть, — она бросила на него взгляд. — Нет теневого восприятия, — она пожала плечами и посмотрела вперед. — Но в тебе что-то изменилось, стало... свободнее, — ее губы пересохли, потрескались от холода. Когда она кусала их, они краснели, а потом бледнели. — Я держала Ларанту в оковах почти всю жизнь. Я подавляла ее и... мучила ее. А она давала только любовь в ответ.

Ее голос утих. Тишина затянулась. Террин боялся, что она больше не заговорит, что она направит коня по дороге и пропадет. Но она повернулась к нему.

— Мне нечего дать тебе, Террин. Я... пустая.

— Не важно, — ответил он. — Моей любви хватит на нас двоих.

Она покачала головой. Ее темные глаза ярко сверкали.

— Я мало знаю о любви, но понимаю, что это так не работает.

— Хорошо, — Террин сжал кулак, поводья впились в пальцы. — Хорошо, не оставайся. Я поеду с тобой к горам Скада, хотя бы пока ты не найдешь дом. Я ничего не попрошу. Я буду как брат по охоте. Просто буду рядом, буду помогать и...

— Ты — идиот.

Слова были резкими, но послали странный укол радости в его сердце. Она хоть миг звучала как раньше. Радость сразу разбилась, когда она продолжила:

— Ты не можешь бросить Герарда. Мы оба знаем это. Это как попросить тебя уехать без правой руки.

Он открыл рот. Но что он мог сказать? Духовная связь привязывала его к этому месту, как Нисирди был привязан к нему. Он не мог ее порвать, как бы ни хотел.

— Айлет, — начал он, не зная, куда заведут его слова, зная только, что он еще не сдался.

Он не успел ничего добавить, она бросила поводья, вдруг склонилась в седле и поймала его лицо обеими руками. Ее пальцы были как лед на его щеках, а ее губы были грубыми от холода, когда нашли его рот. Но жар вспыхнул в нем, прогнав эти ощущения. Он схватил ее за руки, сжимал крепко, словно мог поймать ее дух и убедить остаться с ним.

Она отодвинулась слишком быстро, и хоть он пытался притянуть ее к себе, она сопротивлялась. Ей не нужна была сила тени, чтобы вырваться из его хватки и отодвинуться.

— Когда ты найдешь, что ищешь, — сказал Террин шепотом в холодном воздухе, — ты вернешься?

Она склонила голову под капюшоном.

— Не жди меня, Террин, — сказала она. — Живи своей жизнью. Служи своему королю. Думай порой обо мне. Но не жди меня.

Она повернулась к дороге, склонилась над шеей Честибора и рывкнула:

— Но! — впиалась пятками в его бока. Конь помчался галопом, летел над дорогой, поднимая белый снег бурей за собой. Террин смотрел со своего места, пока красный капюшон не пропал из виду.

ГЛАВА 25

Герард любовался своей женой, сидящей в другой части комнаты на одном из больших кресел у камина. То, как она сидела с маленькой Нилли на коленях, склонив голову над плечом девочки, с книгой на коленях... было идеальным зрелищем.

Книга была манускриптом, полным цветных картинок, там было мало слов. Серина указывала на красиво изображенную букву, и Герард услышал, как она тихо сказала:

— Н — как Нилли.

Девочка захихикала. Сердце Герарда пело. Было почти больно от радости. Мир перед ним был полон теней и неуверенности. Всего три дня, и он поедет из Дюнлока с большой компанией в Телианор, чтобы забрать корону Избранного короля. Он ожидал, что сложностей не будет в первой части пути... сложности начнутся позже, когда он начнет менять законы.

Ему нужно было изменить законы, чтобы защитить Нилли и детей, как она.

И он уже согласился на предложение Серины взять Нилли под их опеку. Она будет расти в Телианоре, ее будут считать дочерью в их доме. Они сделают все, что смогут, чтобы как можно дольше скрывать то, что она родилась с тенью, но Герард не ждал, что тайна сохранится надолго.

Но он улыбнулся. Те тревоги могли подождать. Сейчас он восхищался тем, как свет огня сиял на нежном лице его жены, изгибом ее щеки и изящной длинной шеей. Он предвкушал ночь, и как они ускользнут в свои покои вместе... и он помнил прошлую ночь, они мало часов провели друг с другом во тьме.

Его улыбка стала шире, в тот миг Серина поймала его взгляд. словно прочитав его мысли, она покраснела и опустила взгляд, хотя он видел, как она скрывала схожую улыбку. Но ее голос продолжил терпеливо хвалить Нилли, когда она попробовала произнести букву:

— Н-н-н-н.

Стук в дверь перебил мысли Герарда. Нилли и Серина оторвали взгляды от книги, посмотрели на него, чуть тревожась. Герард кивнул им и крикнул:

— Кто там?

— Это я, — ответил грубый голос Террина из-за двери.

— Ах, да, заходи, — сказал Герард, и Террин прошел в комнату.

Нилли радостно запищала, Герард не ожидал услышать от малышки такой звук. Она вскочила с колен Серины и побежала в объятия Террина. Высокий венатор опустился на колени и поймал ее в объятия. Его лицо на миг скрылось за ее головой, Нилли обвила руками его шею. Он встал, поднял ее и подошел к столу Герарда с ребенком на руках.

— Пришли вести из заставы Бертерон в Нионе. Венатрикс Жанна Д'Юдес присоединится к нам на пути в Телианор.

— Отлично, — Герард кивнул, довольный. Связи Кефана среди дальних каструмов Голиигодились. Пятеро эвандерианцев уже согласились поддержать его новое дело. Чем больше Красных капюшонов поедет с ним в столицу, тем лучше.

Но он посмотрел на Террина. Что-то было не так, он видел по его лицу. Он принес хорошие вести, но Террин был странно бледным, посерел от этого, и его глаза сверкали, как в лихорадке.

— Что-то не так?

Террин покачал головой. Он поклонился без слов, это было непросто с ребенком на руках. Он пересек комнату и вернул Нилли на колени Серины, поклонился изящнее и сказал:

— Моя королева, — Серине. Он покинул комнату, не взглянув на Герарда.

Герард смотрел ему вслед, дверь закрылась за ним. Герард нахмурился.

— Иди за ним.

Он удивленно взглянул на Серину, она смотрела на него из кресла. Она кивнула на дверь, приподняв брови.

— Иди, — сказала она.

Он замешкался. Его стул скрипнул по полу, он встал и оббежал стол, пересек комнату. Открыв дверь, он заметил Террина в конце коридора.

— Террин, стой, — окликнул он.

Террин повернулся и выпрямился. Он не смотрел в глаза королю, пока Герард приближался. Он смотрел поверх его левого плеча.

Герард пригляделся к нему.

— Есть новости из Милисендиса?

— Никаких, мой король, — сухо ответил Террин. — Кефан думает, что венатрикс ди Тельдри отчитается Дюнлоку завтра. Она прибудет перед...

— Я про Айлет.

Террин сглотнул. Он стал еще бледнее.

— Венатрикс Айлет не присоединится к королевской свите.

Сердце Герарда замерло.

— То есть она... — он не закончил, не зная, чего боялся.

Но Террин продолжил, голос был обманчиво ровным:

— Она покинула Водехран и вернулась в Дроваль.

— Что? — Герард нахмурился. — Она уехала? Зачем?

— Думаю, она хочет найти дом своего детства.

Герард слышал его, но не понимал. Холлис вкратце описала ему историю Айлет, насколько знала ее сама. Террин добавил пару деталей. Но, если честно, он мало запомнил. На него многое свалилось за эти три недели.

— Где... где дом ее детства?

— Где-то в горах Скада.

— Ты хочешь сказать, что Айлет поехала одна в горы Скада посреди зимы. И она не знает, куда именно едет. И с ней не осталось силы тени.

Террин смотрел куда-то за плечом Герарда.

— Да.

Герард уставился на него. А потом резко выдохнул.

— Тогда что ты тут делаешь, Террин?

Террин моргнул и посмотрел в его глаза. Он не говорил, во взгляде был вопрос.

— Почему ты не поехал за ней? Почему не уехал с ней? — Герард всплеснул руками и покачал головой. — Не думай, что я не знаю о твоих чувствах к ней. Я не слепой. Ты любишь ее, и ты дал ей поехать к смерти в глуши? О чем ты думаешь?

— Я... — Террин сглотнул и продолжил тверже. — Я нужен тебе рядом, Герард. Теперь больше, чем раньше. Я...

— Ты — идиот.

Террин замолчал, а потом тихо сказал:

— Это мнение стало популярным.

— Езжай за ней, — Герард сжал плечо Террина с силой. — Не жди. Не сомневайся. Поезжай за ней, Террин. Найди ее, помоги ей и, если сможешь, верни ее. Или останься с ней в глуши, если это вам по душе. Но не делай меня оправданием бездействия.

— Герард... — голос Террина оборвался. Он боролся, морщины у рта стали глубже, он совладал с голосом. — Что будешь делать? Без моей защиты как ты...

— Ты не нужен мне в моей тени, Террин, — сказал Герард. — Я могу стоять на своих ногах, справляться со своими монстрами и демонами, — он поднял другую руку, сжал плечи Террина и посмотрел в его глаза. — Иди. Разбей цепь, которая привязывала тебя ко мне все эти годы. И когда ты найдешь свою любовь, вернись, если сможешь. Но приезжай только по своей воле. Понимаешь?

Лицо Террина исказилось. Он обнял Герарда на миг, но этого хватало.

Он отодвинулся, повернулся и поспешил по лестнице так быстро, что плащ развевался за ним. Герард стоял у перил галереи, смотрел, как он вышел из дверей Дюнлока в угасающий свет снаружи.

— Ступай с миром, брат, — прошептал он.

У двери кабинета он потянулся к ручке, услышал смех — голоса его жены и девочки, рожденной с тенью, полные радости. Душа Герарда запела, но сердце болело. Тихие слезы катились из его глаз.

ГЛАВА 26

Весна началась в горах, когда Айлет добралась до заставы Гилланлуок. Она спрыгнула с Честибора у входа. Ее пальцы отыскивали тайный механизм, ворота приоткрылись и застряли.

Ворча ругательства, Айлет схватилась за доску и потянула. Она тянула снова и снова, пока ворота не стали двигаться. Когда она открыла их так, чтобы прошел ее конь, она тяжело дышала. То, что раньше удавалось просто, теперь стало намного сложнее. Она и не понимала, как постоянно полагалась на силы тени, даже когда Ларанта была подавлена.

Но Ларанта пропала. Она была одна. Ей придется научиться справляться. Хотя бы немного.

Айлет повела Честибора во двор к конюшне. Там было холодно, место казалось заброшенным. Снег еще возвышался у стен. Часть крыши обвалилась с одной стороны, и тут не жила венатрикс, чтобы починить ее. Старый загон Честибора еще можно было использовать, и крысы не добрались до бочки с овсом. Только смелая крыса полезла бы в запасы венатрикс.

Обслужив все нужды коня, Айлет вышла во двор, повернулась к дому. Она замерла на миг, расправив плечи, руки висели по бокам. Она медленно вдыхала весенний воздух.

Давление воспоминаний окружало ее — воспоминания девочки и ее одинокой наставницы. Воспоминания о тренировке со скорпионой, драках с кинжалами и без оружия. Она посмотрела на трупный дом и поежилась от мрачных воспоминаний о том здании.

Смерть, кровь и печаль.

И всюду — воспоминания о Холлис.

Эти воспоминания не были фальшивкой, да? Не все. Они не были ложью. Ее годы обучения у Холлис, годы верности и службы... там была правда, ее нужно было найти.

Но если та правда строилась на лжи, каким частям она могла доверять?

Айлет прошла в дом. Было холодно, как в гробнице, но она развела огонь в камине и открыла окна, впуская свет солнца и воздух. Запах в доме был затхлым, но Айлет не собиралась задерживаться, так что не затеяла уборку.

Несмотря на слова Террину месяцы назад, Айлет не отправилась сразу в Дроваль. Хоть инстинкт гнал ее в последнюю охоту, она приняла правду: без магии и силы Ларанты она не переживет зиму в горах. Честибор не должен был умереть от холода или голода.

Она переплыла на пароме реку и отправилась к городу в районе Луквин, далеко от Водехрана, там ее не обнаружили бы... если бы он глупо последовал за ней. Ее навыки были ограниченными, но ей не требовались яды венатрикс или особое восприятие тени, чтобы охотиться, так что она смогла убедить местного управляющего дать ей и ее коню крышу над головой в обмен на ее навыки охотницы. Она поставляла зимой город зайцами, фазанами и даже оленями. Она просила мало за это — комнату и загон для коня — а жители наслаждались свежим мясом зимой, а не только копченым или вяленым.

В то время она скрывала красный капюшон. Люди пялились на ее почти лысую голову и шрамы, но не задавали вопросы. Она держалась замкнуто, выполняла работу, и зима прошла. При первых признаках весны Айлет уехала на Честиборе к северным горам.

Холлис оставила запасы дров в ящике. Айлет взяла больше дров, добавила их в камин, где уже потрескивал огонь. В комнате с низким потолком стало теплее, и она посмотрела на стол Холлис и ниши в стене у камина.

Она хотела отправиться в высокие дикие части Скады, но знала, что это было бы глупо. Она не найдет то, что искала, если у нее не будет цели. Горы были огромными, леса — широкими. А ее смертные ощущения были ограниченными.

Пару месяцев назад она легко оставила бы коня и побрела бы по глуши навстречу приключениям, а потом поддалась бы судьбе. Но за зиму, в холодные месяцы проверок ловушек и охоты на оленей, у нее было время. Время понять, что она не хотела просто отбрасывать жизнь в самоубийственном путешествии.

Она хотела найти ответы. Если их можно было найти.

Огонь трещал, ее онемевшее тело согревалось. Айлет стала листать книги и записи Холлис. Она нашла маленькую книгу в кожаном переплете, где был список Алых Дьяволов, вычеркнула семь последних имен. Это обрадовало ее не так сильно, как она надеялась. Но список был выполнен.

Час поисков, и она вытащила копию священного писания святого Эвандера, копию Холлис. Айлет осторожно пролистала ее, надеясь, что бывшая наставница что-то скрыла внутри. Она наткнулась на страницу, которая пожелтела по краям от того, сколько раз ее переворачивали за годы. Ей не нужно было перечитывать это. Ее губы двигались, цитируя по памяти каждое слово:

«Великий яд распространится в сердцах моего народа, позволив Лжи править вместо Правды. Но я отправлю защитника. Я отправлю того, кого выберу отрезать голову яду и привести людей ко Мне. Брат с братом, захваченный тенью и нет, выступят вместе и укрепят новое королевство под Моим именем.

И начнется Золотая эпоха».

Айлет мрачно поджала губы. За последние несколько месяцев она научилась подавлять воспоминания о той ужасной ночи. Но теперь ее ладонь потянулась ко лбу, ощутила шрам на голове. Картинки вспыхивали перед глазами. И то чувство. То неопишное чувство абсолютной силы, которая принадлежала ей короткий миг.

Но рука Герарда взмахнула мечом. Герард отрубил голову Ведьме-королеве. Он действовал как марионетка Айлет, так был разбит Краван Друк, проклятие крови было исполнено. Но Герард держал меч.

Может, несмотря ни на что, Сейон-Эбат был исполнен? Несмотря на все ошибки, ложь, манипуляции... Избранный король все-таки прибыл в Перриньон?

Айлет закрыла книгу и отложила ее. Она не должна была думать об этом. Она не должна была гадать, прибыли ли Герард и его свита в Телианор. Она не должна была думать о делах двора, об изменениях, охвативших королевство. Она не должна была желать быть там, за спиной короля рядом с Террином...

Это уже было не ее делом.

Айлет отвернулась от книги и стола, от огня и теплой комнаты. Она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж, вошла в спальню Холлис, где открыла сундуки, проверила под матрасом и половицами. Она ощущала уколы сожалений, ведь нарушила личное пространство наставницы. Но она быстро отгоняла эти мысли. Холлис вторглась в ее разум. Холлис потеряла право на личное пространство, по мнению Айлет.

Она нашла тайник в стене, и когда ее пальцы проникли в трещину, они что-то задели. Она сжала край и вытащила маленькую книгу в кожаном переплете. Журнал записей.

Ее дыхание стало неровным, она убрала кожаный ремешок, удерживающий книгу закрытой. Она села на кровать Холлис, открыла журнал и проверила дату на первой странице. Четырнадцать лет назад. Это оно. Точно.

Она стала листать страницы, смотрела на знакомый почерк Холлис, читала об охотах, допросах и письмах, которые она отправляла в каструм. Тут и там она находила обрывки записей, которые привлекали ее внимание — слухи, которые Холлис собирала по району о черной волчице и ее захваченной теньями стаей. Слухи о диком ребенке, бегущем со зверями. Холлис собирала сплетни все больше, чем дальше она листала.

Айлет нашла нужную запись. Место: долина Рассе.

Уголок ее рта приподнялся. Теперь ей нужна была карта.

* * *

Две недели спустя Айлет шла своими ногами среди воспоминаний из детства.

Было странно, каким знакомым был лес, по которому она ходила много раз в пейзаже сна, не понимая, что это было воспоминание. Эти склоны в соснах, горы и овраги, река. Она постоянно ходила по этой земле в своих мыслях.

Четыре дня назад она оставила Честибора, заплатила фермеру запасами монет, которые она нашла в Гилланлуоке, пообещав скоро вернуться за ним. Она не хотела рисковать любимым конем на грубой местности, решила идти пешком.

Чем глубже она заходила в долину Рассе, тем легче становились ее шаги, тем свободнее она двигалась. Ее тело вело себя иначе, словно один воздух этой долины и путь под деревьями возвращал ее в детство. Она подавляла желание сбросить одежду. Она уже не была ребенком, и у нее уже не было силы и ощущений Ларанты. Она была высокой и сильной, но ограниченной своей смертностью.

Она охотилась, чтобы прокормить себя, ночевала под деревьями и готовила то, что убила, на костре. Она спала, укутавшись в плащ и одеяла, ночами еще было холодно.

И она всегда искала хор волков во тьме. Но не слышала их.

Наконец, на четвертый день пути ее ноги нашли склон, который казался особо знакомым. Она словно... ощущала запах давнего присутствия братьев и сестер. Их имена слетали с губ, пока она поднималась:

— Дулруду, Роторо, Радарка, Илрили и Ненет...

Дальше по склону, в месте, где только три дерева смогли вырасти среди твердой земли и камней, она нашла логово. Оно было меньше, чем она помнила. Она заглянула во мрак внутри. Запахи были еще там, такие старые и далекие, что ее смертное обоняние едва ощутило их.

Она вспомнила, как лежала в том логове, когда над горой бушевал гром. Она помнила пушистые лапы и хвосты, горячее дыхание и сияющие глаза. Она помнила, как странные голоса говорили в ее голове на языке, не похожем на смертный язык. На языке без слов. Она забыла.

Она отвернулась, села у входа в логово, смотрела на долину внизу. Солнце садилось на западе, вскоре ей придется отыскать место для ночлега. А пока она просто сидела и смотрела, разум опустел, сердце едва стучало.

А потом она склонила голову, полились слезы.

— Почему? — прошептала она. Она ощущала соль во рту, жалящую язык. — Почему, Ларанта? Почему ты оставила меня? Почему?

Ответа не было. Как он мог быть? Ларанты уже не было. Ее забрало Прибежище. Ее ждали вечные мучения. Айлет была тут, ее тело было целым, а дух — пустым. Ее сердце исказила боль так, что оно уже никому не пригодилось бы.

— Я говорила, что нас не разлучат, — прошептала она. А потом откинула голову и закричала небу, ее голос звенел над камнями и падал в долину внизу. — Почему ты не взяла меня с собой? Почему бросила меня?

Ее голос отражался эхом. Где-то слева взлетела птица, испугавшись внезапного шума. А потом все затихло.

Айлет склонила голову. Она стиснула зубы до боли в челюсти. А потом всхлипы вырвались из оскаленного рта, слезы капали на камни у ее ног. Она не плакала с первой ночи потери. Эти слезы были другими. Те слезы были безумным отрицанием, горячие и гневные. Эти... эти слезы были горькими. Каждая причиняла боль, пока они текли по ее щекам. Слезы отчаяния.

«Госпожа».

Рычание в воздухе, далекое, как буря.

Воспоминание. Просто воспоминание. Одно из многих в ее голове, тут, в этом месте воспоминаний.

«Госпожа».

Айлет покачала головой, убрала капюшон на плечи, сжала короткие волосы и потянула, словно могла вырвать тот голос из разума. Но он остался. Тихий, далекий, настойчивый.

«Госпожа».

«Ларанта», — она подняла голову. Тень была перед ней в угасающем свете солнца. Не простая тень. Это не могла быть Ларанта, ведь Ларанта всегда была тьмой, получившей облик, но это... была не тьма. Не тень. Не свет. Яркая, невидимая, но присутствующая.

Айлет протянула ладони. Лицо было перед ее лицом, нос к носу. Лицо было до боли знакомым, но при этом неизвестным. Ее смертное восприятие ничего не замечало, но ей казалось, что под пальцами была мягкая шерсть. Она смотрела в глаза, яростные, жуткие и красивые, полные любви. И за теми глазами, за бесформенной картинкой была почти ослепляющая аура. Песня. Айлет не могла смотреть туда. Ей приходилось отводить взгляд, чтобы не рисковать.

Она посмотрела на лицо перед ней.

«Госпожа. Я люблю».

Айлет моргнула...

Она сидела на камнях у пустого логова волков. Солнце село, звезды сияли над ней. Полумесяц двигался среди них как маленькая лодка среди огромного черного океана.

Айлет покачала головой, встала и огляделась. Как долго она сидела там? Она уснула? Это ей приснилось?

Она посмотрела на свою ладонь, сжатую так плотно, что ногти впились в ее кожу. Она с трудом разжала пальцы. В ее ладони была блестящая шерсть, которая мерцала в свете звезд, а потом растаяла.

Она точно устала. Или проголодалась. Или заболела. Она сходила с ума от горя и одиночества. Или, может...

Она уловила движение.

Инстинкт пронзил вены Айлет, она повернулась, заняла защитную стойку, ладонь потянулась к ножу. Что-то появилось внизу, скользило среди деревьев, вышло из сумрака под тусклый свет. Силуэт был длинным, низким, подтянутым. Волк.

Сердце Айлет колотилось, но не от страха. Она медленно выпрямилась, ладонь еще лежала на рукояти ножа, но ее пальцы расслабились. Она ждала.

Волк сделал еще пару шагов и замер. Он поднял голову, наострил уши.

«Это ты?».

Голос появился в ее голове. Она знала этот голос, язык без слов, песня с низким рычанием.

Она охнула и шагнула вперед.

— Роторо?

Волк склонил голову и тихо заскулил.

Айлет пробежала по камням и склону, быстро миновала расстояние между ней и волком.

— Роторо! — закричала она. Воспоминания вспыхивали в голове — ее сестра-волчица, единственная из стаи, у кого была черная шерсть их матери. Волчица высоко подняла голову. Лунный свет показал, что ее голова уже не была черной, она побелела, возраст затуманил ее золотые глаза. Она сверкнула зубами, рыча, но не от гнева.

Айлет тут же опустилась на колени перед большой старой волчицей. Она не мешкала, обвила руками черную растрепанную шею. Это было так знакомо, она тысячу раз делала это с Ларантой, но всегда в разуме. Она давно не обнимала так физическое существо.

«Сестра, — пропел голос в ее голове. — Моя маленькая смертная сестра. Где моя другая сестра? Где Ларанта? Я слышала ее голос на высоте, пришла охотиться на нее, на тебя. Она не с тобой?».

Айлет покачала головой, ее лицо все еще прижималось к шерсти. От нее пахло хвоей, кровью и волком. Пахло домом.

— Ларанты больше нет, — сказала она.

«Говори со мной на нашем языке, сестра, — сказала Роторо. — Или ты не помнишь, как?».

— Это было так давно, — прошептала Айлет. Она отодвинулась и посмотрела на Роторо, в туманные глаза на дух внутри. — Мне так жаль, Роторо, — сказала Айлет. — Прости, что оставила тебя. Прости, что меня не было так долго.

«Так долго? — Роторо склонила старую голову. Ее тело вдруг опустилось к земле, грудная клетка содрогалась от тяжелого дыхания. — Что такое время, маленькая сестра, для духов, как мы?».

Айлет нахмурилась, провела ладонью по голове Роторо, ее шее и боку.

— Время не важно для духа, — сказала она, — но тела — другое дело. Что с твоим телом, Роторо?

«Оно увядает, — ответила волчица. — Я держалась годами, дольше, чем могло прожить это тело. Я держалась, надеясь, что ты вернешься. Теперь эти глаза увидели тебя, они больше ничего не увидят. Мне нужно отпустить это тело».

— А ты? — сердце Айлет болело, ощущение было слишком знакомым. Она гладила голову волчицы, ладонь сильно дрожала. — Я... только тебя нашла. И я потеряю тебя? Как остальных?

«Надеюсь, нет, маленькая сестра. Надеюсь, нет».

С этими словами волчица опустила голову на камни и закрыла глаза. Она в последний раз с трудом вдохнула. А потом с белым выдохом жизнь угасла, и дух вырвался в воздух.

— Роторо! — закричала Айлет. В сердце она закричала еще громче на языке, на каком не говорили смертные:

«Роторо! Не уходи! Вернись ко мне, живи во мне. Там есть место для тебя. Прошу, сестра!».

Яркая вспышка. Боль пронзила ее глаз, лишь на миг, но мучительный. Айлет закричала, упала на спину и застыла, как мертвая, глядела на звезды над головой. Они медленно кружились, далекие и не переживающие из-за дел в мире внизу.

Айлет закрыла глаза. Она ступила в сосновый лес своего разума, стояла там в тихом сумраке, длинные волосы ниспадали на ее голую спину.

«Роторо? — позвала она, ее голос отражался от стволов. — Роторо, ты тут?».

«Тут, сестра».

Перед ней появился сгусток тени, обрел облик волка. Не Ларанты. Ларанта пропала, и боль от ее потери останется с Айлет навсегда. Но она смотрела на нового духа, на сестру, которую и не надеялась найти.

Она улыбнулась.

ЭПИЛОГ

На рассвете следующего дня Айлет бежала по горам, среди деревьев, ощущая силу Дикой тени в своем теле. Рядом с ней бежала почти настоящая черная волчица, раскрыв пасть в животной улыбке, вывалив язык, уши были насторожены, словно для охоты. Они бежали вместе по берегам реки, повернули в лес, поднялись по склону, выше и выше, а потом вырвались из леса и увидели небо над головами.

Айлет стояла на камне, Роторо была рядом с ней. Она глубоко дышала запахами горы, леса и дикости, и ее сердце было легче, чем она надеялась его ощутить. Ее смертное тело задыхалось от усталости, ее кровь шумела в висках. Пот стекал по ее коротким волосам. Она

вытерла капли со лба, пока они не попали в ее глаза. Она моргнула, посмотрела на пейзаж тeneвым зрением.

«Роторо, — сказала она. — Что ты видишь вдали?».

Волчица склонила голову, смотрела на долину.

«Тень, — сказала она. — Могучую. Я ее раньше не видела. Ты ее знаешь, маленькая сестра?».

Айлет медленно кивнула. Она смотрела на лес за долиной, восхищалась движениями огромных крыльев дракона света, он изящно поднялся в воздух и снова опустился. Мерцающая духовная связь тянулась в деревья вниз.

Она знала, к кому вела та нить. Она знала, кому принадлежала та тень.

Он пришел за ней, искал ее всю зиму и весну. Может, нашел путь в Гилланлуок, может, он нашел журнал, который она оставила на столе в гостиной, открытый на странице про долину Рассе. Может, он просто шел за инстинктом.

«Да, — сказала Айлет. — Я знаю, кто это, — она посмотрела на Роторо, ее сердце тепло сияло. — Мне нужно тебя кое с кем познакомить. А потом...».

Она мягко улыбнулась и сказала смертным голосом:

— А потом мы пойдем домой.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net